

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 51 ДЕКАБРЬ 1979

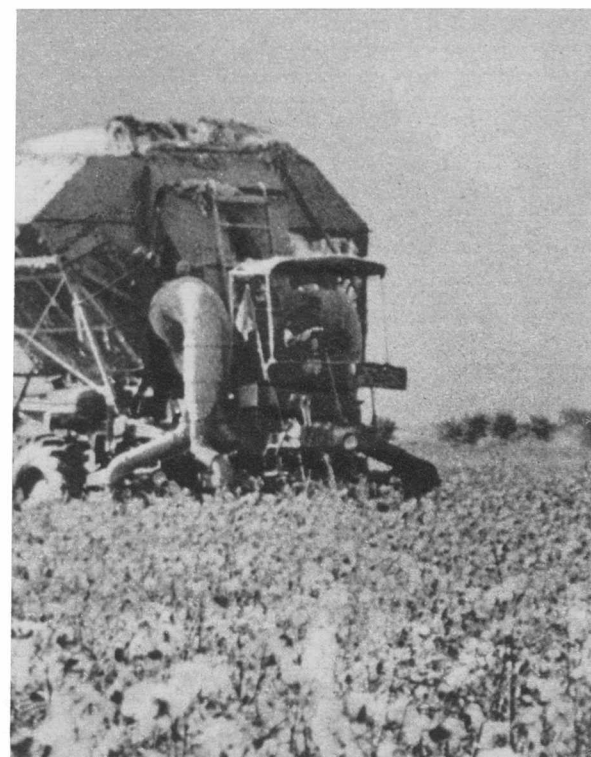

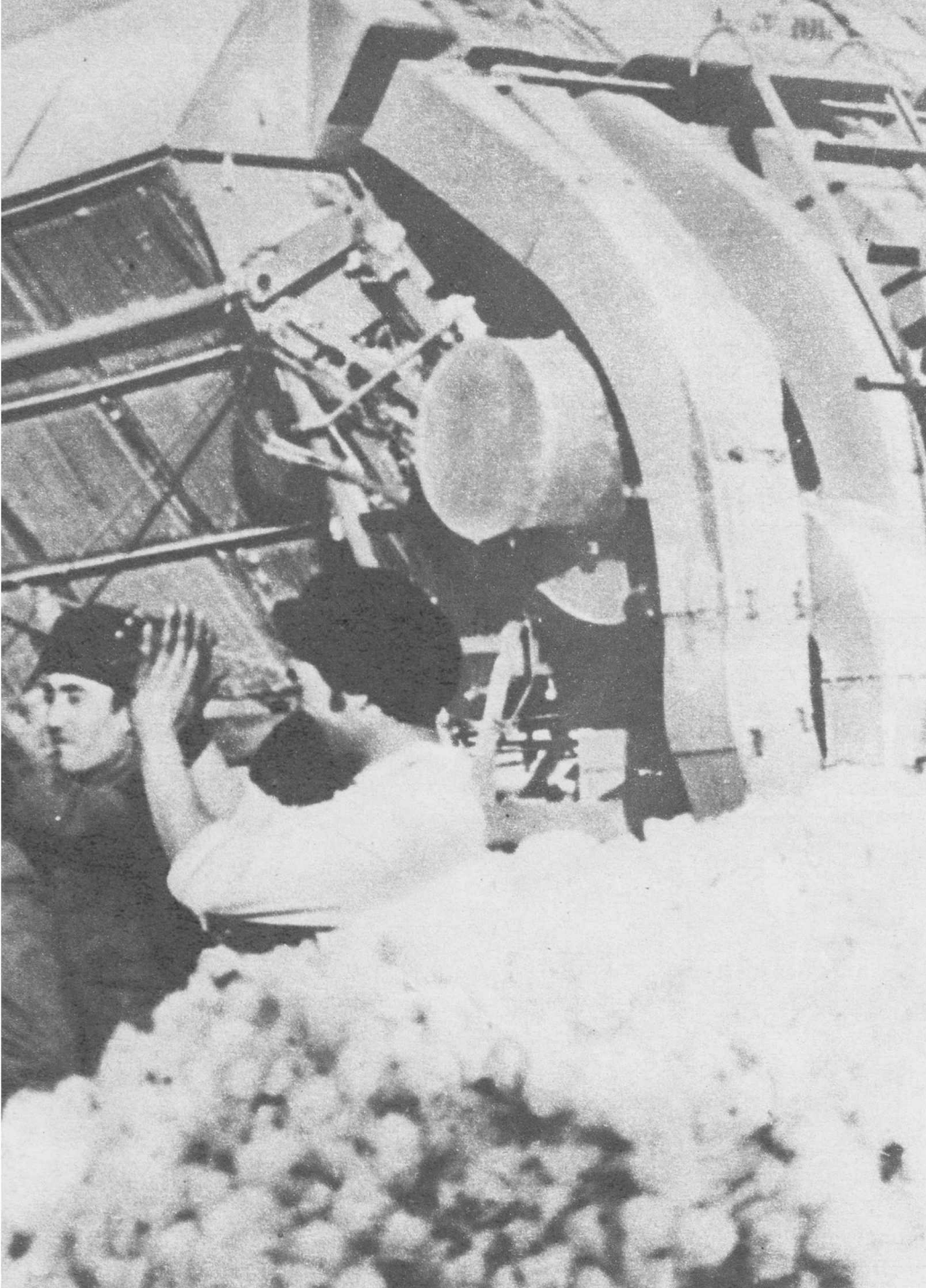

Кашкадарьинская область. Переходящее Красное знамя вручают Мискиной Курбановой: в тот день она собрала пятисотую в сезоне тонну хлопка.

БЕЛОЕ ЗОЛОТО: РЕКОРД

Малика Курбанова, механик-водитель из таджикского колхоза имени Ленина, Кулябской области.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 51 (2736)

15 ДЕКАБРЯ 1979

© Издательство «Правда», «Огонек», 1979

Н. БЫКОВ

В Кашкадарьинской и Ферганской долинах наступили дни, когда хлопкоробам — поливальщикам и комбайнерам — дарят розы, а бокалы полнятся гранатовым соком. Дни большого плова! Конец осени — та самая пора, когда на всю страну звучит слово хлопкоробов, слово наших среднеазиатских республик. Стране отработовали друг за другом земледельцы Туркмении, Узбекистана и Таджикистана: перевыполнены планы и обязательства республик по продаже государству хлопка-сырца. И мы теперь порадуемся вместе с мастерами хлопковых плантаций — полей воистину рукотворных, потому что кто не знает, как трудоемок хлопчатник, как нежно, даже капризно это маленькое влаголюбивое деревце, одаряющее людей «белым золотом».

В нынешнем году три среднеазиатские республики продали государству уже 7 миллионов 814 тысяч тонн хлопка-сырца. Рекордных показателей на производстве хлопка добились земледельцы славного Узбекистана. Они впервые вырастили столь обильный урожай и продали столько «белого золота»: 5 миллионов 720 тысяч тонн. Нынче самый весомый вклад в валовой сбор хлопка внесли мастера Каракалпакии, а также Бухарской, Кашкадарьинской, Андижанской и Ферганской областей. А ведь еще совсем недавно четырехмиллионный рубеж казался едва ли достижимой мечтой... Да и в этом году весна вовсе не сулила года более удачливого, чем любой предыдущий. Помогли древний опыт — наследие веков и достижения советских селекционеров, создавших, по существу, новое техническое растение, в частности высокоурожайные сорта тонковолокнистого хлопчатника, а для них — соответствующую агротехнику. Именно поэтому из общей массы сырца заготовители уже выделили 832 тысячи тонн волокна наиболее ценных тонковолокнистых сортов. По этому показателю особо отличились хлопкоробы Таджикистана.

Характерная черта хлопкового производства в нынешней пятилетке — участие женщин не только в уходе за хлопчатником и ручном сборе, что в общем-то традиционно для этих республик, но и растущая армия последовательниц знаменитой Турсуной Ахуновой из Узбекистана, давно овладевшей хлопкосборочной машиной. Шли годы, машины модифицировались, увеличивалось и число девушек, севших за руль комбайна.

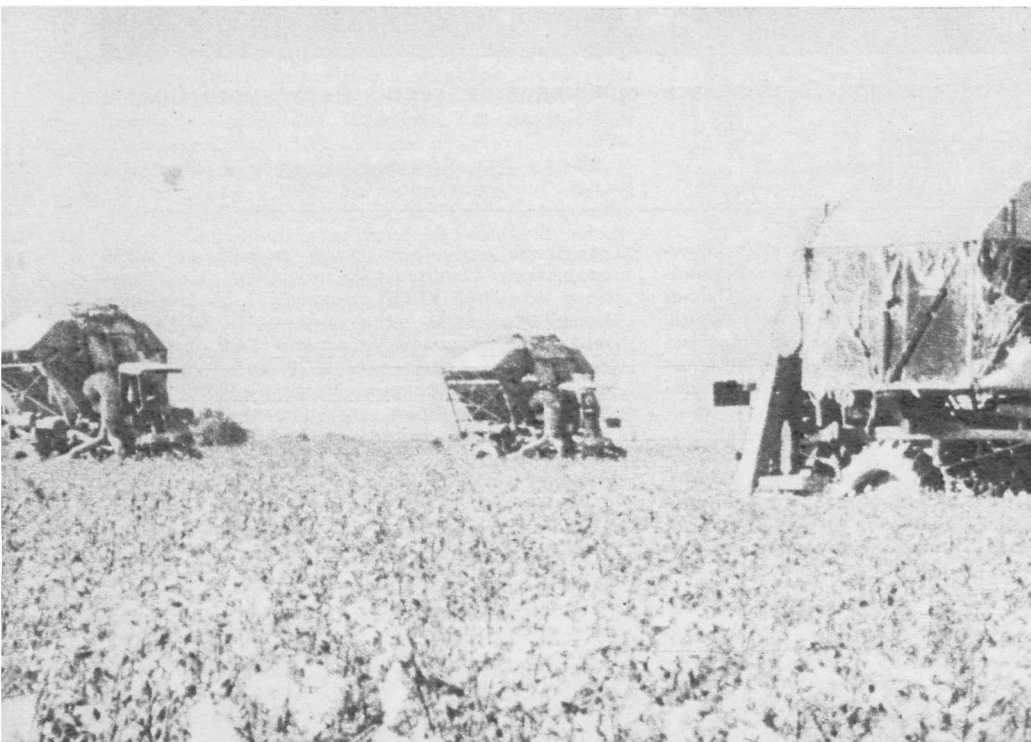
Помощь механизаторов нынче была как нельзя кстати: например, в Узбекистане выращен рекордный урожай — 31 центнер сырца на каждом гектаре. Ясно, что на руки,

Фото А. ПОДДУБНОГО,
С. РОЗЫЕВА, Ш. ШАРАПОВА

(ТАСС)

ДНЬНЫЙ СБОР

Последняя плантация... Хлопкосборочные машины на полях колхоза имени Атчапара Таирова, Марыйской области, Туркменской ССР.

11 декабря 1979 года в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась одиннадцатая сессия Верховного Совета РСФСР девятого созыва.

На снимке: в зале заседания Верховного Совета РСФСР.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

сколь бы проворны они ни были, надежда слабая. Только на плантации Узбекистана выжили 34 тысячи комбайнов. За штурвалами большинства из них сидели девушки. В печати уже упоминалось имя Саламат Умировой. Саламат — механик-водитель совхоза имени Ленина, Сурхандарьинской области. Она собрала более трехсот пятидесяти тонн сырка. Одна. С помощью комбайна. Еще больше — четверта пятьдесят тонн — собрала нынче сама Турсуной Ахунова, не увядающая под грузом многих забот, хозяйственных и общественных. Рекордный же сбор хлопка машиной отныне числится за победителями соревнования ме-

хаников-водителей из совхоза «Пограничник», Гагаринского района, Сурхандарьинской области. Здесь Эшкул Буриев и Панжи Шукуров собрали по 650 тонн хлопка-сырца. Каждый! А всего механизаторы Узбекистана выдали из бункеров своих машин три с половиной миллиона тонн хлопка — это шестьдесят процентов урожая. Вот теперь только можно сказать с уверенностью, что близко время, когда нелегкий ручной труд останется лишь в памяти земледельцев советской Средней Азии.

Сердечно порадовались успехам земледельцев Узбекистана, Туркмении и Таджикистана советские люди. С победой трудящихся трех

советских среднеазиатских республик тепло поздравил Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ Л. И. Брежнев. В своих письмах он от имени ЦК КПСС пожелал трудящимся Узбекской ССР, Туркменской ССР и Таджикской ССР добиться новых успехов в выполнении решений XXV съезда КПСС, ознаменовать завершающий год пятилетки новыми трудовыми свершениями, добиться большей отдачи орошаемого земледелия.

Плывут пиалы по кругу. На земле хлопка — праздник для самых доблестных, самых достойных.

5—6 декабря 1979 года в Берлине состоялось заседание Комитета министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Министры провели обмен мнениями по актуальным международным проблемам. Особое внимание было уделено проблеме военной разрядки и разоружения в Европе как ключевому направлению борьбы за упрочение европейского мира и безопасности.

Заседание Комитета министров иностранных дел проходило в обстановке товарищеского сотрудничества и братской дружбы.

На снимке: глава делегации СССР, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Телефото ДПА—ТАСС

4—6 декабря 1979 года в столице Польской Народной Республики — городе Варшаве состоялось очередное заседание Комитета министров обороны государств — участников Варшавского Договора.

В работе заседания приняли участие министры обороны государств — участников Варшавского Договора, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами и начальник штаба Объединенных вооруженных сил.

Комитет министров обороны единодушно и полностью поддерживает новые мирные инициативы, изложенные в речи товарища Л. И. Брежнева в столице Германской Демократической Республики городе Берлине 6 октября 1979 года, рассмотрел вопросы текущей деятельности Объединенных вооруженных сил и принял соответствующие решения.

Заседание прошло в деловой обстановке и в духе взаимопонимания.

На снимке: Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек и член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов.

Телефото ЦАФ—ТАСС

В соответствии с решением Советского правительства, принятым по согласованию и консультации с другими странами — членами Варшавского Договора, 5 декабря этого года начался вывод из ГДР на территорию СССР первых советских воинских формирований численностью 1500 человек вместе с оружием и боевой техникой. Объявленное Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым сокращение численности советских войск в Центральной Европе намечено завершить в сентябре 1980 года.

Советское правительство выражает благодарность гражданам ГДР, партийному и государственному руководству республики за чувства братской дружбы и союзнической солидарности, проявляемые по отношению к советским воинам в связи с их отбытием на Родину.

На снимке: во время проводов советских войск в Виттенберге.

Телефото АДН — ТАСС

Герои жатвы на плантациях ленкоранского совхоза «Аврора», сдавшего нынче чая больше всех в районе; бригадир М. Гамбаров, звеньевая, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Г. Керимова, инженер, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Р. Агаев, звеньевая С. Рашидова, рабочая, кавалер ордена «Знак Почета» Т. Гулиева. Они по праву были участниками праздника урожая.

Телефото О. Литвина, А. Тавакалова (ТАСС)

ПРАЗДНИК СЛАВИТ УРОЖАЙ

В изумрудно-зеленый наряд Ленкорани, причудливо сбегающей с гор к лазурному берегу Каспия, живописно вписалась эмблема праздника урожая: чаша изобилия, застывшая на вытянутых руках, — щедрые дары субтропиков Азербайджана! Такой увидели ее гости из всех районов республики, из братской Грузии, столицы Родины — Москвы.

Ежегодный праздник урожая в этом благодатном краю — добрая традиция, рожденная пятилетками. Солнце, с утра спрятавшееся за лохматые облака, к началу праздника залило теплым светом городской стадион, на трибунах которого и герои битвы за урожай и их гости.

Грянула музыка, и семьсот лучших земледельцев района под бурные аплодисменты совершили круг почета. В их рядах был и мастер высокого урожая овощей из совхоза имени Б. Абасова, кавалер ордена Ленина М. Расулов. Его бригада, в которой трудятся жена вожана Валида и дочь Латафат, получила с каждого гектара 716 центнеров огородной продукции. Это самый высокий урожай в республике. На празднике М. Расулова ожидал приятный сюрприз, он стал обладателем ключа от автомашины «Волга-ГАЗ-24».

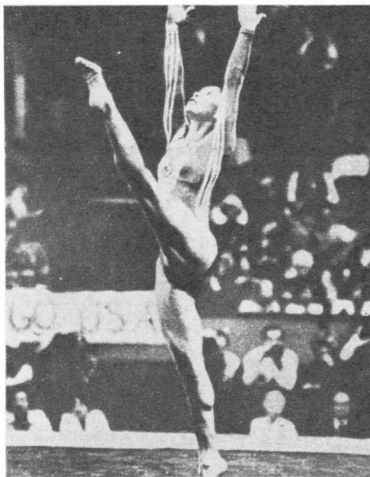
Участников праздника тепло приветствовал пер-

вый секретарь Ленкоранского горкома партии, Герой Социалистического Труда И. А. Мамедов. Он отметил, что, вдохновленные сердечным поздравлением Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, труженики сельского хозяйства Азербайджана добились рекордных показателей, а земледельцы района в этом году впервые за всю историю пятилеток вырастили 190 тысяч тонн овощей и более десяти тысяч тонн зеленого чайного листа. С ранней весны и до поздней осени капуста, огурцы и помидоры расходятся в 600 городов нашей страны. Пятилетний план по овощам выполнен за три с половиной года.

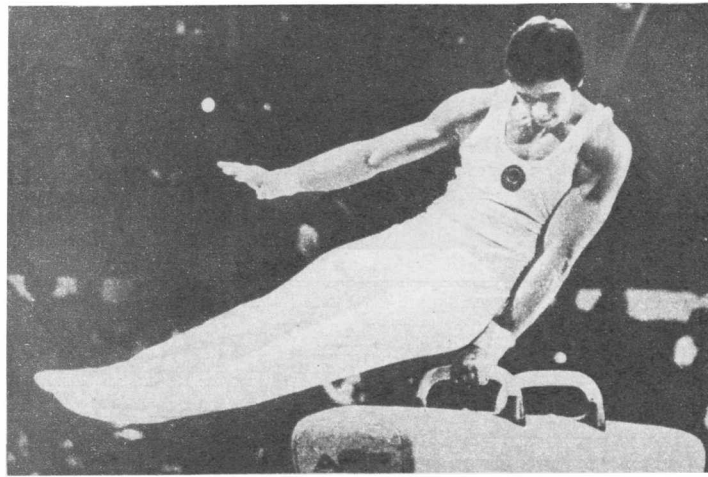
...Идет красочное театрализованное представление. Певцы и танцоры, музыканты и спортсмены дарят свое мастерство славным труженикам полей. До поздней ночи в селах района шли концерты и праздничные шествия, игрались свадьбы, справлялись новоселья.

На празднике урожая присутствовал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Азербайджана Г. А. Алиев.

Г. ПОГОСОВ

Нелли Ким выполняет вольные упражнения.

На коне выступает Александр Дитятин.

Телефото ЮПИ—ТАСС

ПОБЕДА В ФОРТ-УЭРТЕ

До нынешнего года американский штат Техас славился не гимнастами, а ковбоями. И вдруг один из его городов стал столицей мировой гимнастики. Там был проведен XX чемпионат мира, и телевидение сумело донести до нас весь накал борьбы.

Какие же события, разыгравшиеся в техасском городке, прежде всего привлекли внимание? Таких событий по крайней мере четыре: смена чемпионов среди мужчин, новый взлет команды гимнасток Румынии, выход гимнастов США на авансцену, полновесная победа гимнастов СССР. Из Америки они привезли домой 17 призовых медалей — пять золотых, семь серебряных и пять бронзовых.

Да, чемпионат мира в Форт-Уэрте был очень успешен для советских спортсменов, хоть и не оказался равнозначным для мужской и женской команд. Наши девушки уступили командное первенство румынским гимнасткам (с 1966 года они не стояли на второй ступеньке пьедестала почета), и лишь великолепное выступление Нелли Ким, завоевавшей золотую медаль абсолютной чемпионки, уравновесило общие итоги. Зато наша мужская команда выступила одинаково успешно в борьбе и за

командное и за личное первенство. Александр Дитятин, Богдан Макуц, Александр Ткачев, Владимир Маркелов, Артур Аюпян и Николай Андрианов отодвинули на второе место команду Японии, не знавшую поражения в течение 20 лет. А в борьбе за личное первенство абсолютным чемпионом мира стал молодой ленинградский гимнаст Александр Дитятин, который завершил свои выступления на чемпионате тем, что получил золотые медали за победы в опорном прыжке и в упражнении на кольцах. А главным его соперником и в споре за абсолютное первенство и в борьбе на отдельных снарядах был американец Курт Томас. За короткий срок он поистине достиг мировых кондиций и по праву получил серебряную медаль в абсолютном первенстве и две золотые в борьбе на отдельных снарядах. Поражение японских гимнастов и бронзовая медаль американцев в командной борьбе были двойной сенсацией чемпионата.

Теперь сильнейшие гимнасты мира встретятся летом в Москве на Олимпиаде-80.

А. СЕРГЕЕВ

Н. ХРАБРОВА

Должны быть безусловно выполнены плановые задания по экономии топлива. Об этом призваны заботиться не только хозяйственные организации, но и все партийные и советские органы — сверху донизу.

Из выступления товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на ноябрьском [1979 г.] Пленуме ЦК КПСС.

Позвонила в наш таллинский корпункт женщина, назвалась Мартой Янсон и усталым голосом рассказала, что у нее в комнате с самого начала отопительного сезона радиатор почти не греет, домоуправление ссылается на тех, кто ведает теплосетями электростанции, а те на домоуправление; комнату до сих пор приходилось обогревать электрорефлектором, но это для Марты дорого и, как она прочитала в газете, невыгодно государству. Что же делать?

За ответом мы пришли в дом, где находятся «Эстонглавэнерго» и «Энергосбыт», и там познакомились с молодой девушкой, инспектором энергонадзора Силли Пийльберг. В тот день в плане у нее были «визиты» в термоузлы домоуправления № 52 по жалобам жильцов.

— Неполодок в этом домоуправлении хоть отбавляй, — сказала Силли. — Правда, есть тут особые обстоятельства: в его ведении 290 домов, из которых больше половины не просто старинных, а исторических — с двенадцатого по восемнадцатый век... Термоузлы тут расположены в древних, плохо приспособленных подвалах...

Домоуправление Старого города — у подножия Вышгородской скалы. Там мы пригласили в совместное путешествие теплотехника Хельдур Никифорова и отправились в дом на улице Олевимяги, 12/14, где трудятся работники ремонтно-строительного управления Октябрьского района Таллина. В стене дома желтела обитая новенькой вагонкой в елочку двустворчатая дверь. К ней прислонена дощечка.

— За этой роскошной дверью должен быть термоузел, — комментирует Силли, — он еще не готов, а у меня есть сведения, что он уже топится. Помещение термоузлов должно быть всегда на замке, а здесь, как вы заметили, нам ключ не понадобится.

И действительно, Силли отодвигает дощечку, и мы входим в темный подвал. Электроламп нет, а на оборудовании — ни термометров, ни манометров. Вода булькает и шипит в трубах, термоузел щедро расточает дорогостоящее тепло.

— Кто подключил узел к теплоцентрали, почему нарушены элементарнейшие правила?

— Скорее всего строители решили погреться, ведь на время ремонта ответственность за объект снимается с домоуправления и передается РСУ, — поясняет Хельдур Никифоров.

— Это верно, — соглашается Силли, — я на них и составлю акт. Домоуправлению Старого города в данном случае ничего не могу

КУДА УХОДИТ ТЕПЛО

предъявить, кроме вопроса: как можно спокойно смотреть на это разгильдяйство?

Идем на следующий объект инспекторского надзора — в термоузел дома по улице Уус, 22. Здесь как будто бы все в порядке, трубы изолированы и покрашены, измерительная аппаратура действует.

— Что-то тут жарко, — замечает Силли и снимает показания приборов.

— Вот смотрите, — приглашает инспектор. — На улице минус пять градусов. По норме температура уже остывшей в радиаторах воды должна быть пятьдесят два градуса, а здесь — пятьдесят четыре. Вы думаете, два градуса немного?

только на хлипкие дощатые подпорки, теплоизоляция висит клочьями, на полу грязь. Измерительная аппаратура мертва — термоузел не работает.

— Я здесь первый месяц, — поясняет Ренате Вельбах. — Мы на попечении отдела народного образования Октябрьского района, откуда время от времени приезжают разные комиссии, но от этого не становится теплее. Дети перестали к нам ходить.

Силли Пийльберг составляет акт. Он будет направлен в отдел народного образования, и мы пойдем туда через некоторое время, чтобы узнать, как там отнесутся к претензии инспектора. О том, что здесь щедро расходуются

рядке профилактики меняют дроссельную шайбу: она-то и есть главный регулятор напора воды и, значит, температуры — чем больше горячей воды поступит в радиаторы, тем выше температура. Так вот, здесь поставили не ту шайбу.

Силли Пийльберг записывает показания измерительных приборов: от электростанции поступает, как и положено, вода, нагретая до ста градусов. Пройдя тонкой струйкой через «не ту» шайбу, она остывает не до семидесяти градусов, а до сорока шести, а из радиаторов возвращается в выходящую трубу остывшей уже до тридцати трех градусов вместо пятидесяти двух по норме. Дети, старики, больные в многоквартирном доме вот уже полтора месяца мерзнут в своих квартирах.

— В чем дело? — допытываются члены комиссии у инженера-теплотехника домоуправления № 52 Рейна Ямса. За словом в карман он не лезет — сыплет «объективными» причинами.

— Не напускайте туману! — сердито говорит инспектор теплосетей электростанции Тэльвит Минус. — Здесь всего-навсего надо заменить дроссельную шайбу.

Рейн Ямс сник и коротко обронил:

— Я это организую! Замученные холодом и полуторамесечной тяжбой с домоуправлением жильцы обретают надежду.

— А пока снимите шайбу и дайте людям тепло, — распоряжается инспектор.

— Да-да! — восклицает Ямс. — Будет сделано...

— Надеюсь, за время странствий по подземельям вы убедились в том, что многое зависит от домоуправлений — будет ли тепло в квартирах, а следовательно, и экономия электроэнергии, потому что не потребуются электрообогревательные приборы, — говорит нам инспектор Пийльберг.

Да, мы убедились. Тем более, что вечером жильцы этого дома позвонили к нам в корпункт и сообщили, что радиаторы были теплыми всего два часа, потом снова остыли. Была вызвана аварийная бригада, совсем перекрыли горячую воду, все развинтили, проверили, и только тогда мастера обнаружили, что кто-то накрепко закрыл кран, регулирующий подачу горячей воды. Сантехники домоуправления не соизволили запорить термоузел, хотя замок в полном порядке, а ключ должен быть только в домоуправлении. И вот несколько дней в этом доме идет игра с краном — то его открывают на полную мощь, и тогда температура в квартирах поднимается до 26 градусов — вспомним: каждый лишний градус увеличивает расход тепла на четыре процен-

та! — то закрывают, и тогда жильцы снова включают электрообогреватели и бегут открывать кран... О какой экономии энергии может идти тут речь? Кстати, по подсчетам «Энергосбыта», в республике десятки тысяч электрообогревателей.

«Эстонглавэнерго» уже не первый год испытывает затруднения с устаревшими таллинскими теплосетями. Начальник управления Эльмар Аман рассказывает нам:

— Причин потери тепла много. Одни из них легко устранить, о других пришла пора подумать не только на уровне домоуправления, но и в планирующих и проектирующих организациях. Назову сначала устранимые недостатки. Плохо регулируется подача тепла в домовых термоузлах в зависимости от наружной температуры, высоты этажей, от солнечной стороны, только на этом теряется 15—20 процентов тепла. Плохо промываются, а часто и вовсе не промываются трубы внутри домов, они засорены, диаметр их сужается, а домоуправления выходят из положения просто — увеличивает диаметр шайб, а значит, и расход тепла. И еще. Радиаторы в квартирах не снабжены кранами, а там, где они имеются, качество их таково, что пользоваться ими нельзя. И вот жильцы в случае излишнего тепла сутками держат окна открытыми, вместо того чтобы отрегулировать теплоподачу кранами.

Но есть и более серьезные проблемы, — продолжает Эльмар Аман. — Ошибки заложены в проектировании как домов, так и теплосетей. В домах нашей холодной и сырой климатической зоны не предусматриваются тройные окна. Правда, третье стекло в раме немного удорожит стоимость дома, но зато значительно сэкономит расход тепла. Проектировщики мало думают о теплоизоляции строительных материалов, слишком много используется стекла, а оно — плохой изоляционный материал. При укладке теплосетей трубы часто оказываются в сырости, потому что нет должного дренажа для отвода грунтовых и ливневых вод, изоляция размокает, трубы подвергаются коррозии и часто выходят из строя...

Начальник «Энергосбыта» Энн Калликорм тоже озабочен:

— Из-за дешевизны электроэнергии и топлива люди привыкли к расточительности. А мы здесь мало и не очень умело занимаемся пропагандой разумной экономии. Квартиросъемщики порой не знают элементарных правил пользования бытовым теплом, электроприборами, не умеют утеплять окна, двери, чтобы не топить улицу. Нам остается одно — призывать к сознательности. Нерадивых, конечно, надо наказывать. Кого конкретно? Сразу ответить на этот вопрос трудно. Однако когда пробуешь разобраться, то оказывается, что и круг расточителей тепла не так уж необъятен. Как известно, компетенция любого управления теплосетей, идущих от любой электростанции, ограничена: конечный рубеж — домовые термоузлы. А вот уж распределение тепла по квартирам — это сфера деятельности жилищных органов — городских, районных, которым и подчинены те самые домоуправления, что в первую очередь отвечают за исправность термоузлов. Вот с них и спрос по самому строгому счету.

Разговор об ответственности... Силли Пийльберг и Хельдур Никифоров. Фото В. Сальмере

Много. Перегрев квартиры на каждый лишний градус увеличивает расход тепла на четыре процента. Терморегулировщик ваш должен немедленно принять меры.

И тут же нам был преподан урок техминимума.

— В штате каждого домоуправления на семь-восемь теплофицированных домов должен быть регулировщик — человек, который регулирует через каждые три часа подачу теплой воды в зависимости от наружной температуры и проверяет комнатные радиаторы.

Из домоуправления — в Дом пионеров Октябрьского района. Разыскиваем завхоза Ренате Вельбах — эта молодая элегантная дама кутается в свои нарядные одежды. Холодно! Спускаемся в термоузел. Здесь полная разруха. Трубы прогнулись, опираются

электроэнергия, нетрудно догадаться: работники Дома пионеров наверняка пользуются электрообогревателями.

Силли смотрит на часы и объявляет нам:

— Меня ждут в подвале большого благоустроенного дома на Пярну мantee... Хозяйство пятидесяти второго домоуправления.

...В стилом помещении термоузла собралось много народу — инспектор, инженеры райжилуправления и горжилуправления, представители министерства коммунального хозяйства республики, инженер из домоуправления, жильцы. Оказывается, начальник «Эстонглавэнерго» Эльмар Аман по жалобам жильцов послал сюда целую комиссию. Причина такой большой тревоги на первый взгляд незначительна. Дело в том, что в термоузлах время от времени по-

Н. ШАТОВ

Фото Г. РОЗОВА

Холмогорки, верные своим биологическим часам, устремились в коровник — настало время обеда и дневной дойки. Зимний полдень в декабре освещен отраженным светом чистейших снегов, выбеливших поля, дальний лес и кустарник вдоль Яхромской поймы, затихшей, словно скатерть-самобранка, в ожидании заветных слов. В длинных струях бегущей по земле белоснежной нудели снуют, слегка бунсуя, тракторы с тележками, автопогрузчики и кормораздатчики, обслуживающие Карповскую молочнотоварную ферму Яхромского совхоза-техникума. Время обеда холмогорок собирает вместе и специалистов, и доярок, и механизаторов, всех, чьими заботами благоденствует здешнее дойное стадо.

Год животноводов начинается и кончается зимовкой, со всеми присущими этому времени особенными заботами о здоровье и продуктивности общественного скота. Летние дни — промелькнувшее зеленое воспоминание о травах по колёно, о летних выпасах, о щедрых наоях, о песнях сборщиков сена. Зимовка же длится от первых «белых мух» до последних проталин. Долгие месяцы, за которые у хорошего хозяина скот сохраняет почти все, что нагулял за лето. Холодное время ограниченных прогулок и не всегда разнообразных питательных кормов. В одних хозяйствах достигнутое за лето сходит почти на нет, в других поддерживается уровень научно обоснованного содержания и продуктивности стада. В том-то и вопрос — кто и как подготовился к зимовке, к сезону особых забот об общественном стаде, о его сохранности.

Вот почему все животноводы Яхромского совхоза с готовностью и пониманием восприняли постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развертывании Всесоюзного социалистического соревнования работников животноводства за увеличение производства и заготовок продуктов животноводства в зимний период 1979—1980 гг.». Синьковская ферма — лучшая пока в Дмитровском районе, она даже Карповскую обошла по наоям. А лучшая доярка — Анна Степановна Ларионова. Каждая ее корова — пятидесятничка. Вот-вот настигнет подруга — Надежда Петровна Седова, чьи коровы — пятидесятнички «без пяти минут». И Карповская и Синьковская фермы надают к Новому году более четырех с половиной тысяч килограммов молока на корову. Прекрасный результат. Он получен здесь после очень засушливого лета и необычно дождливой осени.

Кормление — наука, и этой наукой наши животноводы овладели давно, — объяснил успех главный зоотехник Николай Никифорович Гусев. — Конечно, можно корма считать, да так многие их и считают, «охапками», «навилыниками», на глазок... Но мы считаем в кормовых единицах и не почитаем себя педантами.

Да, год для нерадивых — даже в таком благополучном районе — грозит бескормницей в отдаленном «потом», ближе к весне... Хотя «в среднем» растениеводы и кормодобывчики Дмитровского района собрали вроде бы кормов не меньше, чем когда-либо: план по травяной резке выполнили, сено есть, а силоса лишь немного недобрали до плана... Но среди шестнадцати хозяйств есть такие, что

прячутся за спины Яхромского и Зареченского совхозов, идут, как говорят специалисты, «с минусом», то есть не надаивают того, что надаивали в эту же пору год назад.

— У коровы молоко, сами знают, где — на языке, — делится Анна Степановна.

Ее холмогорки, да и все коровы совхоза-техникума, с величавой торжественностью трижды за сутки поедают дышащий хлебным духом силос и «салат» из хорошо перебитых и посеченных свеклы и моркови. Свеклу и морковь подвозят шоферы от буртов и кормоцеху. Тут корнеплоды попадают в механическую мойку, грязь уходит сквозь грохоты, а увесистые морковины и раздавшиеся вширь корни свеклы подаются под ножи. Всей безотказной техникой кормоцеха уже пять лет управляет мастер своего дела Виктор Иванович Зеленев. Шеф-повар!

«Салат» увлекает широкая лента, и он наполняет емкий, с высокими бортами автокормораздатчик, который водит Владимир Колесов. — За день наши коровушки поедают по два килограмма сена и столько же травяной резки, почти пуд свеклы да еще силоса полтора пуда, — излагает рацион своих «рядовых рекордисток» Анна Степановна.

— В общем, — уточняет главный зоотехник Николай Никифорович, — за день корове скормливаем до двенадцати кормовых единиц. Это важно, а не просто брюхо набить.

Всего кормов в совхозе заготовили по двадцать семь центнеров кормовых единиц на корову. Много это или мало? Достаточно, чтобы к Новому году идти «с плюсом» и надаивать даже зимой почти на четыреста граммов ежедневно больше прошлогоднего. Те же фермы, где «сминусовали», Дмитровский горком партии взял под строгий контроль. Хозяйств с такими фермами много, хотя зимовка только началась. Им вся помощь района — и кормами, и техникой, и советами. Хотя, конечно же, о декабре на фермах надо было думать еще в зеленом июле...

— Отчего все же зависят надои?

Анна Степановна, не задумываясь, ответила: «От настроения. Чьего настроения?»

— Коровы, конечно. Сколько коров, столько характеров. Каждый переменчив, отличается своим настроением. Я моих коров, а их у меня тридцать пять, знаю не первый год, ну и подлаживаюсь, не без этого. Не потрафишь иной — она не отдаст всего молока. Ублажаю, иначе нельзя.

— Ну, а мы доставляем каждому стаду витамины, — рассказал о своих необычных заботах ветврач района Валерий Алексеевич Чулков. — Очаги эпидемии весьма опасны именно для отощавшего скота... Тут нужен глаз да глаз!

В коровниках на Синьковской и Карповской фермах тепло. Там же, где сквозняки и сырость, чаще мучают животных ревматизм, а то и туберкулез... А тепло, уют, тишина, строгое последовательное соблюдение режима дня и рациона — все это само собою ведет к стабильным удоям. Чего греха таить, в ином хозяйстве не только кормов вдвое меньше, но даже скотные дворы не утеплили: ворота настежь, стекла в иных окнах выбиты, свеклу валят в кормушки немутую и непорезанную, вместо сена — соломенная резка, которую даже не пропарили и ничем не сдобрили... Такие — ничего хитрого — «минусуют» уже с октября. Поэтому в долгие дни зимовки все внимание животным; они хоть и бессловесны, однако умеют красноречиво отвечать на ласку добрыми наоями, привесами, настригами. Сезон забот обзывает людей быть человечными, особенно в этом году.

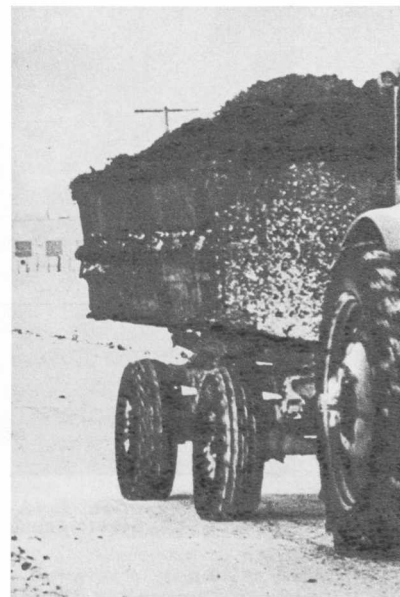

На прогулке...

ЗАБОТЫ

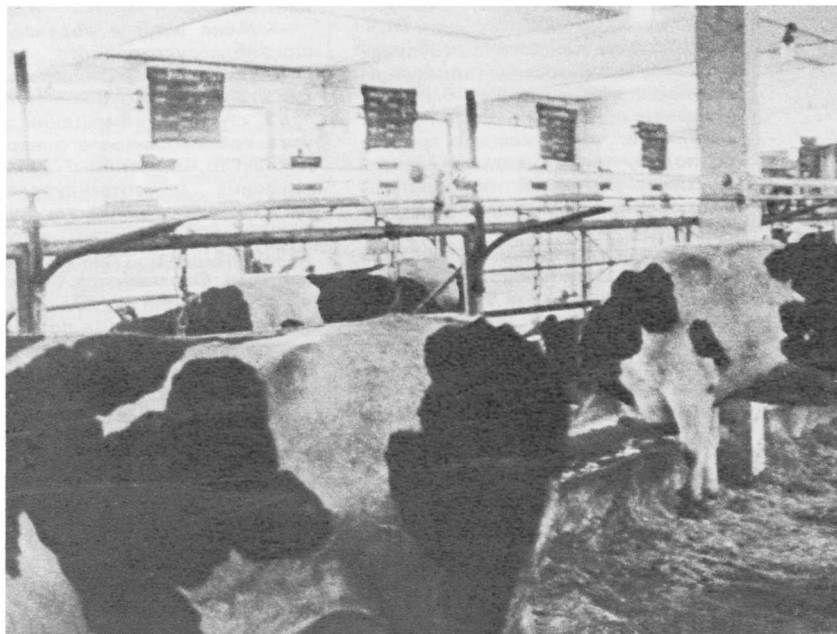

Зоотехник Н. И. Бриквина.

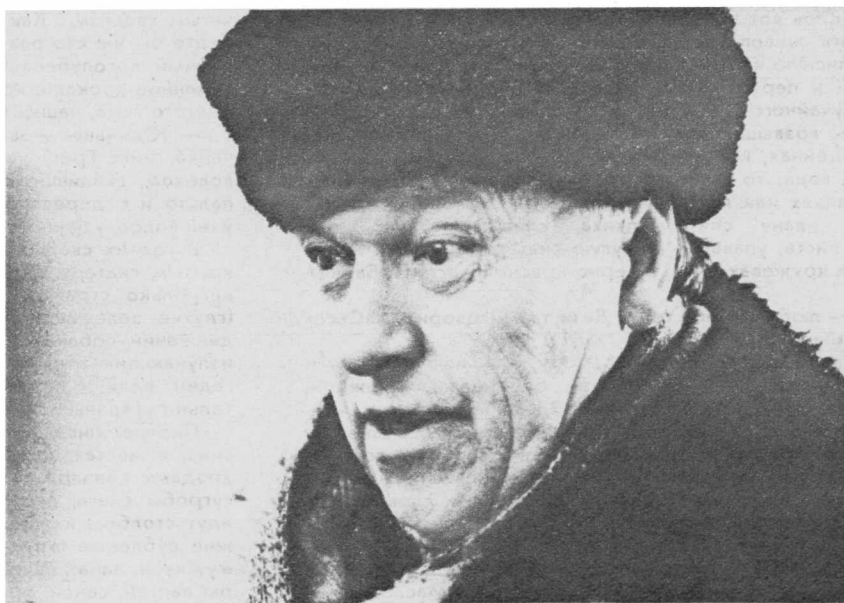
Подвозка кормов.

Карповская ферма, час обеда.

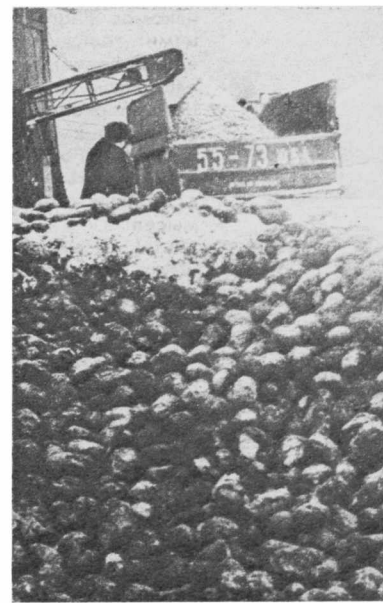

ЖИВОТНОВОДОВ

Главный зоотехник Н. Н. Гусев.

Сладкий корень.

БОРИС КУСТОДИЕВ

Александр БАСМАНОВ

Масленица приходится на февраль — март, на тот ранний рубеж весны, когда мороз еще хватает за уши и под галошами хрустит игольчатый снежок звездочкой, но знаешь точно: зима позади. Слышите звон полозьев и смех, видите холодные раскрасневшиеся щеки, чувствуете тающий запах шубы после беготни по сугробам, помните блестящие глаза?

Первая идея «Масленицы» пришла к Кустодиеву именно в марте 1916 года, в ее разгар, когда он с располосованной от затылка до крестца спиной и уже парализованными ногами лежал в палате. (Вышли к Юлии, жене: «Нужно пересекать нерв на позвонке; что оставить живым — руки или ноги?» «Руки! Он же умрет. Художник без рук...»). Тринадцать дней после операции протянулись, как тринадцать годов, но он уже думал о новых декорациях, писал Юлиной рукой (своею пошевелить от боли не мог) в МХТ приятелю-режиссеру: «Что нового у Вас? Давно ничего не знаю. Носятся какие-то слухи о «Розе и Кресте» Блока, будто бы Вы будете этим заведовать («помяните меня в своих молитвах», если представится вопрос о постановке!). Пьеску давно знаю, и очень она мне нравилась. Много красивого и нежного... Истосмился очень без сцены».

Кустодиев действительно тосковал по сцене. Это было его кровное, искомое много лет, теперь вот уж совсем найденное и сведенное концами: театр оформлять живописною картиной (о том толковал ему еще Головин), а живописную картину давать театральным действием, оснащенной декорацией и персонажами, балаганом, но с идеей духовного движения: от случайного и частного, смешного и скверного — внешнего к общему и возвышенному — истинному. Подмостками же, сценою — Россия. Сгущенная, концентрированная, но знакомая каждому, и в четырех ликах года: то в салатном цвете весенней травки, то в знойных летних купаньях или послепопуденном разомлелом сне (замысел: «на первом плане спит купчиха, спит извозчик... все спит»). То в янтарном листе, упавшем на тугую скатерть прямо к кипящему самовару. А то в кружевах инея, в черно-красной росписи бабьих платков.

Сверкающий иней — любимая его тема. Дети так и говорили: «Сегодня пап и н день», — значит морозный.

«Морозный день», написанный еще в 1913 году, одна из тех на пути к той России — яркой, праздничной, звенящей буденцами, выюжной, которая связана сегодня с именем Кустодиева. Здесь и дворник с метлой, в валенках, и пушистые от кристалликов инея ветви деревьев, и желто-оранжевое пятно солнца, и застылая улица уездного города, как бы рассекаемая крупной размашистой рысью коня, запряженного в возок. Здесь, наконец, сама идея «движения на снегу», словом, все те атрибуты и приметы, которые соединятся и бравурно зазвучат потом в «Масленице».

Вот она, «Масленица» 1916 года, самая пронзительная и страстная из всех бесконечно потом возникавших кустодиевских «Маслениц» и «Зим»: за холодным жемчужным туманом, на заиндеветшей колокольне звонят благовест, и бронзовый гуд, заполняя все вечернее, морозное, розовое небо, беспокоит целый ворох ворон и галок, падает на городскую даль и сугробы, на разряженную, пляшущую, гуляющую толпу, рассыпанную по приволью холмистого пустыря, откуда город как на ладони, и хмельной ямщик прямо перед тобой, не разбирая дороги, правит с лихим свистом испуганными лошадьми, готовыми вот-вот опрокинуть нарядные сани.

Потом, перед смертью говорил: художник должен «все уметь рисовать, чтобы потом быть в состоянии свободно распоряжаться своим материалом, работать легко и свободно без натуры, от себя, но как бы с натуры».

Да, те семь страшных месяцев неподвижности и распятия в клинике Цейдлера, что дали первую «Масленицу», Кустодиев вспоминал всегда с чувством какого-то невероятного восторга.

Он учил сына, также художника: никогда не стесняйся работать на людях — это первое и самое главное правило: приучив себя к нему, приобретаешь легкость и быстроту хватки, но важнее, что будешь черпать драгоценности из жизни, а не книжно — и выработаете таким образом свой взгляд на предмет.

У молодого Бориса Кустодиева, здорового, складывалось поначалу все именно так. Он был человеком устойчивой психики, без рефлексий, простым и сильным, он был, наконец, прирожденным живописцем

и чувствовал небо, зелень, золото, шелк — музыкально («флейты и скрипки, а затем сильный тон, красное пятно — трубы, тромбон»). Но колористом себя не признавал, говорил, что мешает дальнорзорность, а подлинная живопись — ведь «это та же влажность воздуха Венеции или Голландии; она объединяет, она делает яснее соотношения, скрадывающая форму».

Это объединение соотношений в единую форму, ее текучесть и вязкость, переданная зачастую одним мазком, и стала в академические годы ученичества задачей, которую следовало решить раз навсегда. Репинская выучка, его огромное личное дарование и школа сказались в целой сюите портретов — Варфоломеева, семьи Поленовых, Матэ, Библина. За последний — вторая золотая медаль на Мюнхенской выставке: расслабленно-небрежный изгиб тела, долгополый сюртук, красная гвоздика в петлице, атлас манишки и лицо артиста-виртуоза — нервное, тонкое, умное, чуть насмешливое. Именно здесь Кустодиев проявил отменный вкус и первоклассное мастерство живописца: серебристо-серые, черные, белые тона с единственной алой вспышкой почти в центре композиции даны длинными, свободными, текучими мазками в свободной и легкой манере.

Это — начало века, начало «русского Ренессанса», по определению Андрея Белого. Это время начала любви Кустодиева к той, с кем свяжется вся жизнь, и это время его Костромы.

Он отправился туда, в село Семеновское-Лапотное, на этюды с сокурсником Стеллецким осенью 1900 года и через неделю уже так прикипел к этим местам, что знал весь уезд назубок: и зажиточную деревню Маурино с полусотней крепких рубленых домов, и пыльный, через клевер, извив дороги на Клеванцово, и прогон к церкви Богородицы в Звереве. Сначала лесом — березовым, ольховым, еловым — все более сумрачным, потом луговинкой к мельнице через заросшую Медо-зу, где на бревенчатом склизком переходе запруды все казалось: вот-вот, играючись, выплеснет из темного омуту русалка с влажным чешуйчатым хвостом... Как же это было? Все попросту, по-провинциальному, будто бы уж сто раз Чеховым описано: и аллея прохладных лип, и старинный поглубевший дом в Высокове — мытые полы под плахами, туманное зеркало, кружевные салфетки, треснутые, еще времен двенадцатого года, чашки с миниатюрами, фортепьяно...

— Юлинька! — звала воспитанницу вниз старая обрусевшая англичанка, мисс Грек, для знакомства с розовым и веселым молодым человеком, свалившимся непонятно откуда, в длиннейшем брезентовом пальто и с деревянным ящиком на ремне. Она и спустилась: черный узел волос, узкая, женственная до непонятного страха.

В год их свадьбы родился и ее портрет — тот, где Юлия сидит за крытым скатертью столом, на веранде. Портрет для медового месяца несколько странен. И беспокойная предвечерняя атмосфера фона (глухие зеленые тона, розовое пятно стены, несколько смазанная в движении собака на первом плане), и само лицо, весь облик Юлии, излучающий тревогу и недосказанность, словно бы предчувствие трагедии, воли и подвига, на которые она обречена судьбой, — паразитально угаданы здесь Кустодиевым.

Портрет писался в Высокове, где сложилось для него «чувство России», в местах, родных уже с зимы 1902 года, когда он работал над этюдами «Базара в деревне». Миг ослепителен: сверкающие солнцем сугробы снега, скрип полозьев, звон колоколов, бесчисленные дымы идут столбом к ясным морозным небесам. Мохнатые лошаденки, свежие дубленные тулупы, рукавицы и валенки, обросшие, бородастые лица мужиков, запах овчины и ржаного хлеба и, наконец, базар — целые горы лаптей, саней, яркая пестрота: «Это было ума помрачение по краскам, такое разнообразие и игра. И никакие эскизы, никакие фантазии не дадут ничего подобного — все просто и красиво...»

Тут он испытал необыкновенное чувство гордости за эту радугу Руси. «Симфонической декорацией, которая поглощает все сознание», признал круговорот этих вывесок, хомутов, глиняных игрушек, ситцевых платков, занавесок и полотенец, кафтанов, кушаков, душегрей, подносов и сундуков.

После «Базара в деревне», где явилось чисто физическое чувство правды деревенской зимы, стали рождаться и свои базары, свои «Ярмарки» 1906-го, 1908-го, 1910-го годов. Это начало знакомого нам всем художника Бориса Кустодиева.

Оно было болезненным, как и любое рождение, как любой отказ от коренной привычки, которая, известно, прорастает второю натурой. Ночами являлось нетерпение и недовольство собой: «Какой должен быть путь, чтобы вернее достигнуть результатов? Что прежде всего — рисунок, форма или живопись?.. Я, кажется, никогда так не мучился за работой, как теперь — или потому, что раньше себе отчета не давал — писал, как писалось... Боже мой, как бы хотелось занять у кого-нибудь с илы в ол и, главного, чего и недостает мне...»

Сила воли, однако, приходила: не сразу, но крепко. И высшим знаком освоения репинской школы стала «Монахиня» — волевая старуха у парчового аналоя, писанная Кустодиевым масляными красками на холсте всего лишь за шестнадцать дней осени 1908 года.

Эта картина — точка отсчета новых профессиональных поисков, ув-

Б. Кустодиев. 1878—1927. ПОРТРЕТ Ю. Е. КУСТОДИЕВОЙ, ЖЕНЫ ХУДОЖНИКА. 1903.

Б. Кустодиев. МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ. 1913.

лечения вопросами ремесла, формы. «Мир искусства» обратил внимание на него, астраханского провинциала и академика, в 1909 году (хотя Дягилев приглашал формально примкнуть к обществу еще в 1905-м), когда Кустодиев раздвоился — на портретиста-психолога передвижнического толка и мастера яркой картины русской окраины, уже хваленой за «варварскую драку красок» самим Бенуа, утверждавшим, что «ярмарка, пестрятина, «глазастые» ситцы... его настоящая сфера, настоящая радость». Отсюда и окрыление, приток сил. Но досадное чувство своего н а ч а л а, когда «корифеи едва допускали к себе», впечатленье от их заносчивой манеры сохранял всю жизнь. Чужой оказалась тяга к Западу, как у Сомова и Бенуа, чужим оказался ретроспективизм, реставраторство, и художник Анненков позже признавал это так: «Быт Кустодиева — это вся Россия от Рюрика до наших дней. Совершенно не важно мне, что он пишет купчих сороковых годов; они мыслятся и в XVII веке, и как современные нам или уходящими в совсем седую старину. Основа одна, и у Кустодиева это поразительно осознано и обосновано!»

Десятилетие переделало его жизнь. Потом не только вспоминался запах гиацинтов, витавший в мирискуснических, с изыском убранных залах, но и реальное виденье смерти, в те часы особенно, когда после бешеных головных болей, обесиленный, терял ориентацию в пространстве. Он лежал дня по два, закутывая голову теплыми платками: малейший звук усиливал страдания, домашние ходили на цыпочках, двери плотно закрывались. Вся надежда оставалась на швейцарца Ролье из Лейзена, на солнечные ванны. И действительно, тот виртуозно оперировал позвоночник, помог.

Лейзен находился высоко в горах, из Лозанны туда ходил фуникулер, и оживший Кустодиев ездил в Женеву, катался с детьми и Юлией в лодке по озеру.

Многие ночи были без сна, и он через открытое окно видел скалистую гряду, залитую голубой луною, звезды размером с яблоко и начинал думать только о доме, и картины, образы теснились, и он не успевал их фиксировать.

«Купчихи в Кинешме на базаре», или просто «Купчихи», написались в Лейзене. «Стоят такие купчихи, белотелые, около магазинов» — только и всего. Он отбросил все условности, наплевал на все профессиональные мнения и разыграл красками «писесу», разыграл небо, бульжную мостовую, вывески, большой бутафорский крендель над входом в хлебную лавку, яблоки и сливы в плетеных корзинах, — все контрастно до скандальной дерзости: синее, желтое, зеленое и красное. Но, как ни странно, именно тут и почувствовал свою идею: исканье чистоты, и не просто исканье, а выстраданное; «когда был здоров, не писал того, что хотел, а вот теперь смерть как хочется...» Потом, уже безоговорочно увлеченный театром, прошедшим через влияние живописи, говорил: «привлекает то, что в соединении декораций с актерами, наряженными в созданные художником же костюмы, получается живая, движущаяся картина, как бы воссоздание «воображаемой жизни».

Стиль, органичный и естественный («быть может, для художника самое главное качество!»), определился в 1915 году: песня лилась уже звонко, ясно. И «Крестный ход» с лубочной радугой-аркою и кулисами-елями, и ядреная, в шелестящем шелковом платье «Купчиха» с кружевным платком в пухлых пальцах, и сонная, сдобная, розовая, стыдливая, голубоглазая и жемчужнозубая «Красавица», родом из душевной горенки — перины, подушки, расписной сундук, обои в цветочек, комод со статуэтками, — отныне жили. Появилась Афродитаю из пены фантазии «Девушка на Волге».

Первое время позировала девочка-соседка; ее заменил деревянный манекен без головы, но с руками и ногами, на шарнирах, принимавший любые положения. На него надели старинное платье из мелового шелка в синюю полоску, тщательно положили складки и дали нужную позу; подходить к манекену строжайше запрещалось. Дети помогали чем могли. Кирилл срубил молодую рябину с ягодами, нарезал бело-желтого от цветущей ромашки дерну, и мастерская превратилась на неделю в сад.

В 1915 году он был вообще одержимым, говорил: «Вот есть же картина голландская, где люди отнюдь не стаффаж, а неотъемная часть целого, вот такую же пытаюсь делать живопись и я — типично русский». Он приезжал тогда на Волгу (сам того не ведая, в последний раз) и, остановившись по пути в Нижнем, просидел полдня на бульваре, глядя на другой, луговой и дивный берег, ясный, верст на сорок вперед бледно-зеленый, равнинный, с разбросанными кой-где белыми пятнами церквей.

Потом, возвращаясь через Москву, ходил (тоже в последний раз!) с приятелем и знатоком белокаменной, режиссером МХТ Лужским, наслаждался красотой кривых, горбатых переулков, где древности громоздились «кучами», придумывал темы: Гостиный двор, Игрушки, Букинист, Шарманщик... «Но шарманщик не мой тип, — сказал тогда Кустодиев, — у меня половой с чайником». Половой с чайником вскоре и появился. Вернее, вылетел ветром, плеская кипятком на суконные колени посетителей в «Московском трактире», где обряженные в кафтановую синь извозчики истово дули на свои блюда. Перед тем, как картину начать, делился с сыном: «Вот и хочется мне все это передать. Взяло от них чем-то новгородским — иконой, фреской. Все на новгородский лад — красный фон, лица красные, почти одного цвета с красными стенами — так их и надо писать, как на Николае Чудотворце — бликовать. А вот самовар четырехведерный сиять должен».

Петербург, однако, постоянно завихрял делами, отвлекал, но отвлекал интересно: шутка ли сказать, полотно 2,5 на 4 метра с дюжиной фигур в натуральную величину — групповой портрет художников «Мира искусства», задуманный «одновременно декоративно и реально, монументально и жизненно».

Портрет не состоялся — только виртуозный эскиз и отдельные пробы: Добужинский, Рерих, Лансере, Билибин, Нарбут, Сомов, Петров-Водкин, Грабарь, Милоти. В 1916 году болезнь уже окончательно свинтила, прожгла, лишила ног.

«Меня называют «натуралистом», — сказал как-то Кустодиев, — какая глупость! Ведь все мои картины сплошная иллюзия! Что такое картина вообще? Это — чудо! Это не более как холст и комбинация наложенных на него красок. В сущности — ничего нет! И почему-то это отделяется от художника, живет своею особой жизнью; волнует всех, кому нравится, а в ком-то вызывает отвращение и так далее. Мои картины я никогда не пишу с натуры, это все плод моего воображения, фантазия. Их называют «натуралистическими» только потому, что они производят впечатление действительной жизни, которую, однако, я сам никогда не видел и которая никогда не существовала... А те художники... которые никогда ничего не воображают и только и делают, что работают с натуры, они не натуралисты(!). Какое глубокое заблуждение и путаница понятий...»

И н т о н а ц и я его жанра, его «провинциального» стиля переменялась. Теперь это картины-воспоминания, тот сконцентрированный в сознании мир, который, быть может, из-за болезни вытеснил мир живых зрительных импульсов. «Что бы я стал теперь делать, — говорил он, — когда не хожу?.. А вот сейчас вспоминаю и рисую! Когда пишу, у меня всегда стоит картина перед глазами, я ее как бы целиком списываю и срисовываю... Иногда от виденного голова пухнет. Я помню купчих, которые жили за нашим домом в Астрахани, помню, во что была одета та или другая купчиха или купец». Так они и стали появляться органичной сюитой — «Купчихи с покупками» и «Купчихи на балконах»; так, по-театральному разыгрался и «Уходящий быт» — необыкновенно красивое по цвету произведение, где проявилась лубочная, именно к у с т о д и е в с к а я радость бытия, даже ее избыток: и краснощекая красавица-купчиха в бархатной шубе с песцами, и сугробы снега, и здоровый морозный воздух, и вывески с изображениями баранок, караваев, кренделей.

Революцию Кустодиев тоже восторженно вообразил (он уже не мог двигаться), а то, что увидел, увидел лишь из окна, сверху. Именно с точки птичьего полета, в напряженном динамизме упругой высоты даны и «27 февраля 1917 года» и «Большевик», навеянный мотивом прогремевшей блоковской поэмы («революционный держите шаг!»). Он сам признавался, что его «привлекла к себе мысль выразить в большой картине чувство стихийного в большевизме». Этим же чувством звенят и «Праздник на площади Урицкого», и «Ночной праздник на Неве», и другие картины ближайших к Октябрю годов. Как колорист Кустодиев увидел в революции простор для любых живописных сочетаний и решений.

О к н о стало для Кустодиева в ту пору знаком мира, оно напоминало ему синематограф или волшебный фонарь, где можно затаив дыхание увидеть закат, уходящий за горизонт последние солнечные лучи, или грозу, превращающую синий церковный купол в видение: то он сольется с небом, то в прорези молнии на свинцовых облаках сделается светло-сиреневым, «почти в одну силу с белыми стенами». Из окна возникали и сюжеты разрухи восемнадцатого года: торчала какая-то труба, на груди кирпичей и мусора копошились люди — валили веревками стену, проходили калеки на костылях, мужчина и женщина везли гроб, а на переднем плане очередь, уходящая за оба края картины, — как говорил Кустодиев, «платоновская идея очереди». Взглядом как бы с высоты возник и шедевр — «Портрет Шалаяпина», писавшийся на огромном холсте, по клеткам, сидя в кресле, с дикими болями в шее и руках. Потом Сомов все удивлялся: комната мала, Шалаяпин огромен, тут нужен отход по крайней мере вдвое больше.

Константин Андреевич Сомов приходил часто: небольшого роста, всегда с иголки. Как великую драгоценность принес однажды фисташковый свой разбавитель — золотистую жидкость, подолгу висевшую на конце кисти густой янтарной каплей. Секреты «техники» не давали им покоя, объединяли в интересах, в стремление добиться «эмалевости и вязкости», как у т е х, в старину. «Как это все могуче, сколько любви к своему делу, какой пафос!.. Хочется работать много, много, и хоть о д н у бы написать картину за всю свою жизнь, которая могла бы видеть хотя бы в передней музея Старых Masters».

К ним, к их «заколдованному кругу» и приходил Кустодиев в конце: «Хотя я и сейчас могу карандашом нарисовать фигуру хоть с пальца, хоть с уха, но нет еще той пластики, умения, какие были у великих...» Преувеличивал, конечно: Верейский как-то положил рядом с его «Купальщицей» «Одалиску» Энгра — впечатление для собравшихся в тот момент художников оказалось равным.

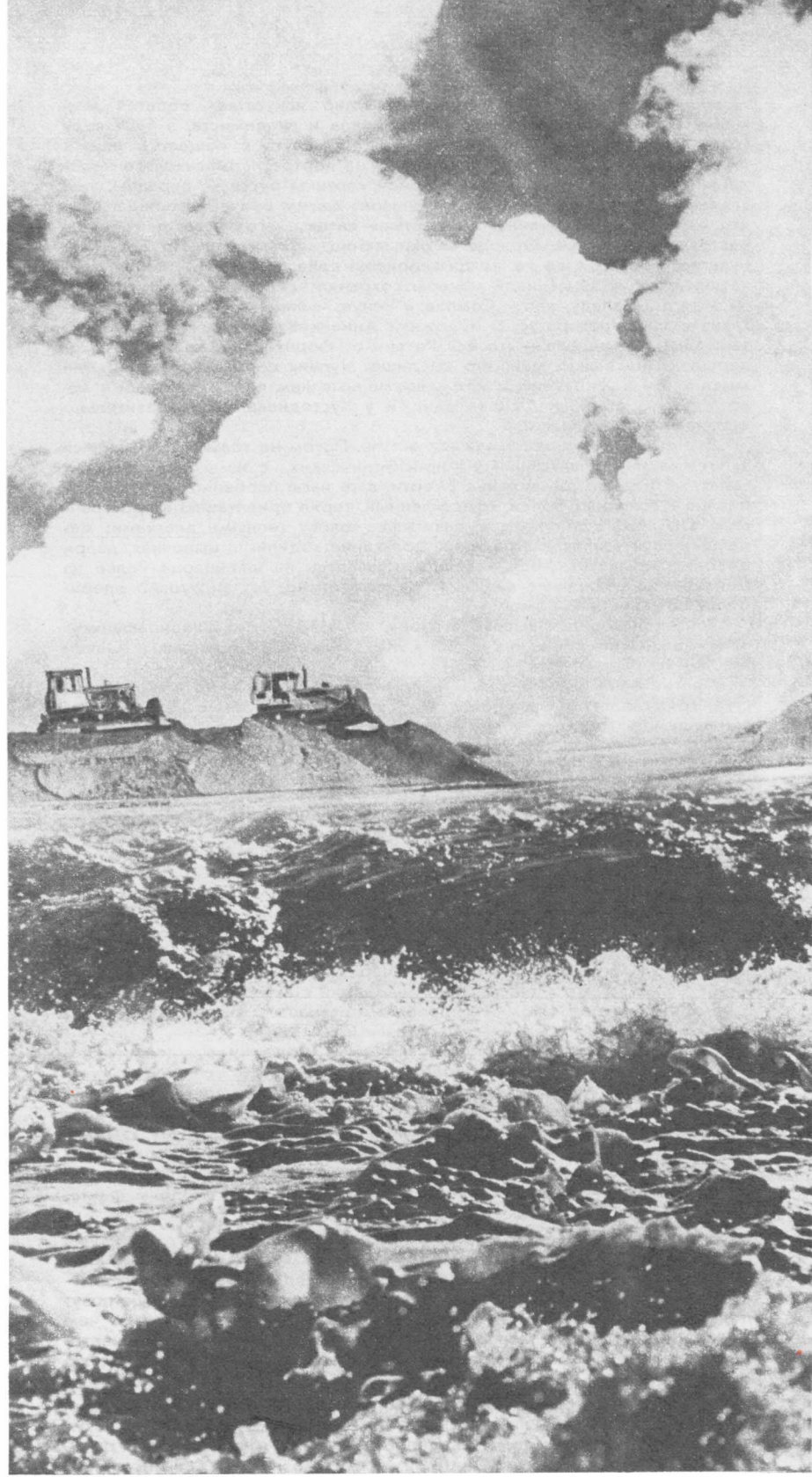
Последние месяцы, что оставались ему на земле, были уже не жизнью, а сплошным, с нечеловеческими страданиями, умиранием. Точнее, умирал не он, а его сорокадевятилетнее, еще, по сути, молодое тело: недвижимые ноги, прошиваемые раскаленной болью, высохшая, совсем ослабевшая рука, из которой падал карандаш.

За год до смерти друзья устроили ему праздник, повезли за город. Весь тот день с раннего утра он уже волновался до слез: брился, надевал чистую рубашку, бархатный пиджачок. Коляску несли до автомобиля на руках, и он все шутил — побледневший, ошарашенный улицей, воздухом: «Совсем я как Карл Двенадцатый во время Полтавской битвы!»

На даче разводили костер, собирали букеты, смеялись. После обеда все отправились в соседнее село, а его кресло устроили на пригорке, на солнышке. Внизу блестела река, за ней открывались деревни, дороги, бесконечные дали и только на горизонте вспыхивали купола Исаакия и Смольного, игла Петропавловской крепости. О чем думал он, о чем виденном вспоминал? Об астраханских, мощных своею красотой купчихах, картонных каруселях, гроздьях воздушных шаров? Об Юлии, святой, жене, укладывающей его уже десять лет каждый вечер в постель как младенца, о детях? О заливных волжских лугах, траве, цветах, холмах, красном закате, синем небе, радости случайного рефлекса зелени на обнаженном теле? Или о том морозном утре кинешемской мартовской масленицы, когда, обезумев от счастья молодости, горячей силы, любви, гнал до пены лошадей по снежной дороге?..

Начальник строительства С. А. Носальчук с сыном Алешей.

Кара-Богаз-Гол.

СОЛЕНОЕ ЧУДО КА

Рахим ЭСЕНОВ

Фото И. ГАВРИЛОВА

Пожалуй, уже лет десять газеты страны пестрят заметками и репортажами с интригующими заголовками: «Замок для Кара-Богаз», «Плотина через пролив», «Кара-Богаз будет озером»... Ныне жителя Средней Азии руко-творными озерами не удивишь: их много родилось по воле человека в некогда безжизненных Каракумах и Кызылкумах. И все они пресноводные, давшие жизнь новым оазисам и городам. Но в практике гидростроительства огромное озеро с морской водой создавалось впервые. Весной этого года к пустынным берегам восточного Каспия, к Кара-Богаз-Голу — Черной писти двинулась армада техники.

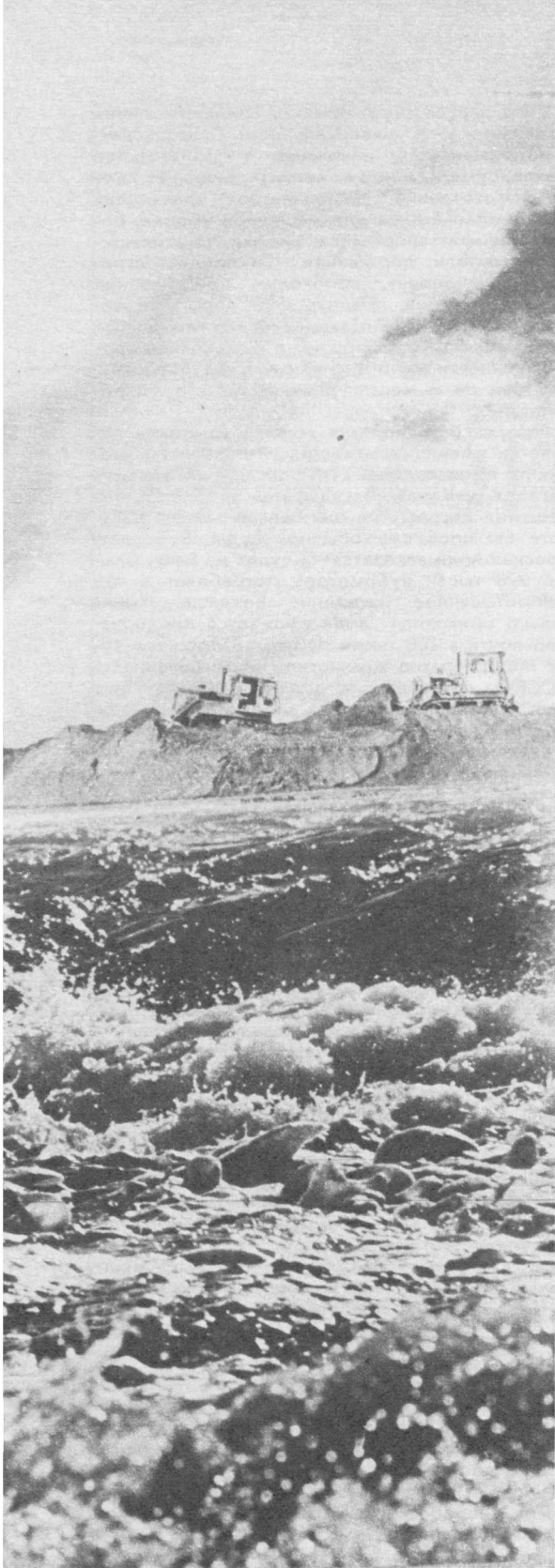
...Из песчаного моря, словно мираж, всплыли остоны мертвого города Карабогазгол, все еще отмеченного на иных картах кружочком. Полузанесенные песками, обдуваемые мор-ской, зияя пустыми глазницами окон и дверей, стояли двухэтажные дома. Вот он, город, зна-комый с детства по лирической повести Пау-стовского «Кара-Бугаз». Молодой писатель увидел здесь, в диком безбрежье, как пре-красны его люди, раскованные революцией, как неповторимо красива здесь земля со свер-кающей на солнце драгоценной солью.

Дорогу нам преградил широкий бурливый поток. Это Аджидарья — Горькая река. Так зо-вут туркмены пролив, несущий каспийские во-ды в Кара-Богазский залив. Но бывший го-род — за проливом, на его правом берегу. И

мы — Ерсин Туебаевич Диханов, заместитель главного инженера производственного объеди-нения «Карабогазсульфат», Валерий Павлович Федин, старший геолог Туркменской геологи-ческой экспедиции, водитель нашего «уазика» Александр Хатуов и я, — не теряя времени на ожидание паромов, едем вниз, по течению.

У пролива деловито сновали тракторы, вез-деходы, бульдозеры, рокотали земснаряды. С двух берегов, навстречу друг другу, они на-мывали дамбы, вставшие стеной над бурливым морским течением. Почему так быстра вода в проливе? Кара-Богаз-Гол ниже уровня моря на четыре с лишним метра. Но здесь бег морской реки еще стремительнее — ведь на ее пути человек уже возвел барьер...

Под колесами машины ветер разметывал

СПИЯ

белесую морскую пену и гнал волны к суше, к видневшимся вдали останкам проржавевших судов, некогда сидевших на мели, а теперь плененных сыпучими песками.

Гул воды перекрывал рокот мотора. Морской прибой? Нет! Нашему взору открылась неповторимая картина, словно сошедшая с полотна маринистов: вода, срываясь с горбчатых уступов, пеннелась и бурлила необузданной горной рекой. Единственный в мире морской водопад! Дальше пролив разветвлялся на два русла, образуя посредине огромный остров с птичьим базаром. Тут и нежные лысухи и серые утки, белоснежные лебеди и величавые пеликаны, шустрые нырки и отъевшиеся до неуклюжести бакланы, а вдали розовым облаком в лучах солнца заалел и скрылся из глаз косяк

афганок, прилетевших на зимовье. У водопада, у порожистых камней, заматалось гибкое тело крупного осетра, тщетно пытавшегося выбраться из каменного мешка. Вниз, в залив ему нельзя, в насыщенных солями водах рыба моментально погибает, а к морю бедолаге теперь не пройти — преграждает путь водопад. Гревшийся на камнях тюлень, заведя нас, неохотно плюхнулся в воду и, обойдя каменные пороги, поплыл к Каспию.

Вскоре подошел паром, и мы переправились на правый берег Аджидабьи, где у самых истоков пролива, на берегу Каспия, стоял город с десятилетиями населением, с сорок первого года переставший существовать. Ходим по улицам. Вот здесь были школа, детский сад, банк, тут работала электростанция, теперь рядом бьет из земли горячий целебный радоновый источник.

А где же люди? Они покинули город вместе с заливом, отступившим на многие десятки километров. Седой Каспий и его детище Кара-Богаз-Гол так катастрофически мелели, что горожанам трудно было угнаться за ними: глубокие бухты, где когда-то грузили на суда сульфат, стали сушей, а там, где зимой волны залива выбрасывали на берег мирабилит, из которого получали сульфат, теперь властвовала пустыня. Нет воды — нет жизни. Город исчез, чтобы через десятилетия возродиться вновь, вдохнуть жизнь в другой, молодой населенный пункт на берегу Каспия — Бекдаш, один из центров химической промышленности Туркменистана.

Я шагнул по песчаной улочке, образованной двумя десятками голубых вагончиков, которые выросли рядом с бывшим городом и придавали ему какой-то уютный, обжитой вид, будто люди вовсе и не покидали Кара-Богазгола, а просто переселились на летние дачи, поближе к песчаному пляжу Аджидабьи. Я услышал здесь рассказ молодого мастера строительного участка Олега Гладкого о круглосуточной работе земснарядов, с которыми, прежде чем поставить их в забой, пришлось изрядно помучиться: заново переделывать понтоны, перебирать по винтику отдельные узлы. А под рукой — ни базы, ни мастерских, ни запчастей. Все приходится возить за сотни километров, а то и за тысячу: и топливо, и пресную воду, и продукты. Из Красноводска, Бекдаша, Ашхабада, даже из Баку. Мой собеседник, заведя в дверях вагончика взволнованного радиста, прервал свой рассказ и о чем-то стал шептаться с ним. Оказывается, еще вчера утром из Красноводска вышла машина с продуктами для гидростроителей. Прошло более суток — ни людей, ни груза. Шофер и его сменщик — люди опытные, исколесившие немало дорог, но пустыня коварна. Особенно тревожились потому, что вчера свирепствовала песчаная буря, да так, что валило с ног людей, даже верблюдов.

...Тревога! В воздух поднялся самолет «АН-2». Мы летим тоже. С высоты птичьего полета десять пар человеческих глаз всматривались в тропы, петлявшие по пустыне, в каждый бугорок, — стоило приметить какую-либо машину, и самолет опускался почти до самой земли, чтобы Олег Гладкий, стоявший между пилотами, мог разглядеть номер автомобиля. В раскрытую дверцу кабины я всякий раз с тревогой наблюдал, как Олег отрицательно мотал головой, дескать, не эта, и самолет вновь взмывал ввысь... Однако Олег делал какие-то пометки в блокноте, фиксируя координаты застрявшей машины из автоколонны гидростроителей, чтобы затем прислать сюда на помощь вездеход или автокран.

Сидевший рядом со мной геолог Валерий Павлович Федин, знаток своего дела, положивший на исследование богатств туркменской земли почти двадцать лет жизни, обстоятельно рассказывал об истории открытия и освоения Кара-Богазга.

...Залив, простирающийся на двенадцати тысячах квадратных километров, глубоко вторгается в пустыню. Хотя залив находится на одной широте с Неаполем, климат здесь суровый: летом вет, словно из гигантской раскаленной духовки, зимой трескучие морозы сновывают ледяным панцирем морскую воду. Берега его унылы, можно идти сутками и не встретить человеческого жилья. Ни одна река не приносит в залив своих вод, и ни одна не берет из него начала.

Кара-Богаз-Гол, пугавший своих первых исследователей, покорялся человеку с трудом, не-

хотя. Но когда человек проник в его тайну, то ахнул... Залив, воды которого считались мертвыми, «черными», оказался гигантской кладовой самых разных соленостей, из которой можно получать бор и бром, редкоземельные элементы, золото и серебро, хлористый магний и сульфат магния, окись магния и сульфат калия, астраханит и рубидий. Даже в его «безжизненной» рапе обитают микроскопические водоросли, богатые каротином, содержащим в себе ценный витамин. Вот тебе и «мертвая» вода!

Было время в седую старину, когда Каспий и Кара-Богаз-Гол соединял широкий пролив. Море с годами мелело. Проход в залив заметно сужался, значит, и воды туда поступало меньше, чем ее испарялось. Ныне залив, ненасытно поглощая каспийскую воду, стал, по сути, лагуной, естественным испарителем. Ученые подсчитали, что только с начала XX века Кара-Богаз-Гол безвозвратно вобрал в себя свыше тысячи кубических километров морской воды!

Поэтому и было решено прекратить доступ воды в Кара-Богаз-Гол, отделить море от залива дамбой. Можно понять инициаторов проекта, и рыбиников, и моряков — словом, всех, кто обеспокоен обмелением Каспия, единственного на планете осетрового моря, на долю которого выпали тяжелые испытания. Автор этих строк тоже не раз выступал на страницах «Правды» в защиту Каспия. И сегодня я ратую за самое южное море Советского Союза, дающее весомую долю мировой добычи красной рыбы и черной икры. И если не позаботиться о Каспии сегодня, все это может исчезнуть бесследно.

...Час с лишним мы летели над пустыней, но безрезультатно. Машина с людьми словно в воду канула. Самолет, заправившись горючим, снова поднялся в воздух, а я остался на земле, чтобы побеседовать с приехавшим на стройку управляющим трестом «Западкаракумгидрострой». Мне повезло — им оказался мой давний знакомый Хоммат Бабаев, начавший свою трудовую биографию прорабом с первых километров рукотворной Каракум-реки, ныне перечеркнувшей пустыню на тысячу с лишним километров.

...Вечерело. Олег Гладкий, извинившись, побежал распорядиться насчет помощи застрявшим в пути машинам — все обошлось благополучно, и люди и машины отыскались и вернулись на базу с продуктами, — а мы с Хомматом Бабаевым проехали к проливу, где мерно рокотали два земснаряда, дненно и ночью намывавшие земляную плотину.

Мы стоим на правом берегу Аджидабьи, почти у самой дамбы, вытянувшейся по проливу на восемьдесят метров, а с левого берега, где работал еще один земснаряд, виднелась такая же земляная насыпь, но покороче — метров тридцать.

— Когда они соединятся, — Хоммат Бабаев показал на насыпь, — общая длина дамбы составит пятьсот пятьдесят метров. Высота ее превысит шесть метров... Это будет внушительное сооружение из песка, камня и железобетона, шириною поверху тридцать метров, а по дну — почти двести. Сейчас три земснаряда за сутки намывают шесть тысяч кубометров грунта, а всего они уложат в тело дамбы около четверти миллиона кубометров земли... — И Хоммат Бабаев, кивнув головой в сторону земснарядов, тепло улыбнулся. — Они, как всегда, справятся. Отличные экипажи, ударники коммунистического труда... Владимир Пивоваров, Иван Кириленко, Владимир Лесовой, Гурами Битзенишвили... Многих я знаю лет десять — пятнадцать.

Управляющий трестом был задумчив и немногословен. О чем он думал?

О начале. А оно было трудным, немудрено было, как говорится, и дров наломать. Хоммат Бабаев — опытный инженер, за свою жизнь возвел не одно гидротехническое сооружение, а вот плотину в морском проливе никогда не строил. Да и мировая практика гидростроительства не знала подобных примеров. Значит, надо разрабатывать свои методы возведения плотины, отсыпки грунта, обустройства бурливого потока пролива, видимо, не случайно прозванного Горькой рекой. Вот и думали всем миром — гидростроители, проектировщики...

Предложений поступило много, но надо было выбрать одно, верное, безошибочное. Взрывники рекомендовали на первый взгляд оригинальный вариант перекрытия — гидростроители не возражали: пусть испробуют. У створа будущей плотины, на противоположных берегах, пробурили разведочные скважины, чтобы соединить их под проливом штольнями, куда предполагали заложить для взрыва могучий заряд. Но не вышло. Грунты оказались слишком сыпучими — песок, неимоверная фильтрация, вода тут же зальет, порушит штольни, и вся работа пойдет насмарку. Для осуществления замысла взрывников требовался долгий срок — целый год, к тому же большой расход металла, леса... Подсчитали — влетало в копеечку! Пришлось отказаться.

Остановились на старом, испытанном методе намыва плотины, но с учетом особенностей Каспия, его гидрогеологического режима.

И вот и безлюдным берегам Кара-Богаз-Гола двинулись бульдозеры, земснаряды, экскаваторы, вездеходы-амфибии. Гидростроители стали готовить грунт, камень, монтировать бетонный узел...

— Ох, и хлопот нам доставили земснаряды! Собирали их летом, в самое пекло. А тут еще задули надолго суховеи с пыльными бурями.

Самолеты не летали, люди сидели на одних су-харах. Благо была пресная бакинская вода. Но рук не опускали, трудились от зари до зари. На стройку мы отобрали добровольцев, лучших из лучших, ветеранов Каракум-реки, энтузиастов.

И штурм пролива начался. Вблизи морского водопада стали намыывать грунт, создали временный подпор, чтобы снизить скорость воды в проливе. Это была как бы подстраховка, обеспечение большей надежности перекрытия. А выше, на втором километре от Каспия, начались работы по возведению плотины. Сначала пошли бульдозеры и экскаваторы, которые подготовили плацдарм для земснарядов.

— Но это еще не все, — продолжал Хоммат Бабаев, — стали устилать камнем подводное пространство между двумя дамбами, идущими навстречу друг другу. Это так называемый донный банкет шириной в десять, длиной в сто метров, на который уйдет одна тысяча кубометров местного камня. Готовим и трубчатую плотину, своеобразное сооружение, которое облегчит перекрытие, заливаем и сами кубики железобетонные... Каждый такой кубик весит две с половиной тонны, а их нам требуется заготовить тысячу штук.

Немало трудностей у гидростроителей, и прежде всего они связаны со своеобразием Каспия и бурливой Аджидарьи. Капризы Каспия усложняют технологию намыва плотины и удорожают стоимость работ.

Сейчас гидростроители с нетерпением ждут, когда им поможет сама природа — ударят крепкие морозы, замерзнет Волга и спадет уровень Каспия. К тому времени дамбы, тесня водный поток с двух берегов, ближе подойдут друг к другу, оставив между собой проран шириной в пятьдесят метров. Вот тогда и начнется решающий штурм морской реки, потока, который к тому времени станет еще бурливее: если сейчас скорость течения воды в проливе метр в секунду, то в проран она устремится в три раза быстрее.

— Что же мы тогда будем делать? Все три земснаряда — это наша тяжелая артиллерия — сосредоточим на правом берегу. Отсюда они поведут намыв плотины... Затем к прорану подойдет трубчатая плотина, ее мы затопим там, чтобы погасить скорость течения. Одновременно с понтона и с обеих дамб в пролив полетят бетонные кубы и специальные сборные железобетонные конструкции... Затем — черед бульдозеров: основные земляные работы падут на их плечи. Земснаряды завершат перекрытие — они будут интенсивно намыывать грунт, пока плотина не встанет над водой глухой стеной и не перекроет пролив.

— Значит, дамба будет глухой? — переспросил я.

— Да, такой, что ни одна капля воды не просочится в Кара-Богаз-Гол. Это предусмотрено проектом.

И я с грустью подумал об уникальном морском водопаде, об острове с птичьим базаром, которые окажутся за плотиной, наверняка исчезнут.

— Но в перспективе, говорят, намечается сооружение шлюза-регулятора. — Хоммат Бабаев, словно угадав мои мысли, спешил успокоить меня. — Тогда можно будет пропускать оптимальное количество воды, чтобы вовсе не потерять залив. А пока у нас нет ни проекта, ни команды для строительства такого сооружения. Построим плотину — снимемся. А ведь чего проще нашей же строительной базе, созданной с таким трудом, приступить к возведению устройства для подачи в залив небольшого количества воды.

Да не узрит читатель в моих соображениях местнические тенденции. Я был бы плохим гражданином СССР, если бы отстаивал только точку зрения тех, кто выступает против отсечения Кара-Богаз-Гола. Однако не могу не заметить, что химики, геологи, ученые республики, да и не только республики, но и многих научно-исследовательских учреждений страны не в восторге от глухой дамбы, возведенной на пути залива. Вспоминаю свою беседу с видным азербайджанским ученым К. К. Гюлем.

— Кара-Богаз должен жить не только из-за своих сокровищ, — утверждал известный исследователь Кара-Богаз-Гола. — Исчезновение водоема привело бы к ухудшению климата, уменьшению влажности и без того засушливых территорий Туркмении. Ученые предупреждают и от другой угрозы: соли, накопленные на дне водоема за миллионы лет, высыхая, превращаются в пыль, которая очень легко поднимается от дуновения ветра.

Ученые подсчитали, что залив ежегодно по-

глощает более пяти кубических километров каспийской воды. Иные считают, что больше. Плотина сможет сберечь эти «кубики» для Каспия. Но выход ли это? Остановят ли они обмеление моря, хотя не исключено, что и замедлят.

Значит, надо искать... И ученые ищут: рассматривают проекты переброски части стока северных рек, отсечение слишком мелких лагун и заливов, превратившихся в гигантские испарители.

Хорошо, что первым шагом по регулированию уровня Каспийского моря стала плотина Кара-Богаз-Гол. Доброе дело начато! Но полезно довести его до конца. И лучше сегодня, чем завтра. Кара-Богаз-Гол не должен превратиться в мертвую впадину, покрытую зыбкими солончаками и кочующими барханами.

* * *

Дорога от пролива до Бендаша шла морем и сушей. Наш «уазик», резко накренившись набок, одним колесом плескался в урчащих волнах, накатывавшихся на берег, другим задирался на барханы, обрывавшиеся к морю. Ехали ночью, машину то качало, то подбрасывало, создавалось впечатление, будто плывем по штормовому Каспию. Хорошо еще, что море было спокойное. А если бы штормило?

До Бендаша путь неблизкий — километров девять, а по такой трассе он кажется бесконечным. И все в нашей машине облегченно вздохнули, когда вдали показались просторные улицы, застроенные аккуратными, со всеми удобствами, двух-четырёхэтажными домами, возле которых на ветру волнуются тополя, акации, а иные стены цепко оплетены виноградными лозами... Он быстро растёт, Бендаш на берегу Каспия, и живут в нем промысловики и портовики. В его западной части вырастают современные многоквартирные дома с культурно-бытовыми и торговыми центрами. Вот магазины, столовые, кафе, больничный комплекс, школы — их здесь четыре, а это клуб химиков, летний кинотеатр, новая музыкальная школа, библиотеки, Дом техники... Мимо, пытаясь, прошел мотовоз, потащив за собой аккуратные зеленые вагончики, — это сульфатчики поехали на работу, на озеро номер шесть. Ходят туда и автобусы. Если двинуться за ними следом, то километрах в восемнадцать от Бендаша из-за поворота откроется белоснежная гладь, окруженная холмами. Одна из сырьевых баз «Карабогазсульфата».

...По ослепительной белой чаше озера без воды двигались сульфатоборочные машины, отдаленно напоминавшие комбайны. Снабженные большими круглыми щетками, они сгребали в бункера белую муку. За штурвалом первой машины сидел Джагсылык Адилов, следом шла вторая, ее вел Джолдас Усенов, вел, как и его товарищ, уверенно, умело. Оба они кавалеры ордена Трудового Красного Знамени, оба сыновья бывших кочевников.

Сульфатоборочные машины, а их здесь двадцать четыре, по сути, произвели революцию: каждая заменяет много сборщиков, освобождая их от тяжелого, изнурительного труда.

На дворе уже зима, и искусственные озера вновь заполнены темно-зеленой кара-богазской водой, накачиваемой из-под земли, с древнего дна залива. На небольшой глубине есть второй, подземный Кара-Богаз. Только на 250 квадратных километрах обнаружено 16 миллиардов тонн ценного сырья, которого хватит на многие десятилетия. Может хватить и на большее время, если подземная кладовая будет постоянно получать дополнительное питание сверху, от самого залива Кара-Богаз-Гол. Ученые обоснованно считают, что если прекратится приток поверхностных вод, то подземный залив тоже со временем исчезнет, и «живая таблица Менделеева» станет «мертвой».

На окраине Бендаша, куда шагнул высоковольтный линии электропередачи, выросли корпуса нового сульфатного завода, чехи которого круглый год, независимо от погоды, выдают сульфат натрия, высвободив от тяжелого ручного труда сотни рабочих. Второго января 1973 года новое предприятие выдало первую продукцию.

— Пятьсот предприятий страны не могут обойтись без нашей продукции, — рассказывал директор производственного объединения «Карабогазсульфат» Владимир Сергеевич Грищенко. — Около сорока процентов сульфата натрия мы выпускаем из природного сырья и являемся единственным в своем роде предприятием — мы удовлетворяем потребности народного хозяйства в бишофите, эпсомите, глауберовой соли. Нашу продукцию отгружа-

ем и в зарубежные страны... Ценность нашей продукции в ее универсальности. Сульфат натрия применяется, например, в производстве стекла, бумаги, моющих средств. Бишофит идет на изготовление дефолиантов, удаляющих листья хлопчатника для машинной уборки, берут бишофит энергетики, химики, текстильщики, строители, дорожники. Он придает огнестойкость дереву, необходим при тушении лесных пожаров, предохраняет дороги от обледенения... Эпсомит защищает магистральные трубопроводы от коррозии, в кожевенной промышленности им обрабатывают и дубят кожи, надобен он и металлургам. Ждут его микробиологи...

Резервы предприятия велики. До конца пятилетки имеющиеся мощности позволяют увеличить производство сульфата натрия. Но есть сегодня у «Карабогазсульфата» проблемы, без решения которых не шагнешь в завтра. Взять хотя бы проблему обычной воды. В Бендаше пресная вода завозится на судах из Баку. Свыше 220 тысяч кубометров потребляет в год девятидесятое население Бендаша. Нынче только привозная вода обойдется предприятию почти в 800 тысяч рублей. В прошлом году Министерство химической промышленности СССР на строительство водовода Узень — Бендаш протяженностью 213 километров выделило 2 миллиона рублей, которые были полностью освоены. На исходе 1979 год, а Минхимпром пока не дал ни одного рубля на продолжение строительства — работы на объекте сейчас не ведутся.

— Мы буквально задыхаемся из-за транспортных неурядиц, — продолжает В. С. Грищенко. — Вот уже долгие годы ставим вопрос о строительстве железной дороги от Красноводска до Узени. Скопился целый ворох бумаг — переписка, — а железной дороги пока нет. Нам нужна мощная паромная переправа между Бендашем и Баку, чтобы избавиться от перевалки, загрязняющей продукцию. Нет у нас пока и автодороги от Красноводска, она нам нужна как воздух, так как аммиак для сульфатного производства возможно перевозить только автотранспортом. И еще одна наша беда: мы не имеем своей радиорелейной линии. Правда, есть ретранслятор, но зона его уверенного приема от телецентра ограничена ста километрами, а до Баку в три раза больше. Случается так, что целыми зимними месяцами бендашцы не могут смотреть телепередачи Центрального телевидения, транслируемого Баку. По этому поводу тоже исписано много бумаги, но толку пока никакого.

* * *

Еще на заре Советской власти В. И. Ленин проявлял живой интерес к этой уникальной кладовой химического сырья. Давая поручение управделами Совнаркома, великий вождь писал: «Надо выяснить дело насчет Кара-Бугаза... Ладис в «Правде» от 29.IX опять повторяет «Золотое дно». Возьмите в секретариате СНК мою недавнюю переписку с профессором Ипатьевым (членом коллегии ВСНК), специалистом и главой нашей химической промышленности». Владимир Ильич не раз заострял внимание на неисчерпаемых богатствах Кара-Богаз-Гола, в том числе и в своей статье «Очередные задачи Советской власти».

У истоков освоения богатств залива стоял Ленин. На Кара-Богазе с его именем связано все. Его мысли, его забота, его гений привели сюда тысячи людей, открыли яркие человеческие таланты, прекрасных мастеров своего дела, вдохнули жизнь в дикие, безлюдные места.

Об этом думаешь, когда стоишь у обелиска, воздвигнутого в память интернационалистам, большевикам-революционерам, замученным белогвардейцами на необитаемом Кара-Ада — Черном острове. Наверное, их твердость духа, вера в победу светлых сил передалась, как эстафета, всем, кто воздвигал на пустынном берегу Каспия новый, социалистический Бендаш.

«Бендаш» в переводе с туркменского означает «крепкий камень». Люди Бендаша — это кремни без примесей пустой породы.

Кара-Богаз-Гол — Бендаш, Туркменская ССР.

Людмила ШАМЕНКОВА

ПЛАМЯ ЗОЛОТИЛО СНЕГ

МИНУСИНСК

Мне надолго запомнился город степной
С хитрым прищуром щелочек-ставен,
Там в июле над сонной его мостовой
Тополиные хлопья летали.
Теплый пух укрывал деревянный причал,
А деревья ветвями качали.
И несли минусинки на пышных плечах
Тополиные теплые шали.
Мне запомнился беличий мех берегов,
Где девочки в застиранных ситцах
Завивали пургу тополиных снегов
И резвились в пуху, как лисицы.
Этот зной да песок,
Да изгибы плечей,
Да усталого пуха паренье
Через многое множество дней и ночей
Вдруг приснится в своем повторенье.
Что теперь? Как теперь?
Так же мокры мостки,
Где подзоры полощут без синьки?
Так же пышно июль расстилает платки
Тополиной пурги в Минусинске?
Так же прочен его стародавний дозор?
А театр что за пьесы поставил?
Так же сочен рассол золотых помидор,
Что когда-то базары прославил?
Я не знаю, к чему эти странные сны,
Енисейской волны перекаты.
Тополиное лето, пуховые дни,
Золотые закаты.

ОТЧУЖДЕНИЕ

Пора подмечать не улыбки,
Детали сквозной нелюбви,
Заученных шуток урывки,
А больше — заученной лжи.
Пора — стали чутче стаканы
Неверный улавливать звук,
Когда ненароком усталость
Изменит движение рук.
Пора общих слов сторониться,
И ужин, пожалуйста, врозь.
Уже ничего не случится,
Все мимо, все мимо и вскользь.
Бывает, в таком разобщенье
(О нем без нужды не суди)
Годами играют в сцепленье
И судеб, и душ, и судьбы.
И держат под кровлей единой
Совместные мыло да щи.
Лишь голос тоскою звериной
Завоев однажды в ночи.

ГРОЗА

Набухло небо грозной тучей,
Пошло клубиться и густеть.
Из черных недр, из лап паучьих
Повисла призрачная сеть.

Сухой листок свернулся в трубку
И, скрежеща, помчался вскачь.
Скатилась капля с птичьей грудки
И в лист ударила, как мяч.

И дождь пронзил дубов суставы,
Траву пригладил на пробор.
И грянули громов составы,
И все слилось в отвесный хор.

Сильней мельканье струй и света,
И взор никак не различит:
Иль ветви с силой треплют ветер,
Иль ветер ветви шевелит.

Свою влюбленность в гул стихии
Природа подтвердить спешит.
А дождь и хлещет, и шумит,
И кадки, только что сухие,
Уж переполнены. Земля,
Каскад неистовый лоя,
Переполняется громами
И благодарными слезами.

МЕЧЕНОЕ ДЕРЕВО В ПАРКЕ БЕРНОВО

Пахнуло шерстью — так клеймят зверье.
На коже липы знак сто двадцать первый.
Так жгут телят, чтоб утвердить свое,
Так цифры круп коня пронзают нервно.

Но этой липы осторожный знак,
Проставленный в кружке среди мха и праха,
Свидетельство иное — экспонат
Она теперь в Берновском этом парке.

И дерево над гладью озера
Стоит живым преданиям порукой.
Листва его густа и высока,
А ствол к земле кренится одноруко.

Здесь, под шатром густым, мне слышен шум эпох,
Волшебных рифм поток неуправляемый.
И ветер оживляет чей-то вздох,
Запечатленный в белизне кувшинок.

ГЛАЗОК

Бывает час душевной маеты,
Когда, дорог и помыслов не зная,
Как бы во сне зачем-тоходишь ты
В холодный чад остывшего трамвая.
Покатит он на уровне окон
По узкой улочке твоим желаньям впору

Быстрее, если рельсы под уклон,
И медленнее, если надо в гору.
Ты поглядишь на мшистое стекло,
Картин зимы за ним не различая,
Ах, вот оно, знакомое пятно,
Заросшее, как прорубь ледяная.
И вспомнишь ты наивных лет урок,
Лицом к окну все ближе приникая
И на стекле оставшийся глазок
Старательным дыханьем проясняя.
И вот под впечатлением тепла
Растает лед, скрывавший мирозданье,
И обнажит нетронутость стекла
Всю чистоту январского сверканья.
И в этот миг поверишь ты, что впрок
Итог простого этого деянья.
И ты сойдешь, оставив свой глазок
Кому-то для такого ж согреванья.

ДРОВА

Из цикла «Посвящение Блоку»

Мороз чинов различья стер.
Весь дом забыл о барстве,
Когда на льду зажгли костер
Из балок старой баржи.
И сразу кончилась игра
Из спиц и толстой пряжи,
Все вышли добывать дрова
На берег зимней Пряхки.
И шел, понурившись, поэт,
Дрожа под ветхим пледом,
Покорно ставя ногу в след
Идущего соседа.
Кругом торжествовали рты,
Напичканные ядом:
«Ты пел явленья красоты
Десятилетия кряду.
А мир — он проще,
Вот он, мир,
С его нуждой и пшенкой,
С дровами, что сильнее лир,
С пилой, поющей звонко».
Повсюду раздавался стук,
Рубили зло и косо.
И остро рвали кожу рук
Занозы мокрых досок.
А пламя золотило снег.
Сиренью пахли сумерки.
Единственный, он видел свет
Грядущего республики.

Неровность и неравномерность —
Вот свойства речи, если в ней
Сквозит не гладкая примерность,
А звук бушующих страстей.

Я чту нестройных слов мычанье
И комы неподдельных чувств.
И в паузе я различу
Животворящее молчанье.

СВЯТАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

Вторая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва приняла Законы СССР о Верховном суде СССР, Прокуратуре СССР, Государственном арбитраже в СССР и об адвокатуре в СССР. В выступлении товарища Л. И. Брежнева на ноябрьском (1979 г.) Пленуме ЦК КПСС об этих законах сказано: «Задача партийных органов, задача коммунистов состоит в том, чтобы разъяснять содержание, глубокий демократизм новых законов, активно помогать их превращению в жизнь, поднимать массы на борьбу с малейшими беззакониями, с малейшими отступлениями от советского социалистического правопорядка».

О том, как органы прокуратуры РСФСР борются за соблюдение государственной дисциплины, охраняют права советских граждан, осуществляют надзор за строгим исполнением законов, и рассказывает прокурор РСФСР Борис Васильевич КРАВЦОВ.

Социалистическое общество, отвергая эгоизм, равнодушие, утверждает своей ежедневной практикой высокие идеалы подлинного гуманизма. У нас не может не встретиться отпора и осуждения грубость, бессердечие, нарушение правил социалистического общежития, закона, стоящего на страже прав и интересов личности.

Принятые на недавней сессии Верховного Совета СССР Законы о Верховном суде, Прокуратуре, Государственном арбитраже в СССР и об адвокатуре в СССР конкретизируют и развивают положения Советской Конституции, требования постановления ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями». Как известно, в этом постановлении прямо сказано, что в нашей стране «осуществлены важные меры по совершенствованию законодательства, улучшению деятельности правоохранительных органов, развитию активности общественности и повышению ее роли в охране правопорядка. Все это создает необходимые условия для искоренения всяких нарушений правопорядка, ликвидации преступности, устранения причин, ее порождающих».

В условиях, когда значительно расширены и обогащены социально-экономические, политические, личные права и свободы граждан, еще более ответственные задачи встали перед прокуратурой. Прокурор, как это предусмотрено Конституцией СССР, осуществляет высший надзор за точным и единообразным исполнением законов министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами и гражданами.

В последнее время Прокуратура РСФСР проверила соблюде-

ние законности в министерствах автомобильного транспорта, лесного хозяйства, топливной промышленности, сельского хозяйства, культуры, здравоохранения РСФСР, Госкомсельхозтехнике. Нет слов, в деятельности этих организаций повысилась правовая культура, чаще анализируется стиль работы, методы обобщения поступающей информации.

Но предметом постоянной заботы партии являются и отношения между людьми, их быт, культура, сознание. За мерами общего характера нельзя забывать о необходимости правильного рассмотрения каждого отдельного вопроса, поставленного в письмах и обращениях граждан. Однако так бывает не всегда. Как-то в Министерство культуры РСФСР поступило письмо, в котором оспаривалась законность приказа, изданного заместителем министра тов. Флярковским. На поступивший сигнал попросту не обратили внимания. Более того, автору даже не ответили. Это стало результатом того, что сама система работы с письмами в министерстве не лишена серьезных недостатков, поступающие письма не всегда даже регистрируются.

Некритический подход к решениям, принимаемым в подчиненных организациях, отмечался и в Министерстве здравоохранения РСФСР. Инвалид Отечественной войны товарищ Тонких прислал в министерство письмо с просьбой срочно помочь ему в оказании медицинской помощи, поскольку Воронежская областная поликлиника неправильно определила характер его заболевания. Облздравотдел формально отнесся к просьбе больного. Вопрос был разрешен лишь после вмешательства прокуратуры.

На заседаниях коллегии министерств культуры и здравоохранения детально рассмотрены результаты прокурорских проверок. Должностные лица, допустившие нарушения законности в обеспечении прав и интересов граждан, наказаны. Приняты действенные меры к предотвращению ошибок и недостатков в будущем. А самое главное — укрепляется исполнительская дисциплина, повышается ответственность каждого работника за порученное дело.

В Министерстве сельского хозяйства РСФСР и подчиненных ему органах, как это выяснилось из анализа имеющихся в прокуратуре материалов, не всегда осуществляются оперативные меры по устранению нарушений демократических принципов управления колхозами, кое-где нарушения трудовой дисциплины остаются безнаказанными.

Когда речь идет о нарушении прав человека, его законных интересов, это никого не может

оставить равнодушным. Приведу пример. Томской механизированной колонне № 64 треста «Сибстроймеханизация» потребовалась работница. Нашлась подходящая кандидатура. С поступающей на работу несколько раз беседовали, выяснялись ее деловые качества, и когда уже, казалось бы, все было решено, начальник колонны Щепин вдруг заявил: «Она нам не подходит!» Что же случилось? Почему такой неожиданный поворот? Руководитель организации отказал женщине в приеме на работу по той причине, что она беременна. Понимал ли Щепин, что он посягает на трудовые права человека, гарантированные Конституцией, что совершает преступление? Да. Но беззаконие пытался оправдать тем, что в его действиях не было корысти, он, дескать, лишь желал «защитить интересы производства». Надо сказать, действия Щепина получили правильную юридическую оценку в приговоре суда, где была недвусмысленно подтверждена незыблемость нашего закона.

Известно, что гражданская активность находит выражение в том, что каждый труженик расширяет свою деятельность и за пределы конкретного рабочего места, что он ответственно подходит к любым вопросам, решительно борется с нарушениями законности. Но бывает и так, что иной руководитель не поддерживает работника, открыто и прямо разоблачающего различного рода злоупотребления, более того, пытается, как говорят, поставить его на место. Вот что произошло в Баргузинском районе Бурятской АССР. В хозяйственном магазине продавцом работала Карбаинова. Ее уважали и ценили за добросовестное исполнение служебных обязанностей. Но трудовая биография Карбаиновой была испорчена совсем неожиданно. Однажды во время работы она заметила, что некоторые ее коллеги по службе небескорыстно нарушили правила торговли, и заявила об этом. Следственные органы сделали все необходимое для того, чтобы в магазине навести должный порядок. Виновные понесли наказание. Однако руководство ОРСа, которое обязано было сделать выводы из случившегося, пошло по иному пути: общественные начала мстить. Начальник ОРСа Кожевин дошел до того, что своим приказом перевел Карбаинову на другую работу. Формулировка приказа носила явно издевательский характер: «продавцы отказались работать с Карбаиновой». Вполне понятно, что незаконный приказ отменен и его автор наказан. Помимо всего прочего, из его заработной платы взыскано 252 рубля для возмещения ущерба, поне-

сенного государством в результате выплаты Карбаиновой зарплаты за вынужденный прогул.

Надо самым решительным образом пресекать любые попытки сведения счетов за критические выступления. Попытки скрыть недостатки, вернуться от справедливой критики, замолчать ее — пока еще кое-где довольно распространенное явление. Органы прокуратуры обязаны настойчиво бороться с подобными извращениями. Гражданин, поднимающий голос против бесхозяйственности, приписок, взяточничества и других нарушений, должен быть уверен, что его голос будет услышан, что положение в каждом конкретном случае непременно будет исправлено, а виновные получат по заслугам.

Конституция СССР одной из первых в мире провозгласила право на жилище. Специально изданные законы определяют твердый порядок надзора и контроля за соблюдением жилищных прав людей. Нарушение неприкосновенности этих прав граждан преследуется в уголовном порядке. Так, например, статья 136 Уголовного кодекса РСФСР предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до одного года за незаконное выселение или иные незаконные действия, нарушающие неприкосновенность жилища граждан.

Прокурорская практика показывает, что в ряде случаев кое-где допускаются отклонения от действующего порядка при переселении из домов, подлежащих сносу: предоставляют неблагоустроенные жилые помещения, выделяют площадь меньше предусмотренной нормы. В суде еще можно встретить иски о выселении из ведомственных домов, без предоставления жилой площади, инвалидов первой и второй групп, пенсионеров по старости, членов их семей. Возникают недоразумения и при решении вопроса о прописке.

Как видно из писем, заявлений, жалоб граждан, иногда проявляется местнический подход к делу, делаются попытки «подправить» закон. Например, пенсионер Г. Верников и его жена А. Пивлатова, тоже пенсионерка, долгое время жили в одном из сельских районов Марийской АССР. Наступила старость, и они, имеющие за плечами огромный трудовой стаж, решили переехать в Йошкар-Олу к дочери. И вдруг неожиданное препятствие: горисполком и органы милиции отказали им в прописке. Прокуратура РСФСР, куда обратились пенсионеры, признала незаконными действия местных органов. По указанию Совета Министров Марийской АССР ошибка была исправлена, а соответствующим должностным лицам указано на нарушение ими закона, нарушение прав граждан.

Совершенно очевидно, что прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве должен способствовать тому, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию, и в то же время следить за тем, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности, а тем более осужден.

Приговором Левобережного районного народного суда Магнитогорска был осужден Н. Си-

магутин. Он был признан виновным в том, что убил некоего Гридневского, превысив пределы необходимой обороны. Что же произошло? Симагутин и два его товарища поздно вечером возвращались из клуба домой. На одной из плохо освещенных улиц они встретились с незнакомым им человеком, Гридневским. Тот стал к ним приставать, оскорблять и даже пытался ударить Симагутина. После того как товарищи Симагутина ушли домой, Гридневский схватил камень и вновь пытался ударить Симагутина. Обороняясь, Симагутин нанес хулигану сильный удар, после чего тот через некоторое время скончался. Симагутин ранее не судим, положительно характеризуется на производстве и по месту жительства. Гридневский же дважды привлекался к уголовной ответственности, нигде не работал, систематически пьянствовал. Совершенно очевидно, что при данных обстоятельствах не может быть и речи о каком-то «превышении пределов необходимой обороны». В статье 13 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статьях уголовных кодексов других союзных республик прямо сказано: «не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны».

Закон стоит на страже того, кто подвергся нападению, закон придает обороняющемуся стойкость, мужество в сложной обстановке. Сказать об этом необходимо потому, что в практике иногда допускаются ошибки — дебоширы, хулиганы не получают должного отпора.

Прокуратура осуществляет систематический надзор за соблюдением законности при рассмотрении жалоб, писем и заявлений граждан. Это является действенной мерой, способствующей правильной разрешению вопросов, с которыми человек приходит на прием. Очевидно, что сама атмосфера уважительного отношения к посетителю располагает к откровенному разговору. Какая бы нужда ни привела человека к дверям служебного кабинета, он должен быть внимательно и доброжелательно выслушан. Здесь все важно — и часы приема, и обстановка, в которой ведется беседа, и этическая сторона, и, наконец, главное — точность и убедительность принимаемого решения.

В заключение хочу привести одно из положений Закона о Прокуратуре СССР, положение, которое, как мне кажется, имеет прямое отношение к сегодняшнему разговору. «Всей своей деятельностью прокуратура способствует воспитанию должностных лиц и граждан в духе добросовестного исполнения своих конституционных обязанностей, соблюдения законов и правил социалистического общежития».

Ответить на это требование делом — святая наша обязанность

Кадр из фильма «Подпольный обком действует».

О ТОМ, ЧТО ТВ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Книгой этой мы буквально зачитывались в нашем послевоенном детстве. Страна только недавно вышла из горнила войны, а литература, искусство прямо по горячим следам невиданных событий, героических деяний народа свидетельствовали, какими же тяжким трудом, какими великими жертвами добыта была победа. Послевоенное поколение воспитано на этих свидетельствах. Мы узнали о подполье молодогвардейцев, об отваге разведчика Николая Кузнецова, о партизанах Медведева и Федорова. «Подпольный обком действует» — для своего времени событие и литературное и общественное. Книга выходила за рамки мемуарного жанра, она на конкретном материале партизанского движения Черниговщины раскрывала природу общенародного мужества, свидетельствовала о беспредельной верности людей Родине.

Воспоминания дважды Героя Советского Союза Алексея Федоровича Федорова, автора вышеуказанной книги, волнуют и поныне. Страницы нашей военной истории обогащают и теперь огромным нравственным опытом, в значительной степени формируя наше самосознание.

Весьмный вклад внесли украинские партизаны в общенародную борьбу против гитлеровского фашизма. Имена героев не меркнут в памяти нашей. И тут-то особое спасибо литературному слову — честно и мужественно сказанное, оно проясняет даль этой исторической памяти, утверждая неизменную нравственную стойкость советских людей.

Книга «Подпольный обком действует» экранизирована для телевидения украинскими кинематографистами. Один из одаренных кинодраматургов, Е. Митюх, выбрал форму художественно воссозданной хроники, соединив возможности игрового киноискусства с наглядностью реального факта, документально снятых действующих лиц повествования. Экранизация не погналась за додуманной приключенческой интригой, гладкостью киноизложения, ей вполне достало того плацдарма, какой предоставил жизненный материал воспоминаний прославленного партизанского вождя. Для «чистого» кино такая форма прочтения оказалась бы, вероятно, несколько рыхлой, но для телевидения, с его принципом серийности, с его высоким лимитом экранного времени, это сочетание сегодняшних кинодокументов с игровыми кадрами из летописи партизанской борьбы выглядит вполне оправданным.

В сериале мы видим самого рассказчика. Закадровый голос комментирует киноизображение, связывает воедино фрагменты прошлого и настоящего; с позиций сегодняшнего дня осмысляет человеческие судьбы, разнородные характеры, с которыми доводилось сталкиваться автору книги в суровое время войны.

На экране — седой ветеран, министр социального обеспечения Украины Алексей Федоров, депутат Верховного Совета СССР, — мы видим его за работой, в беседах с людьми, вместе с ним посещаем памятные места партизанского края. Бережно сохраняются на Черниговщине стоянки отряда, лесной аэродром, куда с Большой земли ночные самолеты доставляли для партизан оружие, медикаменты, продукты; целы и те леса, что укрывали тогда в своих чащах партизанских коней, походные кухни, землянки радистов... Гла-

зами ветерана смотрим мы на партизанский мемориал, и тогда свободно, естественно совершается переход в прошлое. На экране оживают страницы воспоминаний командира Черниговско-Волынского соединения народных мстителей.

Первый секретарь Черниговского обкома партии товарищ Федоров был оставлен в немецком тылу с заданием организовать партизанское движение. К началу 1944 года соединение Федорова, куда входили представители 46 национальностей, насчитывало уже 10 тысяч бойцов; они пускали под откос вражеские эшелоны, взрывали железнодорожные мосты, уничтожали полицаяв и фашистские гарнизоны, держали постоянную связь со штабом партизанского движения, с маршалом Ворошиловым. Но осенью 1941-го, в условиях массированного немецкого наступления, в тисках тотальной войны, начинать было необыкновенно сложно. Федоров, автор книги и кинорассказчик, не преуменьшает трудности и сложности первого периода Черниговского подполья: экран подробно повествует об этих нелегких месяцах, шаг за шагом прослеживая зарождение всенародного отпора оккупантам.

Заслужен авторитет Федорова (актер Виктор Щербанов). В боях приходит к командиру воинский опыт, умение руководить самыми разными людьми в чрезвычайных обстоятельствах. Телефильм показывает от кадра к кадру, как стал партизанским обширный край, почему люди выстояли.

Погибает, но не сдается командир взвода Бесараб (актер Ю. Мажуга), недавний председатель колхоза, внешне флегматичный, ворчливый. Через нечеловеческие муки проходит его жена, Мария Бесараб (Н. Антонова), чудом спасаясь от полицаяв. И с волнением смотришь на ныне здравствующую Марию, по-прежнему подвижную, энергичную... Так настоящее смыкается с прошлым.

Рядом с Федоровым в фильме его сподвижники — боевой командир Попудренко (А. Барчук), начштаба лейтенант Рванов (Ю. Мысенков), юные партизаны Леся Батько (Н. Ильина) и Коровин (Б. Бенюк), командир ударной группы лейтенант Кравцов (С. Подгорный)...

Режиссер фильма Анатолий Буковский внимательно присматривается к человеческим характерам. В коллективном портрете проработано каждое значительное лицо, высветлены детали внутреннего мира героев.

Авторы телеэкранизации не педалируют природу героического. Они отходят от стереотипов экранных героев.

Федоров не провидец: он долго не мог раскусить провокатора Томашевского (А. Милютин), по вине которого погибло немало честных людей. Но возмездие настигает предателей — таков один из непреложных выводов фильма, как и самой жизни. Расплата за измену народу неизбежна. Жаль, что о разоблачении Томашевского телефильм поведал скороговоркой, хотя суд над ним мог бы стать сценой большого нравственного смысла. Ведь и такое прошлое не забывается. И не прощается.

В финале картины проходят в марше перед нами ветераны Великой Отечественной... В этих кадрах и боль и радость. И благовест великой Победы.

Ю. ПЕТРОВ

Евг. ГОРТИНСКИЙ
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Я с детства любил людей, посвятивших себя манежу. Людей, казалось мне, совершенно необыкновенных, умеющих делать невозможное. Но судьба распорядилась так, что узнать цирк поблизи мне удалось много позже, и, наверное, это к лучшему, потому что мальчишкой я моментально разочаровался бы, узнав, что волшебники арены в разговорах между собой ничем не отличаются от обычных людей. Извест-

чание, а вы встанете и скажете: «Виноват, товарищ Местечкин, больше не буду». Тогда все подумают: «Ого, если даже такой уважаемый человек, как Кадыр-Гулям, извиняется перед режиссером, значит, его нужно слушать! И у нас все пойдет как по маслу». Кадыр-Гулям согласился. Мое вхождение в цирк состоялось.

Мне довелось быть свидетелем, а иногда и участником тех счастливых преобразований, которые сделали советский цирк лучшим в мире. «Лишний билетик» у нас стал для зрителя почти такой же проблемой, как билет в Большой театр. А ведь раньше во имя сборов артисты нередко вынуждены были, как говорится, пускаться во все тяжкие. В Каменец-Подольске до революции артисты цирка шапито, установленного на базаре, неделями голодали, перебивались хлебом и молоком, которые давала какая-нибудь сердобольная торговка, соблазненная возможностью бесплатно по-

шихся в обмороке, и знаменитого «гастролера».

Кстати, когда я пришел работать в цирк на Цветном бульваре, проблема зрительской посещаемости была чрезвычайно серьезной. Одна из самых главных касс находилась рядом, на Центральном рынке. На нее смотрели как на палочку-выручалочку: «Ну, эта никогда не подведет». Сейчас кассы на рынке давно нет, но я не припомню случая, чтобы в цирке не было аншлага. Если же когда вдруг и оставались случайно два-три непроданных билета, такие артисты, как Э. Т. Кио или Карандаш, покупали их сами, чтобы над кассой обязательно висело объявление: «На сегодня все билеты проданы»...

Я не случайно провел аналогию с Большим театром: сегодня трудно различить зрителя, который бывает и у нас в цирке и на балете в Большом театре.

ЛЮДИ НА МАНЕЖЕ

ный иллюзионист, потягивая черный кофе, за весь вечер так и не показал ни одного трюка. Силовой жонглер вспоминал выставку Ван-Гога. А дрессировщик слонов рассказывал, как ему трудно перевозить аквариум с рыбами во время гастролей.

Но о чем бы они ни говорили — о рыбах или о выставках картин, — подспудно в них всегда горела одержимость манежем, неуемная фантазия людей, не знающих невозможного.

Несколько лет назад жонглер Сергей Игнатов, работавший тогда в Московском цирке на Цветном бульваре, сказал мне:

— Знаете, о чем я мечтаю? Кидать одиннадцать колец!

Чтобы понять, что же это за мечта, нужно сказать, что большинство жонглеров обходятся шестью предметами; за последние сто лет лишь немногие стали кидать по восемь. Игнатов с блеском жонглировал девятью кольцами.

Канатоходец Владимир Александрович Волжанский, которого я застал в гардеробной, когда он еще не остыл после выступления, махнув рукой на мои восторги по поводу его номера, вдруг неожиданно спросил:

— Веришь? Через несколько лет люди полетят у меня с манежа к куполу. Веришь?

Главный режиссер цирка на Цветном бульваре народный артист РСФСР, профессор Марк Соломонович Местечкин как-то, разговариваясь, заметил:

— Есть у нас один артист, — не буду называть фамилию, — задумал невероятное. Одиночный полет под куполом цирка. Один, без партнеров и ловитора, хочет летать в воздухе!..

С Марком Соломоновичем Местечкиным мы встретились и в дни юбилейного года советского цирка.

— Вышло так, — сказал он, — что из шестидесяти лет жизни советского цирка более половины я работаю на Цветном бульваре. Попал же туда почти случайно. В тридцатые годы в бывшем Старопименовском переулке, в подвале, помещался кружок друзей искусства и культуры. В этом кружке работала ассоциация новых режиссеров. И вот ей поручили поставить в цирке пантомиму «Первомайская». Цирковой труппой руководил бывший силач, гиревик Кадыр-Гулям. А режиссер, посланный туда, не сумел сработаться с людьми. Актеры, не стесняясь, в полный голос разговаривали о чем угодно, заглушая все режиссерские указания. Нужно было срочно спасать репутацию ассоциации; выбор пал на меня. Я пришел за кулисы к Кадыр-Гулям, представился и сказал: «Слушай, Кадыр, когда я начну рассказывать, как мы будем ставить пантомиму, вы заговорите о чем-нибудь с соседом. Я сделаю вам заме-

смотреть представление. Но вот на заборах появились афиши:

«Спешите видеть! Только один день!

Проездом в Бухарест выступает знаменитый

Эдуард Челлини!

Смертельный номер!

Небывалый успех!»

В тот вечер в цирке яблоку негде было упасть. На манеж вынесли большую бочку, наполненную водой. Шпехтальмейстер торжественно объявил, что сейчас Челлини совершит смертельный прыжок в бочку из-под купола цирка. Высокий бледный молодой человек во фраке и почему-то с азиатским тюрбаном на голове трогательно прощался на манеже с женой и детьми. Потом пошел объятия и поцелуи со всеми актерами. «Шпех» хотел было обменяться с Челлини простым мужским рукопожатием, но не выдержал, смахнул слезу и трижды расцеловался.

Челлини подошел к веревочной лестнице, которая уходила под купол, и медленно стал подниматься вверх. Вдруг где-то в седьмом ряду раздался истерический крик: пышно одетая дама упала в обморок, «белые халаты» вынесли ее из зала на носилках. Челлини вынужден был спуститься на арену, нервно вытирая пот со лба. Потом снова полез вверх, и, когда преодолел уже половину пути, истерика вспыхнула в другом конце зала. Снова гастролер был вынужден спуститься вниз. Артисты успокаивали его, как могли. Наконец, он все-таки поднялся наверх, взялся руками за трапецию, готовясь совершить свой смертельный прыжок. И тут в зале началось нечто невообразимое: несколько женщин бились в истерику, кто-то плакал навзрыд, кто-то кричал, кто-то кинулся к выходу.

Знаменитый гастролер, дрожащими руками цепляясь за перекладины, спустился вниз снова. Он упал, едва ступив на арену, и униформисты унесли его за кулисы, а через две минуты из-за форганга вышел шпехтальмейстер и объявил, что номер не может быть исполнен ввиду нервного состояния зала.

На другой день чуть свет по булыжникам Каменец-Подольска простучали несколько повозок. Если бы горожане проснулись раньше, они узнали бы и «зрителей», накануне валяв-

Здесь хочется сделать небольшое отступление. Несколько лет назад в цирке на Цветном бульваре впервые показывали свое искусство Тамара Мусина и Гунар Каткевич. Их номер, поставленный на музыку из балета А. Хачатуряна «Спартак», назывался «Воздушная фантазия». Это был настоящий балет в воздухе. Удивительное сочетание воздушной гимнастики, пластичности и музыкальности. Кажется, та же самая «вертушка» — вращающийся моторизованный снаряд, к которому мы давно привыкли. Но нужно было видеть, как подавалась эта вертушка, как гармоничны были эти пируэты в воздухе, как вдохновенны артисты!

Недавно я познакомился с книгой, которую готовят для издательства «Искусство» А. Я. Шнеер и М. С. Коган. Это наглядно изложенная история русского и советского цирка в документах и исследованиях. Книге дается подзаголовок: «Известное, малоизвестное и неизвестное». Среди многих интереснейших иллюстраций я обратил внимание на фотографию Т. Мусиной и Г. Каткевича с символическим автографом:

«Дорогие Тамара и Гунар!».

То, что делаете вы, это труднее, чем написать симфонию.

Арам Хачатурян».

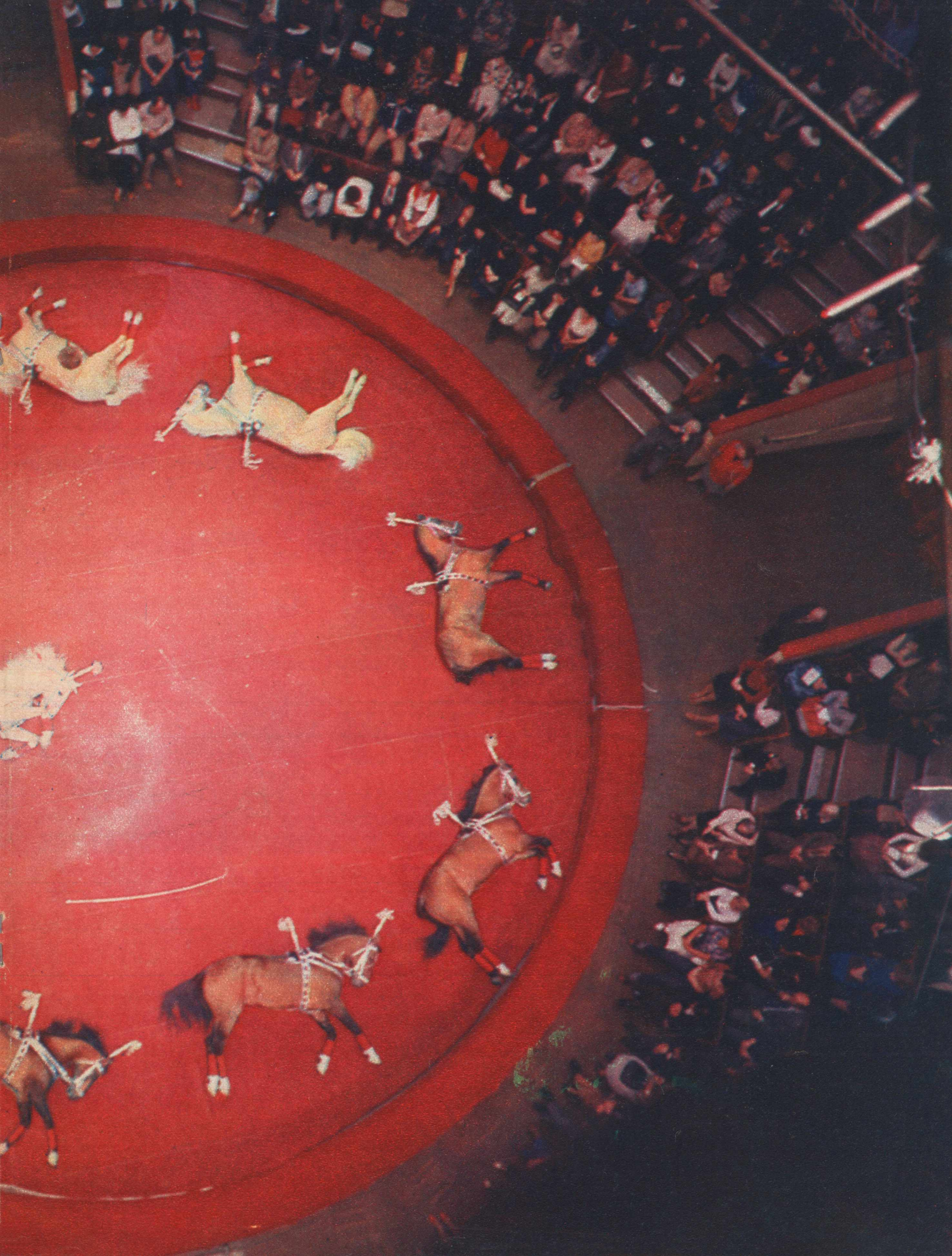
На воздушном канате — Марина Осинская * Эквилибристи с шестами. Руководит ими заслуженный артист РСФСР Леонид Костюк * Акробаты-вольтижеры под руководством Виктора Шемшура * На арене — жонглер Сергей Игнатов.

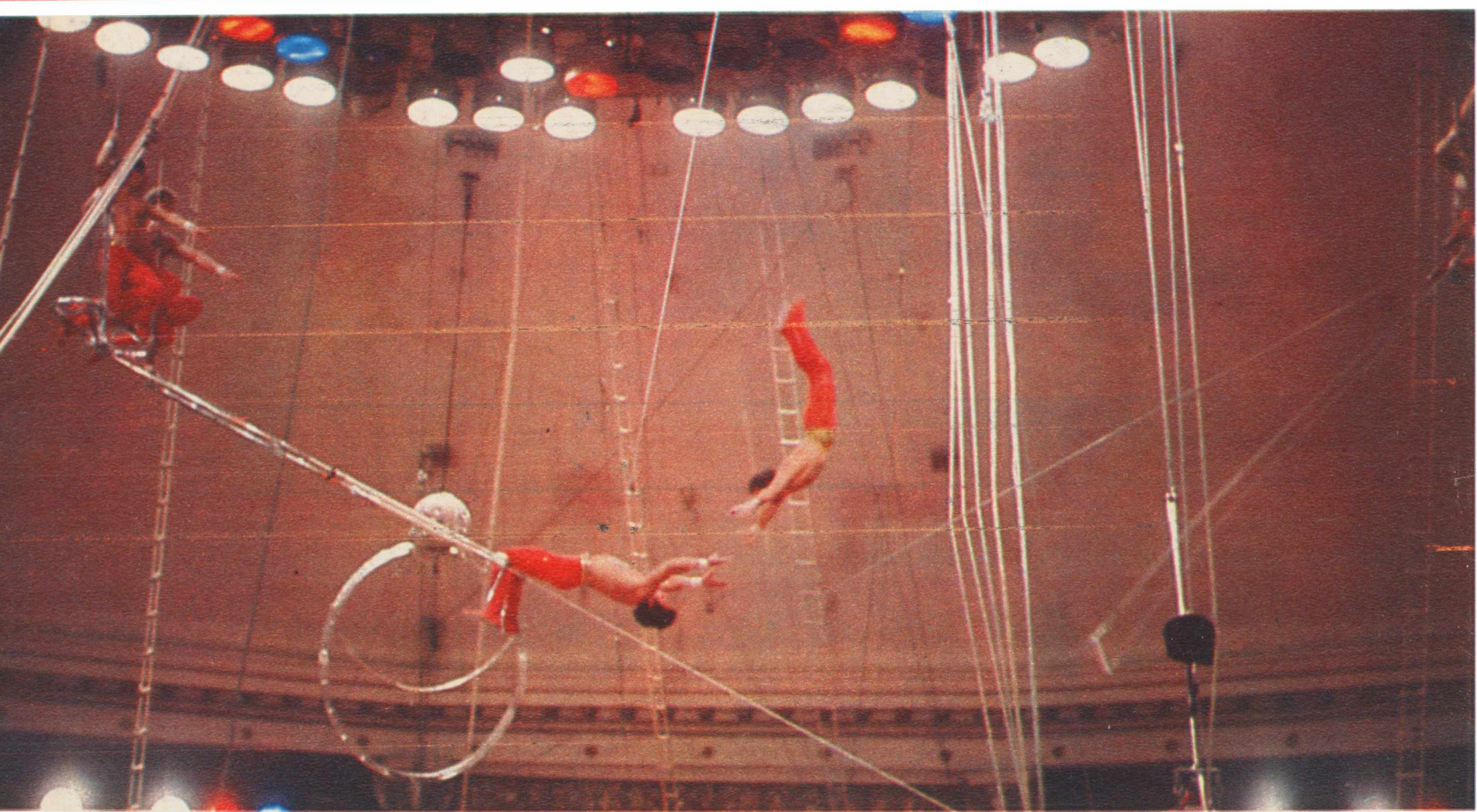
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Воздушные акробаты. Руководитель — Михаил Курдо * Конный дивертисмент Алексея Соколова.

Можно назвать немало имен, особенно ярко заявивших о себе в последнее десятилетие, и из нашей сегодняшней программы. Это и лауреаты премии Ленинского комсомола артисты Бернадские и Шемшур; и замечательный коллектив эквилибристов на першах под руководством Л. Костюка; и дрессировщики медведей — Касеевы... Когда в шестьдесят третьем году умер заслуженный артист республики Николай Акимович Никитин, сын основателя первого русского стационарного цирка, среди его бумаг нашли несколько надписанных конвертов. Один из них был адресован Рустаму Касееву. В письме Никитин писал: «Прими заветы старого артиста, любви манеж, свято храни традиции и умножай достижения циркового искусства, которому я отдал свыше шестидесяти лет своей жизни». Р. Касееву в ту пору было тридцать четыре года, восемь из них он работал на манеже. Был партнерным акробатом, а потом создал свой, не похожий на чей-либо другой медвежий аттракцион.

Время течет... И если сперва славу советского цирка создавали такие корифеи, как Виталий Лазаренко, братья Анатолий и Владимир Дуровы, а позже Ирина Бугримова, Валентин Филатов, Карандаш, сестры Кох и многие-многие другие, то и сейчас их эстафета находится в руках, не менее надежных. И я счастлив, что в клоунской студии нашего цирка в свое время появился клоун, которого зовут, как вы уже, наверное, догадались, Юрий Никулин.

Зарубежная пресса всегда с восторгом пишет о гастрольях советского цирка. «Если вы хотите убедиться, что чудеса существуют, идите на гастроли Кио», — призывали еженедельники Дании. «Мистер Дождь», «Водяной дракон», «Человек-загадка» — так называли зарубежные журналисты Илью Символокова. А Роберт Сильвестр, рассказывая в газете «Нью-Йорк таймс» о выступлении Ивана Кудрявцева с медведем Гошей, рекомендовал взять его в... вице-президенты, поскольку медведь этот ходит на задних лапах лучше некоторых сенаторов, отлично владеет аудиторией и умеет делать все то, что делает американская молодежь, — писал автор рецензии.

Могут поделиться собственными впечатлениями. Мы приехали в шведский город Мальмё. Неожиданно оказались отрезанными подступы к зданию, где мы должны были выступать: огромная толпа загрохотала площадью. Над головами людей колышались церковные хоругви, в руках у многих были иконы. Автобусы остановились. Мы вышли и сняли шляпы из уважения к чужим обычаям. Но процессия устремилась к нам. Двое солидных мужчин в смокингах, с махровыми полотенцами через плечо, вышли вперед. «Господа артисты советского цирка! Жители Мальмё приветствуют вас!» — по-русски сказал один из них и преподнес хлеб-соль. Тут нам все стало ясно: руководствуясь ветхозаветными представлениями о России, нас встречали от всей души. Потом были овации, теплые слова, горячие объятия. А провожали нас почти современно — пели «Катюшу» под аккомпанементом оркестра балалаек.

Таков авторитет советского цирка. Авторитет советских цирковых артистов (каждый третий из них, кстати, имеет высшее образование). Авторитет единственного в мире циркового симбиоза: актера — режиссера — композитора — художника.

Начиная с Владимира Маяковского, для нашего цирка писали и пишут известные советские поэты.

Я люблю людей, посвятивших себя манежу. Людей, умеющих делать невозможное.

Сергей Игнатов стал кидать одиннадцать колец. Сегодня его называют лучшим жонглером мира.

Владимир Александрович Волжанский создал новый аттракцион «Прометей». Он стал

Народный артист РСФСР профессор М. С. Местечкин среди участников студии клоунады * Воздушный аттракцион под руководством Владимира Ракчеева * Дрессированные медведи заслуженной артистки БАССР Нелли Касеевой и народного артиста БАССР Рустама Касеева.

КОНКУРС
ОГОНЕК
СТРОКА
В БИОГРАФИЮ
СТРАНЫ
ЧИТАТЕЛЕЙ

КОМЕНДОР «ГАНГУТА»

Из нашей семьи вышло семь моряков. Трое участвовали в революции. Мой брат Иван штурмовал Зимний, а Семен в ночь на 25 октября с отрядом моряков занимал Крюковские казармы. Он участвовал в героическом ледовом походе кораблей. От него я слышал рассказ об этом историческом событии.

После штурма Зимнего моряков, присланных из Гельсингфорса в Петроград, собрали и сказали, что есть указание: наиболее важных специалистов — машинистов, комендоров, рулевых, сигнальщиков — вернуть на корабли. До этого Семен служил на линкоре «Гангут» (впоследствии «Октябрьская революция») комендором первой башни. Он вернулся на свой корабль.

В феврале 1918 года обстановка в Гельсингфорсе усложнилась. Основная часть Балтийского флота оказалась под угрозой захвата врагами. По указанию Владимира Ильича было принято решение о перебазировании флота в Кронштадт.

Началась напряженная подготовка к походу. Работы шли днем и ночью. Моряки грузили уголь, ящики с винтовками и патронами, станки, машины, продовольствие. Трюмы, палубы, жилые помещения были забиты грузами.

В пасмурное утро 12 марта к стоянке линкоров подошел ледокол «Ермак». Он разломал лед сначала у флагмана «Петропавловска», потом у «Севастополя», «Гангута», «Полтавы». А в полдень первый отряд кораблей в составе четырех линкоров и трех крейсеров начал выходить из Гельсингфорской бухты. На берегу собрались русские матросы, финские рабочие, пришедшие проводить моряков. Многие плакали.

Корабли выходили медленно. В туманной дымке таял Свеаборг, первоклассная военная крепость, где в 1906 году русские моряки и солдаты подняли вооруженное восстание против самодержавия, а через некоторое время скрылись и Гельсингфорс.

Финский залив скован морозом. Ледоколы с трудом продвигаются вперед. Идут только днем, а ночью отстаиваются. Пока стоят — фарватер замерзает. И начинается все сызнова: ледоколы пробиваются, но глыбы льда преграждают путь, образуя торосы. Лыдины скрежещут по борту, дыбятся, падают на палубу, сносят

Комендор первой башни линкора «Гангут» Семен Митин.

Фото 1917 года

грузы, создают опасные ситуации. Могучий линкор, словно задыхаясь, останавливается.

Решено спустить на лед матросов. Нашлись добровольцы: Павел Есин, Григорий Безумов, Фома Закружный и Семен. Они положили на лыдины доски, на них вставали, кололи лед у борта корабля.

На большинстве кораблей некомплект команды достигал 60—80 процентов. Поэтому вахту несли по две смены подряд, а зачастую и бессменно.

17 марта пришли в Кронштадт. Часть главных сил флота была спасена.

Через несколько дней из Гельсингфорса выходил второй отряд кораблей. Его встречать должны были крейсер «Рюрик» и ледокол «Ермак». Как-то утром председатель судебного комитета «Гангута» объявляет:

— «Рюрик» идет встречать вторую партию кораблей. В его команде не хватает людей. Кто желает пойти?

Сразу вызвались несколько матросов, в том числе и Семен. Его зачислили кочегаром.

«Рюрик» и «Ермак» вышли в море. На пути из Кронштадта их обстреляли вражеские батареи с острова Лавенсаари. Немцы требовали возвратиться. Но «Рюрик» и «Ермак», пробиваясь сквозь торосы, двигались вперед. Корабли второго отряда они встретили в районе острова Гогланд и провели их в Кронштадт. А еще через несколько дней прибыл из Гельсингфорса третий отряд. Так волей партии коммунистов, усилиями военных моряков был спасен флот молодой Советской республики.

В. МИТИН,
капитан I ранга запаса

народным артистом СССР, первым в истории цирка лауреатом Государственной премии. В этом аттракционе люди летят с манежа к куполу.

— А где же ваш соло-полетчик? — спросил я у М. С. Местечкина.

— Ему заявили, что полетчика без партнера быть не может. Но все же он сам сделал аппаратуру, тайком репетировал по ночам и добился исполнения нескольких сложных трюков. Но однажды на какую-то долю секунды опоздал ухватиться за перекладину и полетел вниз мимо предохранительной сетки. Лечили

его восемь месяцев. Но потом он ведь снова начал работать и лишь недавно ушел на пенсию... Но я по-прежнему часто вижу его в цирке. Он внимательно присматривается к молодым полетчикам: прикидывает, кому передать свой замысел...

Наверное, кое-что из того, что здесь написано, уже известно. Но нельзя не напомнить об этом еще раз в год, праздничный для нашего цирка. Бесспорно, о многом сказать не удалось, потому что даже недавно вышедший том энциклопедии «Цирк», набранный самым мелким шрифтом, не смог вместить все имена и события, привлекающие к себе любовное зрительское внимание.

Р И С К

Евгений РЯБЧИКОВ

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Засучив рукава поношенной толстовки, Туполев посмотрел на ручные часы, громко гмыкнул и удивленно пожал плечами — неужели так поздно? Негромко, придавая словам душевную заботливость, Туполев произнес:

— Давайте-ка, ребятки, по домам. Время уже позднее. Завтра начнем пораньше.

Слова Туполева были обращены к инженерам, механикам и мотористам, окружившим новый металлический самолет.

На аэродроме стемнело, густые тени легли от ангаров на стоянку самолетов. Появился лохматый ночной сторож в армяке, с рыжей собакой — верный признак наступления позднего часа.

К Туполеву подошел одетый в тщательно подогнанную форму, блестя начищенными мягкими сапогами, стройный и высокий красавец Громов.

— Разрешите отбыть? — щелкнув каблуками и легко взметнув к шлему твердую ладонь, отчеканил пилот.

— Ступай, Миша, ступай, — с отеческой интонацией в голосе произнес Туполев. — Нужно отдохнуть, Миша, ступай. Ты ведь, кажется, рядом живешь, на Беговой? И все ступайте! А то на последний трамвай опоздаете.

— А вы? — заботливо спросил у Туполева Озеров.

— Идите, идите, голубчики! — уже резковато, с нотками неудовольствия сказал Туполев. — Я отдохну. С Полканом, с собачкой, побеседую. А всем — спать. Спать! И тебе, Сашенька, спать. — Туполев обратился к высокому, словно высохшему Архангельскому. — Ты поезжай, Сашенька, и позвони Юленьке, чтобы не беспокоилась, не ждала. И попроси Юленьку: завтра, по моему звонку, приехала бы она с детишками ко мне, сюда. Хочу показать машину.

Острое лицо Архангельского вытянулось, стало еще острее.

— Ты чего, Андрей? Никогда не показывал, а тут... Сам же говоришь: ни начальству, ни дуракам, ни умным, ни тем более близким, полдела не показываю.

На широком, мясистом лице Туполева заиграла хитрая улыбка.

— Поезжай, поезжай, Сашенька. Возьми с собой, кто к тебе поближе живет, и с богом, голубчик. С богом. А я тут похожу. Идея есть. Что касается семьи, то, голубчик ты мой, когда-нибудь нужно знакомить жену и детей с нашей кухней: пусть знают, что не зря хлеб жуем. Ну, поезжай, трогай, голубчик.

Архангельский, старый друг и приятель Туполева, сощурил глаза. Подумав, кивнул и пошел к своему гоночному автомобилю. Он любил машину, гонял на ней по Москве, одних восхищая, других возмущая своей лихостью. Усадив рядом с собой друзей, посигналив клаксоном, газанул с места и исчез за ангарами.

Все разошлись. На площадке остался одинокий, запеленатый в брезент самолет — металлический пассажирский АНТ. Туполев позвал сторожа:

— Спать — спи, Вася, но дело делай, — сказал он строго. — Никого не пускать. Утром летаем. Понял?

— Как не понять, Николаич, мы понимаем. Намедни тут около него и немцы, и французы, и еще какие тут были — я их как шуганул. Они мне папиросы — кури, будь здоров. А я их в шею: не положено смотреть, раз заказано.

— Это ты правильно, Вася, делаешь, что по шеем: не зовут — не лезь, куда не положено.

К Туполеву подошел пес Полкан. Заискивающе посмотрев на Главного, он осторожно обнюхал его стоптанные ботинки, брюки, полу толстовки. К досаде Полкана, едой тут и не пахло. Пес опустил хвост и понуро ушел за ангар.

Думая о своем, Туполев проводил глазами собаку. А думал он о словах сторожа: значит, интересуются иностранные специалисты, те, что прилетают на Центральный аэродром? Значит, их волнует вопрос: выйдет или не получится у Туполева и с пассажирским самолетом? Все не верят, все отрицают, а он вот — стоит, красавец.

Для Туполева первый металлический пассажирский самолет был не просто самолетом, не просто смелой конструкцией, а мечтой о будущем авиации, его планами, его доктриной.

Воспоминания захватили Туполева. Он обошел самолет, остановился около его шасси, постучал по колесу носком ботинка. «М-да...» подумал Туполев. — Вот уверяют: больно тяжел самолет, весь из металла, не полетит. А если и полетит — упадет. Не верят, не верят...»

Горькие морщины пролегли по лицу Туполева. В своей серой толстовке, с которой не разлучался в те годы, в поношенной кепке, стоптанных башмаках он походил скорее на сельского учителя или врача; трудно было представить, какие бури неистово хлестали в его душе, какие проблемы, касавшиеся страны и всего мира, волновали его сердце.

Размышляя про себя, Туполев направился в гулкий от пустоты деревянный ангар. В его темной глубине едва виднелся биплан, поодаль громоздились ящики, в стороне торчала дощатая перегородка. Склонив на плечо голову, Туполев пошел к биплану, остановился около истребителя. От его шагов под потолком всполошились воробьи, тяжело взмахивая крыльями, улетели черные вороны. Стало тихо, и в наступившей тишине четко раздавались тяжелые шаги Туполева. Он обошел биплан, остановился, потрогал рукой зеленую перкалеву обшивку. Деревянная конструкция, туго обтянутая материей, была легка, изящна, явно обладала большой прочностью.

— Хороша птичка, хороша... — проговорил

Туполев. — А теперь — все! Отлеталась. Смена идет...

И тут же поймал себя на мысли: отлеталась ли?

Оставив в покое деревянный биплан, Туполев принялся ходить по центру ангара. От его шагов опять встрепенились воробьи и утихли. Туполев ходил и думал, вспоминал и мечтал, — ему так было необходимо побыть наедине, иметь возможность многое обдумать, посмотреть на самого себя как бы со стороны, попытаться представить себя на месте его противников, или, как он их называл, врагов. Вот ему говорят они: не ходи напролом! Или тебе больше других нужно?

Вышагивая по кругу в центре пустого деревянного ангара, Туполев невольно вспомнил холодный Голубой зал Дома союзов, когда морозным вечером 1922 года в нем собрались ученые, инженеры, различные специалисты обсудить «завиральные идеи Туполева». Все в зале сидели в шинелях, пальто и шубах. В промороженном помещении от дыхания людей поднимались облачка пара. Забравшись в президиум и усевшись за покрытый красным сукном стол, Туполев тоже принялся дышать на посиневшие от стужи пальцы. Чуть отогрел их, старался потуже обвязать тощую шею старым шарфом. До начала «боя», когда ему, Туполеву, многие хотели дать таску, указать на «свое место», он мрачно посматривал в зал, в лица друзей и противников. Вдоль стен Туполев заметил вереницу салазков с привязанными к ним мешками и сумками — в ту пору служащие обычно ходили на заседания и конференции «с тарой» — смутно надеясь на счастливую возможность получить без талонов горох или селедку. Все собравшиеся в зале были голодны, измучены стужей и невзгодами тревожного времени, но все же пришли — одни хотели «разнести» вдребезги туполевские планы, другие готовы были встать на его защиту.

Начали атаку, конечно, «деревянщики». Специалисты с крупными именами то иронически, то грубо, то издевательски говорили о заблуждениях Туполева, о его опасном для Родины стремлении свернуть отечественное самолетостроение с испытанного пути на дорожку авантюры.

Позиция «деревянщиков» была ясна: Россия — страна деревянная, в ней найдешь в любом количестве любые сорта дерева, прежде всего те, которые необходимы для строительства самолетов. В России имеется армия замечательных мастеров по дереву. В России накоплен богатейший опыт превращения дерева в чудо — чего стоят, например, рубленные топором Кижы. А вот Туполев, отрицая неоспоримые преимущества дерева для производства самолетов, маниакально настаивает на своем — на обязательном строительстве металлических самолетов.

Один из седовласых оппонентов, крайне раздраженный, даже поднялся со своего места и ехидно обратился к хмурому Туполеву:

— Скажите, сделайте милость, глубокоуважаемый Андрей Николаевич, есть ли у нас с вами в России легкий и прочный металл для строительства самолетов? — И, не дожидаясь ответа Туполева, сам ответил: — Нет, милостивый государь, Андрей Николаевич, нет такого металла у нас. Нет и тысячу раз нет. Нет и за-

водов, способных наладить производство дюралю. Нет мастеров. Нет опыта. Нет конструкторов, умеющих создавать металлические аэропланы. И еще, замечу особо, ни во Франции, ни в Англии, ни в Италии нет увлечения металлическими самолетами. Они летают, как вы выражаетесь, на дереве. Альзо, предлагаемая вами, Андрей Николаевич, металлическая авиация,— всего лишь химера, сущая утопия, а проще говоря, обман.

Зал вспыхнул. Послышался гул одобрения и протестов. Кто-то застучал тростью по креслу. Председатель едва успокоил участников дискуссии.

Туполев чуть не грохнул кулаками и, нутно кашляя, хватаясь за грудь, заговорил о бесперспективности деревянной авиации: нельзя рассчитывать и дальше летать «на дереве». Со своими стойками и расчалками, связующими плоскости бипланов, пожирающими скорость и подъемность, со своей хрупкой деревянной конструкцией самолетов современная авиация не обеспечит будущий штурм высот, скоростей и большой грузоподъемности. Путь в будущее — через металлическую авиацию. Только металлические самолеты обеспечат оборону страны, грузовые и пассажирские перевозки.

Профессор, чье мнение было дорого Туполеву, выслушав его выступление, огорченно сказал:

— Вы правы, конечно, в будущем будет действовать металлическая авиация. Но в очень далеком будущем. Вы посмотрите вокруг себя: разруха, голод, одолевают болезни... Если сейчас отказаться от деревянных самолетов — это приведет к гибели авиации. Страна лишится крыльев. Избави бог, я не хочу обинять вас во вредительстве, но, посудите сами, на какой путь вы нас толкаете... Вы правильно ставите задачу, но ее решение — в далеком будущем, когда деревянная Россия станет металлической...

Туполев продолжал ходить по кругу в пустом ангаре. «Дерево, дерево,— говорил он про себя.— Что они так уперлись? Неужели не понимают: нужен революционный скачок, нужны сверхусилия, чтобы создать металлургию, катать дюралевый лист, чтобы... Чтобы, черт подери, не жить в болоте».

Сам Туполев вырос среди лесов в родном Пустомазове, умел валить лес и обделять стволы, рубить валежник, плести корзины, любил сажать молодые деревья. Лес — это прекрасно. Дерево сыграло свою роль в развитии авиации, и на деревянных самолетах еще будут летать. Но как не понимают специалисты — его противники, что будущее не приходит само, его нужно тащить, приближать!

Спасибо, что тогда, на яростном совещании в Голубом зале, выступил его друг по борьбе за металлическую авиацию Сидорин. Он показал образец дюралю, уже полученного в Кольчугине. И то, как спокойно и академично выступал Сидорин, как уверенно говорил он о будущем дюралю в России, произвело большое впечатление на собравшихся. Собственно, на этом дискуссия и завершилась. Но потом пошли опять новые совещания, хлынули новые письма, опровержения, доносы, анонимки. И все об одном: Туполев ведет страну в тупик, Туполев — одержимый авантюрист...

Пришлось самому Туполеву с Сидориным, Буталовым и другими энтузиастами металлического самолетостроения налаживать в Кольчугине производство «крылатого металла», конструировать прокатный стан для прогонки дюралю, получения нужных профилей. Конструкторы — тот же Архангельский, и Озеров, и Путилов, и Петляков — в общем, все, кто работал с Туполевым, учились обрабатывать металл, делать из него крылья, фюзеляж, хвостовое оперение, короче говоря, весь самолет. Оказалось, это было делом совсем не простым.

Туполев избрал методику: сначала он построил и испытал металлические аэросани, затем повел по Яузе и по Москве-реке металлический глиссер. И вот — металлический пассажирский самолет. А что, если он действительно не полетит? Его, Туполева, уверяют, будто очень уж тяжел самолет — сплошной металл. «Ерунда! Труссы!» — злился Туполев, вспоминая схватки с противниками металлической авиации.

Походив по ангару, Туполев вышел из него

и вновь направился к зачехленному АНТу. С ящика поднялся лохматый сторож, вскопчил рыжий пес.

— Не спим? — машинально спросил Туполев, хотя видел, что сторож бодрствует. — Есть вопросы?

— Вы бы ехали отдохнуть, Николаич, — хрипло сказал сторож. — Ночь уж. А завтра у нас такое будет...

— Да, такое... — задумчиво произнес Туполев. — Такое, такое...

— Говорят: не полетит, не полетит... — откашлявшись, продолжал сторож. — А я так рассуждаю: коли Туполев сделал, значит, полетит. Да ведь кто полетит? Громов. Орел! Ежели Громов берется — дело будет. Громов ерундой не займется. Он у нас такой — сурьезный. Его весь мир знает. Он до этой, как ее, до Фудзиямы, что ль, летал.

— Летал, летал... — подтвердил Туполев. — Значит, ты считаешь, что если Громов берется, то машина хорошая?

— Так она хорошая потому, что Николаич делал. Ясно? — Сторож захохотал, свистнул собаку и пошел с ней в обход самолетной стоянки.

Сделав несколько шагов, он поспешно вернулся и, забывая о Туполеве, увещевая его, сказал:

— Домой не поедешь, ясно. Это правильно — командующий при войске должен быть. А твое войско — вот этот АНТ. Но спать надо. Иди в ангар. Там я коечку припас. Поспи.

— Спасибо, брат, спасибо. Значит, говоришь, полетит. — Главный улыбнулся.

— Спать! — с ворчливой фамильярностью, тоном приказа сказал сторож.

Туполев махнул ему рукой и вошел в пустоту ангара. За дощатой перегородкой нашел грубо сколоченный из досок топчан, покрытый лоскутным одеялом. Не раздеваясь, только положив под голову кепку, Туполев, деланно кряхтя и что-то гмыкая, забрался на топчан и растянулся на нем.

В пролете ангара виднелось звездное небо. В ангаре было темно и холодновато. Пахло моторным маслом, с аэродрома доносились запахи свежего сена. Зябко поежившись, Туполев постарался уснуть, но сна не было. Опять мучили мысли о пути в будущее. «Может, не лезть на рожон? Ведь так советуют добрые люди. Тогда все успокоится. Займусь деревянными машинами — на жизнь хватит работы. Вот спокойно-то будет...» От одной этой мысли в Туполеве что-то взорвалось. Он поднялся, сел и посмотрел через пролет на звезды. «Как же я мог подумать такое? — рассвирепел Туполев. — Это что же: за чечевичную похлебку оставить свое, отступить, покориться? Нет, шалишь, голубчики! К черту! Не будет деревянных машин. Докажу. Полетят АНТы из металла. Сам буду лить дюралю, сам буду гнуть и резать дюраль. А полетим, черт бы побрал всех трусов и лентяев».

Побушевав наедине, Туполев успокоился. Он вновь подтвердил для себя принятое им решение. Однако напряженный день и усталость взяли свое — Туполев уснул. Правда, ему показалось, что он так и не спал, но открыл глаза и удивился: светало, за аэродромом громы хали телеги, в ближайших к Ходынке конюшнях ржали и били копытами ломовые лошади. Задребезжал трамвай. Послышался звук клаксона такси. Главный затворился, встал, протер глаза, вскопчил с топчана и поспешил к самолету. Он был несказанно удивлен и обрадован, увидев расчехленный самолет и около него занятых делом механиков, мотористов и конструкторов. Примчался на красном гоночном автомобиле острый, улыбающийся Архангельский.

— Доброе утро, доброе утро! — приветствовал он всех.

Появился ладно одетый в форму, в блестящих сапогах, выбритый до синевы шеф-пилот Громов. Тотчас механики стали запускать моторы.

Туполев, поприветствовав «команду», подождал Архангельского.

— Передал? — с видом разговорщика спросил он друга. — Юленька сердится?

— Все в порядке, Андрей. Все в большом и полном порядке, — сияя глазами, скороговоркой произнес Архангельский. — А теперь за работу по плану.

Туполев, проверив, как начались работы, ушел за ангар, нашел там красный пожарный кран, отвинтил его, набрал в пригоршню холодной воды и сполоснул лицо. От студеной воды пробежала приятная дрожь, легче стало дышать и сердцу стало легче.

Не успел Туполев вернуться к самолету, как его потянул в ангар Архангельский. Там был готов легкий завтрак: его прислала с Архангельским Юлия Николаевна, жена Туполева. — Спасибо, Сашок. Спасибо, — засмущался Туполев. — Я не хочу. И вообще так рано завтракать — вред...

— Человеческий организм, — с комическим видом заговорил Озеров, — это, в сущности, как техническая система, — она требует топлива, смазки и т. д. Мы настаиваем: ешьте завтрак.

Туполев замахал руками, но не стал возражать.

Пошли к самолету. Мгновенно вырос Громов. Картинно откidyрив Туполеву, он доложил о готовности к проведению испытаний. Туполев взял Громова за пряжку, покрутил ее, потом подхватил пилота под руку и пошел с ним подальше от самолета.

— Как, Миша? — спросил Туполев Громова, заглядывая ему в глаза.

— Проверяем подачу. Гоняем поочередно правый и левый, а сейчас все три прогоним. Начнем с рулежки?

— С рулежки, с рулежки, Миша. Только скажи своим «духам», чтобы не тянули резину.

— Ну, вот как у нас все по науке получается, — усмехнулся Туполев.

Громов выжидательно смотрел на Туполева и не уходил. Туполев в задумчивости смотрел на Громова.

— Ну, дуй, Миша, дуй! — тихо произнес Туполев и едва заметным движением перекрестил живот пилота. — С богом.

— Есть! — Громов стремительно отдал честь, быстро зашагал к самолету. Тотчас послышались его команды. Заревели двигатели. Через минуту шеф-пилот был уже в кабине. Вздвигая столбы пыли, самолет покотился по аэродрому.

Архангельский, скосив глаза, посмотрел на молчаливого и хмурого Туполева. Приложил к глазам ладонь и деланно улыбнулся:

— Ничего бежит... Ты смотри, Андрей, как бежит... Прелесть!

Туполев отошел в сторону, присел и чуть не с колен смотрел на бегущую по траве машину.

Громов с явным удовольствием «катался» по аэродрому, пылил, давал моторам полный газ и сбрасывал его, делал остановки и вновь отправлялся в путь. Рулежка — обязательный первый этап испытаний. Вдоволь накатавшись, Громов подрулил к Туполеву, высунул из кабины голову и вопросительно посмотрел на Главного.

— Прыгай! — крикнул Туполев. — Дуй, давай! Моторы заревели, как при взлете. Самолет рванул с места и, набирая скорость, покотился по травяному аэродрому. С разбега он начал взлет, но не взлетел, а совершил посадку. Подобные «прыжки» — второй этап испытаний. Самолет, кажется, сейчас, в следующее мгновение, будет в воздухе, а пилот возвращает его на траву, во время каждой посадки, иногда нарочито грубой и резкой, пробуя крепость шасси, послушность моторов и рулей. В случае неприятности грохнуться такой машине с минимальной высоты не так уж и страшно.

— Прыгает! — восторженно крикнул Туполев. Ему самому хотелось прыгать, бежать вдогонку за самолетом, сесть рядом с Громовым и испытывать радость от ощущения прыжков. — Сашок, ко мне! — крикнул Туполев Архангельскому.

Тот словно ждал призыва и вмиг подбежал к другу.

— Ура! Ура! — сверкая глазами, без устали повторял Архангельский. — Ура! Прыгает!

— Ура, ура... — с напускной строгостью сказал Туполев. — А иначе как? Ты ведь строил. Они строили. Ну, ладно. А где Юленька? Где ребята? Мигом!

Архангельский исчез. Его красный гоночный автомобиль, рыча и пыля, юркнул за ворота аэродрома, где уже толпились зрители.

Закончив «прыжки», Громов подрулил на стоянку, не спеша выбрался из кабины и, не подходя к Главному, принялся осматривать самолет. Он обошел его со всех сторон, приказал мотористам проверить двигатели, уровень масла, колеса шасси.

Андрей Николаевич стоял в стороне, не мешая шеф-пилоту и его «духам». Он зорко наблюдал за тем, как Громов дотошно осматривал моторы, залезал под машину и пальцами ощупывал места сварки и клепки. Не в стиле Туполева было подменять кого бы то ни было на испытаниях: каждый отвечал за порученное дело.

Туполев подозвал крижистого, темногозлого Озерова:

— Там народ собирается, глазеть хотят, так ты не гони в шею, не мешай глазеть: пусть Москва видит и знает, каков наш красавец.

— Слушай, Андрей Николаевич, — деловито сказал Озеров. — Интерес повышенный. Есть иностранные специалисты, что обслуживают «Дерулюфт».

— Знаю, знаю. Они сторожа подкупали, чтобы посмотреть машину. А теперь пусть все смотрят.

Озеров, чуть повременив с выполнением поручения, подошел к самолету и поплотнее закрыл дверцу кабины. Туполев заметил и засмеялся:

— Ты что? Боишься?

Во время испытаний одного из первых самолетов конструкции Туполева, когда летчик Петров порулил и попрыгал и доложил о готовности к полету по кругу над Лефортовым, Туполев, ко всеобщему изумлению, вдруг юркнул в кабину. Не успели ахнуть все окружающие, как самолет взлетел с Туполевым на борту.

— Ты понимаешь, — объяснил тогда Туполев Озерову, — я люблю железнодорожников, особенно мостовиков: люди дела, смелости и башковитые. Так вот, у них есть правило: перед тем, как пустить по мосту первый груженный состав, под мост встает, сняв шапку, его главный строитель, автор, так сказать. Не пробьет ему голову, беды не случится — значит, все в порядке. И нам тоже надо головой отвечать.

Озеров стал решительно возражать.

— Конструктор — редкость, его нужно беречь. Самолет, если и разобьется, то будет другой. А вот конструктора не восстановишь... Так что, Андрей Николаевич, я обвиняю вас в безрассудстве. Хочу верить, что это в первый и последний раз.

Вспомнив этот эпизод, Озеров и захлопнул дверцу, — не дай бог, опять что-нибудь выкинет Главный.

Осмотр самолета окончился, и Громов ровным шагом подошел к Туполеву.

— Машина хорошо слушается руля, — вытянувшись, отпартовал Громов. — Рулежка и прыжки прошли нормально. Разрешите взлет.

— А может, прервемся до завтра? — испытующе посмотрев на шеф-пилота, спросил Туполев.

— Нет необходимости. Машина ждет неба. Разрешите взлет.

Наступила пауза. Туполев пожевал губу, посмотрел на небо, на сверкающий металлом самолет, на Громова, вздохнул и, покрутив на гимнастерке Громова пуговицу, тихо произнес:

— Дуй, Миша, дуй.

Громов, четко откidyрив, отпартовал о готовности к полету.

Тогда только все начиналось, складывались и традиции, и Громов впервые ощущал потребность слушать перед отлетом это «Дуй» и видеть, как в своей серой толстовке, в кепке, в стоптанных ботинках Туполев направится вперед, туда, где закончится разбег самолета и начнется его отрыв от земли. Туполев, понимая, что его ждет Громов, пошел по траве. Удивительным чутьем и расчетом он определил место, где тяжелая металлическая крылатая машина, гремя, обдавая ветром, оторвется от земли. Тут он и остановился. И тогда взревели моторы, АНТ тронулся с места и, набирая скорость, направился на Туполева. Андрей Николаевич видел, как надвигается на него жаркий от солнца, сияющий солнцем самолет, но не отступил ни на шаг, — он верил в мастерство шеф-пилота, в точность его расчетов, в отличную систему управления.

На аэродроме собрались уже сотни зрителей. Они ахнули, когда увидели мчащийся на Туполева самолет, и восторженно закричали, когда АНТ прошел в каких-то метрах над Главным. Было чему удивляться и радоваться: на глазах толпы происходило чудо — тяжелый металлический воздушный корабль покинул землю. Он не упал, а ровно и легко стал набирать высоту. Он сиял металлом на солнце, и был такой красивый, четкий, необыкновенный. Не все понимали тогда, что этим полетом открывалась новая страница в истории авиации, но все чувствовали и радость, и восхищение, и гордость.

Туполев вернулся к стоянке у ангара, взял бинокль и принялся наблюдать за полетом. Вскоре послышался рев гоночного автомобиля Архангельского. Перед Андреем Николаевичем предстала его жена Юлия Николаевна и дети Алексей и Юлия. Они бросились к Туполеву, стали обнимать его, поздравлять с успехом.

Им не удалось поговорить, — басовито гудя, к стоянке направлялся закончивший круговой полет металлический АНТ. Поутихли его двигатели, захлопали дверцы кабины. Перед Туполевым вырос, едва сдерживая восхищение, Громов.

— Разрешите на следующий круг... — обратился он к Туполеву. — Все в порядке. Самолет хорош.

— Давай, Миша, давай. Только вот я хочу показать салон и твою кабину Юленьке и детворе. Пусть посмотрят. Им будет интересно. — Туполев сделал вид, что он очень уговаривает Громова, а Громов развел руками, дескать, что я могу поделаться, и пригласил всю семью Туполева пройти в салон.

Только семья разместилась в креслах, как Туполев прошел в кабину к Громову и отдал ему приказ идти на взлет. Громов повел глазами, сдвинул брови, подумал и, в свою очередь, решительно приказал:

— Занять места, не ходить, полное спокойствие.

Юлия Николаевна предполагала, что Андрей выкинет что-нибудь удивительное, но никак не думала о полете всей семьей, с детьми, и ей стало страшно. Но она подавила в себе страх и, улыбнувшись, обратилась к детям:

— Это очень интересно — папа покажет нам Москву с воздуха. Смотрите в окошечки.

Туполев выглянул в дверцу и знаками дал понять Архангельскому, Озерову, Путилову, Петлякову — всем друзьям, чтобы они не мешали выполнять его распоряжения.

Громов дал полный газ моторам. Ему приходилось много летать, видеть мир, переживать смертельные опасности во время испытаний, но такое случилось с ним впервые. Громов был бесконечно благодарен Туполеву за предельное доверие. В то же время он понимал, что, доверяя ему, Громову, он с его помощью, рискуя семьей, ставит на карту в борьбе за металлическую авиацию самое дорогое, что есть у него в жизни. Громов «подавил себя» и стал обычным Громовым — деловым и строгим.

Начался разбег. Машина дрожала от напряжения. В кабине ощущался каждый комочек земли, по которому прокатывались колеса. Гофрированные стены дрожали. Туполев и Громов мысленно отсчитывали метры: сейчас... вот сейчас отрыв... Казалось, бесконечно долго продолжался разбег... Но вот толчок, еще толчок... Так и есть — самолет оторвался от земли и стал набирать высоту.

Исчезла зеленая гладь аэродрома. Под крылом показались башни Петровского дворца. Мелькнула башенка «Мавритании». Появились Триумфальные ворота у Белорусского вокзала. А на площади — трамваи, бордового цвета автобусы «лейланды», извозчики, ломовики. И множество печных труб над крышами. И вдруг — ширь Красной площади, на которой застыли от неожиданности трамваи, пролетки и такси. Казалось, вся Москва задрала головы и следила за крылатым чудом.

С аэродрома уже позвонили в различные учреждения и в редакции газет, — вмиг Москва узнала о необычайном происшествии на земле и в небе. Своими крыльями на фоне облаков металлический АНТ с пассажирами на борту утверждал правоту дерзкой мысли.

— Давайте сначала вспомним, — повел свой рассказ Владимир Сергеевич, — основные моменты жизненного пути этого замечательного человека. Исключение из Петербургского университета за «вольномыслие» и участие в студенческих волнениях. Учеба в Гейдельберге на философском отделении университета, затем учеба в Лейпциге и окончание медицинского факультета Йенского университета. Увлеченный теорией эволюции, Миклухо-Маклай переходит к сравнительной анатомии. Тогда, в шестидесятых годах прошлого века, развернулись дискуссии о полноценности человеческих рас, полигенисты, например, считали папуасов «недочеловеками». Вернувшись после учебы в Россию, Миклухо-Маклай обратился в Географическое общество с предложением об организации экспедиции к берегам Новой Гвинеи.

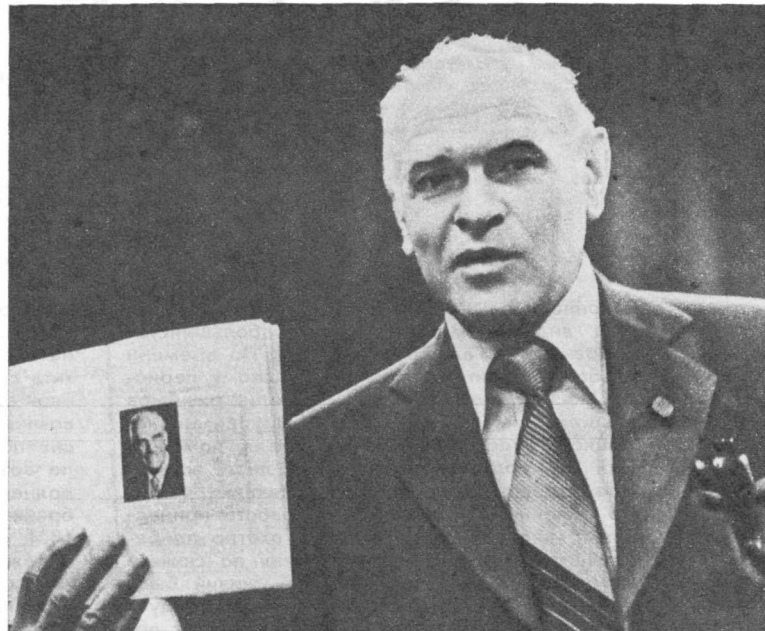
И потекли годы путешествий. Николай Николаевич первым изучил население и природу северо-восточного берега Новой Гвинеи (Берег Маклая). Установив дружеские отношения с папуасами, он провел там несколько лет. Он совершил путешествия на Малакку, в южную Новую Гвинею, по островам Микронезии и Меланезии. Одним из главных его достижений было то, что он сумел доказать несостоятельность теории о «высших» и «низших» расах.

Годы, проведенные в тропиках, совершенно истощили его здоровье. Когда в 1878 году его внесли на корабль, направлявшийся из Сингапура в Сидней, Николай Николаевич весил всего 97 фунтов. Но в пути он все равно проводит научные работы. Это были первые исследования температурного режима океана в том районе.

Николай Николаевич так и не лег в больницу по прибытии в Сидней, а сразу занялся делами. Вскоре он поселился в доме зоолога Уильяма Маклая и стал работать в его частном музее. Маклей также привлек его к участию в деятельности научного Линнеевского общества. Русского ученого сразу же избрали почетным членом общества.

Уже через месяц после прибытия в Австралию Н. Н. Миклухо-Маклай представляет в Линнеевское общество проект создания в Сиднее биологической станции. Проект принимается, но дело продвигается плохо — нет денег. В конце концов Николай Николаевич добивается своего: собирает деньги среди сиднейцев. В 1881 году станция построена и начинает действовать. Замечу, что это было первое подобное научное учреждение в Южном полушарии.

В редакции стало известно, что старший научный сотрудник Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, доктор исторических наук В. С. Стариков, год назад вернулся из Австралии, где участвовал в юбилейных торжествах в связи со 100-летием со дня прибытия на австралийскую землю Н. Н. Миклухо-Маклая. О них в нашей стране мало кому известно. Поэтому мы пригласили Владимира Сергеевича в наш клуб. Он привез с собой документальный кинофильм, фотографии, рисунки, книги.

Рассказывает В. С. Стариков, почетный член общества Миклухо-Маклая в Австралии.

Фото И. Гаврилова

НА АВСТРАЛИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ МИКЛУХО-МАКЛАЯ

За восемь лет работы в Австралии Миклухо-Маклай опубликовал более сорока научных трудов, посвященных изучению животного мира, этнографии и антропологии Австралии и Океании. Именно здесь ученому удалось собрать и обработать богатейший материал о строении мозга, черепа у различных народностей, заселявших эти края.

Он еще больше убедился в правильности выводов о том, что культурный уровень всякого народа определяется не биологическими особенностями, а путем его исторического развития.

— Вот посмотрите, — Владимир Сергеевич показывает нам книгу. — Она называется «Сто лет научного исследования Австралии». Здесь рассказывается об ученых,

внесших наибольший вклад в изучение Австралии. Как видите, Миклухо-Маклай на втором месте после Уильяма Маклая.

В прошлом году в Сиднее торжественно отметили 100-летнюю годовщину со дня прибытия Миклухо-Маклая на солнечный континент. В эти дни здесь открылась выставка, посвященная жизни и деятельности выдающегося путешественника и ученого. Экспозиция выставки была расположена в помещении Государственной библиотеки штата Новый Южный Уэльс. Есть в этом здании галерея выдающихся деятелей Австралии. Среди них и Н. Н. Миклухо-Маклай. Кстати сказать, его портрет, принадлежащий кисти известного русского художника Алексея Корзухина, долгое время считался бесследно пропавшим. Нашел его

только в 1963 году А. П. Макаров.

На открытии выставки выступил наш генеральный консул в Сиднее Иван Яковлевич Федорченко. Он зачитал привезенные мной приветственные адреса от президента Географического общества СССР А. Ф. Трешникова и Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая.

В те дни было принято решение о создании общества Миклухо-Маклая. Мы собрались на учредительное заседание в Австралийском музее. Обсудили цели, задачи, устав будущего общества.

Было решено, что главной задачей общества должно стать увековечение памяти выдающегося ученого, распространение его идей, трудов, публикация архивных материалов на двух языках, а также содействие изучению стран и народов, с которыми Миклухо-Маклай связал свою жизнь.

Надо сказать, что австралийский период жизни Николая Николаевича вообще мало изучен, а это один из важнейших ее этапов. Так что созданное общество многое здесь должно сделать. Разумеется, при содействии советских ученых и общества дружбы «СССР — Австралия». А интерес к нашей стране у жителей континента растет с каждым днем. По радио, например, все чаще и помногу передают русскую музыку, симфонические концерты, а по телевидению и целые оперы. Деятельность созданного Маклаевского общества, несомненно, будет способствовать укреплению связей двух государств.

Как известно, в Австралии Николай Николаевич женился, это был очень счастливый брак. Его жена Маргарет после смерти мужа в 1888 году с сыновьями Александром и Владимиром вернулась в Австралию, где прожила более сорока лет.

У Миклухо-Маклая три внука: Пол Маклай — диктор сиднейского радио и телевидения, Кеннес Маклай — адвокат и Роб Маклай, который до недавнего времени возглавлял факультет физики Сиднейского педагогического института, сейчас он на пенсии и увлеченно занимается изучением наследия своего деда.

Роба избрали президентом общества Миклухо-Маклая. Вице-президентами — Кеннеса Маклая и Рея Шеридана, неугомимого энтузиаста, давно увлеченного идеями Николая Николаевича. Несколько лет назад он прислал в наш институт десять прекрасных альбомов о жизни и работе Миклухо-Маклая в Новой Гвинее и Австралии.

— Недавно, — продолжает Владимир Сергеевич, — я получил письмо от Роба Маклая. Он пишет, что ближайшая задача — создание мемориального музея Миклухо-Маклая. Конечно, лучшего помещения, чем биологическая станция, где ученый проработал несколько лет, и быть не может, но еще в 1884 году здание было занято военным ведомством. Сейчас там живет семья одного полковника. Роб Маклай и все члены общества надеются, что удастся здание вернуть. Будем надеяться и мы.

Новому обществу предстоит большая работа.

Идеи нашего замечательного соотечественника живут и распространяются в мире.

Зависел В. ЛЕЙБОВСКИЙ

У ПОТОМКОВ БУТУРЛИНА

Иван БОЧАРОВ,
Юлия ГЛУШАКОВА

Очерк о Бутурлиных, опубликованный в «Огоньке» (1978, № 32), сослужил роль своеобразной визитной карточки и открыл двери в дома весьма обособленной и замкнутой социальной категории — итальянской аристократии, к которой принадлежат в Италии потомки Бутурлиных. Потомками Дмитрия Петровича оказались и люди, которых мы хорошо знали до этого, не подозревая об их русском происхождении, в частности директор Этрасского музея Ватикана профессор Ронкалли, племянник «красного папы» Иоанна XXIII, стоявшего во главе святого престола с 1958 по 1963 год.

В результате разысканий библиотека, вернее та часть собранных Дмитрием Петровичем Бутурлиным в Италии книг, которая не была распродана на парижском аукционе, устроенном после смерти библиофила его наследниками, — несколько тысяч томов, украшенных бутурлинским экслибрисом. Среди них мы обнаружили ценнейшие издания французских просветителей и другие редкости, преимущественно на французском и итальянском языках.

Но сначала о новом иконографическом материале. Первые находки мы сделали в римском доме потомков Бутурлиных по линии Мочениго, с которыми породнились внука Дмитрия Петровича и Анны Артемьевны, единственная дочь младшей из сестер Бутурлиных — Елены Дмитриевны, вышедшая замуж за князя Видони из Кремоны.

Профессор Римского университета Саранцо-Мочениго, правнук Елены Дмитриевны, не в пример своим дальним родственникам из Кремоны бережно сохранил все реликвии, связанные с его русскими предками. В римском особняке профессора, больше похожем на музей, чем на жилой дом, по обилию украшающих его картин и скульптур, мы нашли оригинал портрета Анны Артемьевны работы И. Эндера (профессор ошибочно считал его изображением своей прабабушки по австрийской линии), а также несколько миниатюр на слоновой кости с изображениями Елены Дмитриевны и ее сестер. Но портреты младшей дочери Бутурлиных, родившейся в 1813 году, сами по себе нас не интересовали. Зато наше внимание привлек старинный альбом, принадлежавший старшей дочери Бутурлиных Марии Дмитриевне, бывшей замужем за тосканским графом Дини. По свидетельству Михаила Дмитриевича, его старшая сестра была незаурядной личностью, отличалась

склонностью к наукам, прекрасно рисовала. Она, видимо, является автором большинства собранных в альбоме рисунков. По времени альбом относится уже к итальянскому периоду жизни его владелицы. Среди рисунков альбома мы нашли подписанный пейзаж немецкого художника Франца Кателя, помеченный 1830 годом, а на соседнем листе жанровую сценку, выполненную в технике сепии. По семейному преданию, эта работа принадлежит кисти Карла Брюллова, охотно прибегавшего к сепии. Незамысловатая по сюжету картинка итальянской сельской жизни была предназначена для альбома и не претендует на глубину. Но и в подобных экспромтах поражает, несмотря на всю их непритязательность, блистательный талант великого художника, его совершенное владение рисунком.

...В доме Аймона Сейсельдекса, инженера-электроника, мы получили массу полезных сведений о путях наших дальнейших поисков. Хозяин дома придерживается весьма современных взглядов и о своем аристократическом происхождении говорил с нескрываемой иронией:

— E roba d' altri secoli — атрибуты прошлого века, музейная древность.

Но инженер с полным уважением относится к своему русскому происхождению, глубоко интересуется русской историей и культурой, что подтверждали книжные полки его кабинета, уставленные книгами русских авторов. Линия Бутурлиных идет от Елизаветы Дмитриевны, средней дочери библиографа, выданной замуж за пьемонтского аристократа Клаудио Сейсельдекса, отличившегося во время войны за воссоединение Италии, ныне украшает галерею героев движения за единство и свободу Италии в римском музее Рисорджименто.

Один из сыновей Елизаветы Дмитриевны женился на внучке маркизы Терци, урожденной Голицыной Елизавете Михайловне, дочери русской писательницы, писавшей на французском языке, и переводчицы Пушкина княгини Прасковьи Михайловны Голицыной. Благодаря этому браку в доме Сейсельдексов соединились ныне реликвии по истории русской культуры, принадлежавшие и Бутурлиным и Голицыным.

Но познакомиться мы с ними уже в Милане, навестив брата нашего римского знакомого — маркиза Витторио Сейсельдекса.

Один из показанных нам портретов выделялся живописным мастерством среди всех остальных. Это было акварельное изображение Елизаветы Дмитриевны, написанное на фоне синих холмов и построено Фьезоле, поднимающихся на северо-востоке от Флоренции. На портрете Елизаветы Дмитриевны 18—20 лет. Она в расцвете молодости и красоты.

Автором изображения был Карл Брюллов, как нам сообщили хозяева. Перед нами была дотоле совершенно неизвестная работа художника. Портрет не подписан Брюлловым, но о его авторстве говорило не только семейное предание Сейсельдексов, но, главное, несомненное брюлловское живописное почерк, блестящее мастерство, с которым передано девичье обаяние и жизнерадостность характера девушки. Превосходны краски: сочные, яркие,

темпераментные. Мы были необычайно признательны Витторио Сейсельдексу за преподнесенный нам сюрприз, позволивший обогатить список произведений русского художника еще одной превосходной работой, о существовании которой никто из исследователей до сих пор даже не подозревал. Портрет, судя по возрасту Елизаветы Михайловны, был выполнен одновременно с затерявшимся изображением старого Бутурлина, то есть в 1824 году, как это известно из биографии художника.

При дальнейших встречах с потомками Бутурлиных самыми неожиданными оказались находки, сделанные нами в доме троюродной сестры Роберто Антинори.

В отличие от других обломков бутурлинского рода в этой семье лучше всего сохранились русские традиции: в доме продолжают говорить по-русски и даже вопреки католическому прошлому своих предков, начиная с Петра Дмитриевича, старшего сына библиографа, и его жены Авроры Осиповны, рожденной Понятовской, придерживаются православной веры. В просторном особняке здесь хранятся тысячи томов из остатков итальянской библиотеки Дмитрия Петровича. Сохранились каталоги и московской и итальянской бутурлинских библиотек. Среди изобразительных материалов самой сенсационной находкой был карандашный портрет Петра Дмитриевича Бутурлина работы Ореста Кипренского.

Здесь же мы обнаружили и небольшой портрет маслом Дмитрия Петровича, сделанный, видимо, незадолго до его смерти. Портрет явно носит на себе отпечаток любительской руки: художник пытался передать внешнее сходство, но и не помышлял о раскрытии характера. Его автором наверняка был кто-либо из родственников или знакомых библиофила, увлекавшихся живописью, а таких в семье и в окружении Бутурлиных было множество.

Хранился в этой семье потомков Дмитрия Петровича по линии его старшего сына Петра и большой портрет маслом старого библиофила, но его вместе с коллекцией других картин недавно украли. Вполне возможно, что похищенная работа и была знаменитым портретом кисти Брюллова, который мы безуспешно столько лет разыскивали. Среди украденных картин были и пейзажи, в том числе, вероятно, и русской кисти...

Из акварельных изображений членов семьи Бутурлиных здесь сохранился анонимный портрет Авроры Осиповны, жены Петра Дмитриевича, очень хорошо передающий характер этой женщины, твердой и властной особы, у которой, как говорят семейные предания, муж, мягкий и добрый человек, целиком был под каблуком...

Любопытной находкой стал обнаруженный в этой семье большой альбом карикатур, о существовании которого мы знали из мемуаров Михаила Дмитриевича Бутурлина. Автор многочисленных, большей частью акварельных работ, собранных в альбоме, был

«Из итальянских разысканий» см. «Огонек», 1972, № 32; 1976, № 41; 1978, № 7 и 33; 1979, № 28.

талантливый крепостной художник Иван Бешенцев. Альбом переходил из поколения в поколение и дошел до нашего времени в прекрасном состоянии.

Наиболее важной находкой, однако, была рукопись самого Дмитрия Петровича. Речь идет о его работе «Греки, турки и европейское общественное сознание», написанной на французском языке в июле 1821 года в связи с греческим восстанием против турецкого гнета. Но, по словам сына библиографа Михаила Дмитриевича, опубликована она была лишь в 1828 году, за год до смерти автора. Книга была издана в немногих экземплярах в Париже неким Ренуаром, но ни в советских, ни в итальянских книгохранилищах нам не удалось обнаружить ни одного экземпляра печатного варианта этого труда.

Обнаруженный во Флоренции рукописный вариант работы Бутурлина — страстный памфлет в защиту греческой свободы. Уже одно это говорит, что передовой образ мыслей Дмитрия Петровича не был давно забытым грехом молодости. Старый библиофил в своем сочинении выступает не только как убежденный сторонник независимости Греции от Османской империи. Одновременно он развивает глубокие мысли, направленные против реакционной идеологии Священного союза, против неизбежности определенного им устройства Европы, за право народов самим выбирать форму правления в соответствии с духом и потребностями времени. Дмитрий Петрович язвительно высмеивает решения конгрессов Священного союза, цель которых — «постоянное противодействие всем улучшениям, всем изменениям». Бутурлин показывает себя убежденным диалектиком в подходе к законам общественного развития, заявляя, что навязывать обществу неизменные нормы значит обрекать его на смерть, что великое человеческое общество не может существовать, замыкаясь в старом. Нужно смело отбрасывать отжившие формулы, призывает он, показывая, что Священный союз стоит на страже того, что беспощадно обречено временем.

Дмитрий Петрович, таким образом, до конца своих дней был верен тем свободолюбивым идеям, которые воодушевляли в молодости его и близких к нему русских людей и которые озарили путь в жизнь и творчество юного Пушкина. В этом большое принципиальное значение греческого памфлета Д. П. Бутурлина, который, к сожалению, в России практически остался неизвестным и не был по достоинству оценен современниками. Между тем его автор смотрел на это произведение отнюдь не как на плод академических размышлений. Свой очерк в рукописи Бутурлин сразу же направил графу Каподистрию, греку по национальности, бывшему на русской дипломатической службе, когда тот в качестве второго статс-секретаря по иностранным делам еще оставался руководителем восточной политики России. Каподистрия, как известно, видел именно в России естественную опору греческого национально-освободительного движения и потому отрицательно относился к Священному союзу. Исходя из этого, он выступал против усиления англо-австрийского влияния в Европе, был противником подавления неаполитанской революции, активно участвовал в основании гетерий — греческих тайных обществ, боровшихся за независимость своей родины.

В мае 1822 года Каподистрия вынужден был уйти в отставку с русской службы из-за разногласий с Александром I.

Государственные интересы вынудили в конце концов Россию поддержать дело греческой независимости. Меттерних сличком поторопился, когда после отставки графа Каподистрии торжествующе сообщил императору Францу, что граф «похоронен до конца жизни». Каподистрия, переселившийся в 1822 году в Женеву, продолжал там активную патриотическую деятельность и в 1827 году был избран первым президентом независимой Греции.

Граф Каподистрия ответил Д. П. Бутурлину уже из Женевы теплым письмом. Сетя по поводу людей, для которых «история начинается лишь с 1814 года», то есть с года основания Священного союза, и которые, естественно, останутся глухи к идеям Д. П. Бутурлина, он заверял своего русского единомышленника в том, что его труд не был напрасным, и что он займет подобающее место в истории.

Напомним, что Каподистрия известен нам также и как доброжелатель Пушкина. Вместе с Карамзиным именно он в 1820 году предпринял шаги, чтобы предотвратить ссылку поэта на Соловки или в Сибирь, дерзнув доказать Александру I «всю жестокость» такого решения.

И опять встает вопрос о том, как случилось, что Д. П. Бутурлин, исповедуя столь передовые для своего времени идеи, которые родились у него с людьми, подобными Каподистрии, одновременно мог питать недоверие к А. С. Пушкину, рекомендуя своему младшему сыну перед отъездом из Флоренции в Одессу остерегаться находившегося там опального поэта. Причиной тому, безусловно, были не вольнолюбивые мотивы в лирике Пушкина, которым библиофил

мог только сочувствовать. Наговор на поэта, видимо, носил иной характер. Внимательно рассмотрев русское окружение Д. П. Бутурлина во Флоренции, нетрудно обнаружить, кто мог его настроить против Пушкина.

Михаил Дмитриевич Бутурлин в своих мемуарах сообщает, что идею о его направлении на службу в Россию в канцелярию М. С. Воронцова отцу подал находившийся тогда во Флоренции Д. П. Северин, чиновник коллегии иностранных дел, будущий русский посланник в Швейцарии. «Очень часто бывал у моего отца Дмитрий Петрович Северин, — пишет М. Д. Бутурлин, — приезжавший несколько раз в отпуск во Флоренцию... Он очень часто обедал вдвоем с моим отцом... Невзирая на неравенство лет между отцом моим и Д. П. Севериным, молодой дипломат приобрел его дружбу и даже некоторое влияние над ним, как видно из того, что по его совету отец мой отправил меня позднее к своему двоюродному брату гр. М. С. Воронцову: поездка эта предназначалась быть подготовительным шагом для моего поступления на службу. Помню, отец мой говорил, что Северин и Матусевич (преждевременно умерший) были сотрудниками графа Каподистрии».

Слово «сотрудники», как видно, здесь употреблено автором в смысле «единомышленники», однако есть серьезные основания сомневаться в искренности Д. П. Северина. Хорошо знавший этого человека еще по «Арзамасу» Ф. Ф. Вигель так характеризует его в своих «Записках»: «В сокращенном виде был он Уваров, с тою, однако, великою разницей, что последний был знатнее родом, гораздо красивее, во сто раз умнее и богаче и даже добродушнее его. Я думаю — оттого, что безмерные притязания Уварова давно уже обратились в права, а Северина и поныне еще терзает неудовлетворенное честолюбие... С годами взволнованная желчь, разливаясь по жилам и чертам его, в самый неприятный цвет, наконец, окрасила его лицо. Вот его наружность. Что касается до характера, это было удивительное слияние дерзости с подлостью; но надобно признаться — никогда еще не видал я холопство, облеченное в столь щеголеватые и благородные формы».

«Арзамасцы», дававшие всем смешные и меткие прозвища, попав не в бровь, а в глаз, нарекли Северина «Резвым котом» — за неумное честолюбие, двигавшее этим человеком всю жизнь.

Пушкин знал «Резвого кота» также еще со времен «Арзамаса», а потом встречался с ним в Одессе, где и произошла его стычка с честолюбивым чиновником, который впоследствии относился к поэту с неизменной враждебностью. «Здесь Северин, но я с ним поссорился и не кланяюсь», — писал Пушкин из Одессы 14 октября 1823 года. А. И. Тургенев, касаясь этой ссоры, сообщал П. А. Вяземскому, что Пушкин «был в Одессе у Северина, который сказал, чтобы он не ходил к нему; обошелся с ним мерзко». Поэт едко высмеял отличавшую Северина заносчивость выскочки в известной эпиграмме: «Ваш дед портной, ваш дядя повар...»

Отрицательные отзывы об этом малосимпатичном человеке и других современников. Даже Софья Карамзина, говорившая, что она любит его при всех его недостатках, писала, что отличительные свойства Северина — «тщеславие и непрестанное самохвальство».

Неудивительно, что этот человек «совершенно отказался принимать участие в судьбе поэта, когда к нему перед высылкой Пушкина из Одессы обратились с просьбой «спасти» своего молодого друга П. А. Вяземский и А. И. Тургенев. Северин, как видно, продолжал мелко мстить поэту и в беседах с Д. П. Бутурлиным, изображая его в самом невыгодном свете.

В заключение хотелось бы рассказать еще об одной находке, сделанной в доме троюродной сестры маркиза Антинори. Уже в последний визит к ним хозяева показали нам случайно обнаруженный ими в библиотеке листок из старинного альбома со стихами на русском языке. В левом верхнем углу на листе было помечено: «Кн. Одоевский 1815 г.».

Это были неизвестные стихи будущего декабриста, вписанные им в альбом одной из сестер Бутурлиных, когда ему было 13 лет. Стихи относятся к той поре, когда русское общество было охвачено патриотическим порывом,

вызванным победой над Наполеоном, и когда в зените славы был Александр I, не успевший еще полностью сбросить с себя либеральный флер. Стихи посвящены двум главенствующим тогда в умах историческим фигурам: Александру I и Наполеону, противопоставляемым друг другу в духе того времени как воплощение противоположных начал. Стихи состоят из трех четверостиший. Второе четверостишие перечеркнуто, так что в нем можно разобрать не все слова. Идеи его повторены в третьем четверостишии, где также неразборчивы слова последней строки. Стихи вместе с поддающимися расшифровке словами из второй строфы звучат так:

Муж твердый в бедствиях и скромный
победитель.
Какой венец Ему! Какой Ему алтарь!
Вселенная! Пади пред ним! Он твой Спаситель.
Россия! Им гордись! Он сын Твой! Он Твой
Царь.

Муж слабый <...> победитель.
Какой венец Ему! Какой ему алтарь!
Вселенная, восстань: упал твой разрушитель.
Россия, возгордись!
Муж алчный к почестям,
разбойник-победитель.

В венец на голове, чужой похитив трон,
Вселенный тиран, мучитель и грабитель
Ты <...> Наполеон?

Отразившаяся на листке альбома работа юного поэта над своими стихами говорит, что это был экспромт, записанный рукою самого автора. Во Флоренции, таким образом, хранится один из немногих дошедших до нас автографов Александра Одоевского. Поэт не хранил рукописей своих стихов, сжигал их, так как «презирал» в молодости «печатное бытие», а после событий на Сенатской площади, в заключение, на каторге и в ссылке «избегал всяких писаний», поскольку они могли навредить на него новые преследования. Стихи его жили в устных преданиях, песнях и дошли до потомков благодаря записям, сделанным друзьями по каторге и ссылке. В Бутурлинском альбоме, видимо, записан один из первых поэтических опытов тринадцатилетнего Александра Одоевского, отдавшего дань увлечению «победителем Наполеона».

В полудетских стихах Александра Одоевского, разумеется, бесполезно искать ростки его будущих декабристских воззрений. Они только свидетельствуют рано пробудившегося в мальчике поэтического дара, который в будущем обессмертит его имя как лучшего после Рылеева декабристского поэта, как автора знаменитого ответа на пушкинское послание «Во глубине сибирских руд...».

Любая вновь найденная строчка из большей частью погибшего творческого наследия А. Одоевского ценна сама по себе. Но нас эта находка обрадовала вдвойне, подтвердив, что Бутурлины привезли с собой в Италию русские альбомы, на страницах которых могли сохраниться и стихи Пушкина. Где альбом, из которого выпал синий лист с автографом Александра Одоевского, где другие автографы, собиравшиеся вместе с дочерьми увлекаться и сам старый русский библиофил?

Хозяева дома, к сожалению, не смогли отыскать у себя других листов альбома, хотя помнили, что он попадался им на глаза и что в нем записано немало других стихов на русском и французском языках. После телефонных консультаций молодежи со старшими членами семьи, находившимися за границей, выяснилось, что альбомы, как и многие другие документы Бутурлиных, скорее всего находятся в загородном доме. Бутурлинский архив вместе с частью библиотеки Дмитрия Петровича, оказывается, занимает там весь подвальный этаж старинного особняка. Чтобы разобрать архив, требуются недели, если не месяцы кропотливой работы...

Наши новые друзья, горячо заинтересовавшиеся историей своих русских предков, пообещали нам, что самым тщательным образом исследуют весь свой семейный архив, чтобы выявить в нем реликвии русской культуры, и обратят особое внимание на материалы, связанные с Пушкиным.

Хочется верить, что эти материалы сохранятся.

Рим — Москва.

НЕ ПРОСТО СХВАТКА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

За мужество и самоотверженные действия, проявленные при задержании опасных преступников, наградить:

Орденом Красной Звезды

Кравцова Павла Ивлевича — старшего лейтенанта милиции (посмертно).

Плыгуна Николая Васильевича — лейтенанта милиции (посмертно).

Медалью «За отвагу»

Берневегу Анатолия Павловича — сержанта милиции.

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР

Виктор ПРОНИН

Ночь на восьмое июня 1978 года была в Одессе необыкновенно душной. Из-за невысоких заборов доносился запах цветов, пахло разогретой листвой, горячей дорожной пылью. Поднятая случайной машиной, она подолгу стояла в воздухе, и тогда уличные фонари становились похожими на бакены, плавающие в тумане.

По такой вот пыли брел во втором часу ночи невысокого роста паренек. Это был охранник совхозного Дома культуры Василий Шишман. Шел он, с трудом передвигая ноги, останавливаясь время от времени у придорожных столбов. Он был изранен — разбита голова, кровоточили ссадины на руках. Полуночный таксист, заметив странное поведение позднего прохожего, остановился и подобрал его.

— Что случилось? — спросил он. — Кто это тебя?

— Кассу грабят, — ответил парень, падая на сиденье. — Давай в милицию... В ближайшее отделение.

На одном из перекрестков таксист увидел патрульную милиционную машину, остановил ее и передал пассажира. Вскоре Василий Шишман давал показания дежурному городского управления внутренних дел.

— Агрономическая, сто восемнадцать, — он нашел в себе силы припомнить точный адрес Дома культуры. — Совхоз имени Кирова, — добавил он. — Это за городом... Беляевский район... На втором этаже бухгалтерия и касса... Там бандиты...

— Сколько их?

— Я видел троих... Напали на меня в дежурке...

— Вооружены?

— Да... Ножи, обрез... Они оглушили меня и связали, но удалось... Когда в окно выпрыгивал, слышал на втором этаже возню... Они были еще там.

— Совхозная касса? — пожал плечами дежурный. — Сколько же в ней может оказаться?

— Вчера зарплату привезли... На несколько сот человек.

В тот вечер в Доме культуры шел фильм «Несовершеннолетние». Зрителей собралось немного, поскольку в зале стояла духота да и летние работы были в самом разгаре, — до

фильма ли в это время, успеть бы отдохнуть к утру. Собралась в основном молодежь, тем более что рядом находились общежития совхоза. Позже, уже во время следствия, выяснилось, что в зале среди ребят и девушек сидел некий Игорь Урсулов, тридцатилетний детина с усиками, надо полагать, призванными украсить невыразительную физиономию. А в этот самый момент, воспользовавшись тем, что опустел вестибюль, опустела прилегающая часть улицы, на чердак Дома культуры забрались его сообщники — Степан Барицкий, Александр Димитров, Зиновий Кичук.

Кончился фильм, разошлись зрители, уехал в город и Урсулов. Постепенно гасли окна, улицы становились пустынными — в столь душную ночь мало кому хотелось прогуляться. Но особенно душно было на чердаке. Раскаленная за день крыша, спертый воздух, затхлость... Но мокрые от пота преступники вряд ли замечали эти неудобства. Утешала мысль о возможной добыче — они знали, что накануне в кассу привезли зарплату для рабочих, знали, что выдавать ее будут только завтра. И они жевали припасенные бутерброды, дрыхли, поглядывали на часы — в половине первого ночи должен был подать сигнал Урсулов. И уж который раз распределяли роли, хотя они давно уже были распределены...

Руководил ограблением Урсулов. Впоследствии он объяснял это следователю своим явным превосходством по части ума. Так и говорил, дескать, умнее я, образованнее.

Среди прочих Александр Димитров отличался трусостью и старательно поддерживал такую репутацию, это позволяло ему выполнять самую безопасную обязанность — стоять на стреме. Во время ограбления Димитров лежал за кучей песка невдалеке от Дома культуры. Он не заметил, когда из здания выбрался охранник, прозевал, а увидев подехавшую милиционную машину, тут же отполз подальше в темноту, обдирая колени о придорожный гравий, и дал деру.

Что касается Степана Барицкого, то этот был правой рукой Урсулова. Его обязанность — помогать главарю вскрывать сейф, выгребать деньги.

И, наконец, Зиновий Кичук — основная ударная сила, поскольку он был крупнее других, сильнее физически. Этот оказался и старательнее, усерднее прочих. Желание везде понравиться — неизменная черта Кичука. Справедливости ради надо сказать, что это ему удавалось. И в школе и в институте. Урсулову он тоже понравился.

Оставшись один во всем здании Дома культуры, Василий Шишман привычно обошел вестибюль, зрительный зал, поднялся на второй этаж — проверить, все ли двери заперты, все ли пломбы и печати на месте. Все было в порядке, и он, не торопясь, направился в дежурную комнату. Во втором часу ночи задре-

мал. Неожиданно проснувшись, сразу увидел в комнате чужих. В их намерениях не могло быть сомнений — угрожающие позы, зажатые в руках железки говорили сами за себя. Василий бросился было к окну, но его опередили — от удара болванкой по голове он потерял сознание. Потом уже следствие установило, что именно Зиновий Кичук проявил завидную сноровку и нанес первый удар. Урсулов поощрительно потрепал его по плечу. Молодец, дескать, надежный ты парень!

Очнувшись через некоторое время, Василий прислушался. Со второго этажа доносились глухие удары — он понял, что нападавшие на него взламывают дверь в кассу. Хотел было приподняться, но оказалось, что его связали. Однако в спешке преступники затянули узлы кое-как. Ему удалось высвободить одну руку, вторую, а дальше было проще. Подойдя к окну, он осмотрелся и выпрыгнул наружу. Еще раз прислушался — удары наверху не прекращались.

Василий Шишман еще давал показания, а из городского управления внутренних дел уже позвонили в Ленинский районный отдел, ближайший к правлению совхоза, и попросили немедленно выслать на место происшествия оперативную группу.

Так события перебрались в Ленинский районный отдел. Милиционер-шофер Анатолий Берневега находился в машине. Он не должен был дежурить в эту ночь, не его была очередь, но ему нередко приходилось замещать товарищей, и он всегда это делал с радостью — любил Анатолий работу в уголовном розыске.

— Как чувствовал — что-то произойдет, — рассказывал он мне. — В тот вечер уже из дома вышел, но потом почему-то вернулся, дочку поцеловал, с женой попрощался. Никогда этого не делал, а тут вдруг накатило. Чепуха, конечно, а вот вспомнилось...

В оперативную группу вошли Павел Кравцов и Николай Плыгун, инспекторы уголовного розыска Ленинского районного отдела внутренних дел. Они бросились к машине, едва только было получено сообщение об ограблении, и выехали уже через три-четыре минуты после телефонного звонка. На место прибыли минут через десять, вряд ли больше времени заняла поездка на предельной скорости по пустым ночным улицам пригорода. Это был их последний выезд на место происшествия: Павел Кравцов и Николай Плыгун погибли этой ночью в схватке с грабителями.

Мы с Анатолием Берневегой проехали по тому ночному маршруту в той же машине, по тем же улицам. Ехали ясным днем, под жаркими слепящими лучами солнца, и мелькали за стеклами машины те же дома, светофоры, переезды. И та же горячая пыль покрывала дорогу, листву деревьев, высохшие от зноя клумбы цветов...

— Вот на этом перекрестке я повернул так, что колеса оторвались от земли... Коля Плыгун тронул меня за плечо, ты, говорит, не очень-то, а то у меня двое детей... Надо же, и он про детей вспомнил...

Анатолий, обычно оживленный, непоседливый, был сосредоточен и печален.

— Это сейчас мы едем медленно, движение большое, а той ночью не встретили ни одной машины. Да оно и понятно — второй час ночи шел... А вот та куча песка, за которой Димитров прятался... Но когда мы подъехали, там никого не оказалось. Он уже успел

Полностью повесть будет опубликована в сборнике «Герои комсомола» серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия» в 1980 году.

Б. Кустодиев. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА И. Я. БИЛИБИНА. 1901.

Б. Кустодиев. УХОДЯЩИЙ БЫТ. 1920.

драпануть. А вот здесь я остановил тогда машину... Павлик мне сказал — останови, дескать, поближе к входу в здание... Когда мы подъехали, здесь уже люди собрались... Ока-зывается, охранник, перед тем как за мили-цией отправиться, успел ребятам в общежи-тии сказать, что в Доме культуры грабители.

Едва машина остановилась, Кравцов и Плы-гун тут же выскочили из нее и подошли к ре-бятам, собравшимся у входа.

— Кроме грабителей, там никого нет? — спросил Кравцов.

— Вот один сунулся было, — ему показали на парнишку с окровавленной головой.

— А кроме тебя, никто больше не входил? — Вроде еще кто-то пошел.

— Толик! — Кравцов подзвал Берневегу. — Расставляй людей вокруг здания, смотри, чтоб ни одно окно не осталось без присмот-ра, ни одна дверь, понял? С той стороны дол-жен быть черный ход, не забудь. А вы, ребя-та, возьмите что-нибудь в руки — палки, кир-пичи, что угодно, — и Кравцов направился к входу.

Плыгун вынул пистолет и двинулся следом. У входа они остановились.

— Идем на столкновение? — спросил Плы-гун.

— Нам ничего больше не остается. Как только они поймут, что вокруг здания собра-лись люди, тут же бросятся наружу, подни-мут пальбу... Да и в здании еще кто-то есть... Слышал, парень рассказывал? Надо идти, Коля. Ничего не поделаешь.

И они вошли в здание.

Берневега тут же начал расставлять людей вокруг здания, стараясь, чтобы каждый в цепи видел друг друга, чтобы в случае опас-ности каждый мог сообщить остальным. Ре-бята вооружились, разобрав секцию забора, кое-кто взял в руки половинку кирпича из сваленной невдалеке кучи.

— Павлик! Сюда! — вдруг услышал Берне-вега крик из здания.

Он сразу узнал голос Николая Плыгуна. И, не раздумывая, бросился к входу, вбежал в вестибюль. Увидев свет на втором этаже, кинулся по лестнице вверх. И сейчас еще, рассказывая об этом, Анатолий весь останавливается в движении, как если бы и поныне звучал в его ушах крик товарища.

— Понимаешь, — говорит он, — в голосе Ни-колая было такое, что я оцепенел, мне не приходилось слышать, чтобы люди вот так кричали. Дело не в том, что громко или тихо... Как-то сразу понял, что Николай в опасности, что нужно все бросить и немедленно бежать на помощь. Но я опоздал...

Плыгун Николай Васильевич...

С фотографии смотрит молодой парень с грустным, чуть ироничным взглядом. Нет в нем требовательности, жесткости, готовности немедленно куда-то бежать, кого-то задержи-вать. Спокойный, внимательный взгляд.

Одно время Николай с женой Надей и дву-мя сынишками снимали комнату в небольшом доме невдалеке от райотдела милиции. Не-важная тогда у Плыгунов комнатуха была. Темная, низкая, дороговатая. Да и теплой ее назвать было трудно. Но сейчас, сегодня Надя рассказывала об этом их жилье, о хло-потах с отоплением, с устройством детей в детский сад, как о самом светлом, что было в ее жизни.

Николай Плыгун родился в селе Беркозовке Каневского района Черкасской области. Там, на берегу Днепра, среди родной природы, среди родных людей прошло его детство. В Беркозовке он окончил школу, восемь клас-сов, работал в колхозе, выполнял работу простую, но необходимую. Собственно, в своем селе он и стал тем Николаем Плыгу-ном, которого знали и ценили товарищи из одесской милиции.

Друзья рассказывают о мягкости Николая, расположенности к человеку, полнейшей уве-ренности в том, что любому можно объяс-нить его заблуждения, любого можно обра-зумить, потолковать с ним по душам. Он ведь и к грабителям в тесном коридоре совхозного Дома культуры обратился было с предложе-нием спокойно садиться...

Как-то Николаю пришлось разбираться с делом молодой женщины: она подозревалась

в том, что подбросила под чей-то порог сво-его собственного ребенка. А Николай, при-выкший называть вещи своими именами, вы-разился иначе: не подбросила ребенка, а вы-бросила. Ему предстояло допросить эту жен-щину двадцати неполных лет, совсем еще дев-чонку, которая и сама пришла в ужас от того, что совершила. И Николай расспрашивал ее не столько об обстоятельствах преступления, сколько о жизни — где живет, на какие сред-ства, что думает делать дальше. Понимал, что нормальный человек никогда не сможет от-казаться от своего ребенка, а если уж такое случилось, значит, в жизни этой женщины что-то неладно. И такая искренность, добро-желательность были в его словах, что женщи-на, не выдержав, расплакалась во время до-проса.

И тут выяснились те чрезвычайные обстоя-тельства, о которых подозревал Николай, — муж ее крепко пил, совершил преступление, его судили, а родители молодой женщины не придумали ничего лучше, как показать всем свою принципиальность, твердость, еще ка-кие-то хорошие качества, и попросту прогна-ли дочь со двора. Мы, дескать, порядочные, ты же с плохим человеком связалась, дите от него завела, а потому оскверняешь наши чи-стоту и достоинство. Очень блюли себя стро-гие родители, очень они себе нравились.

Преступление есть преступление. Женщина предстала перед судом, но на ее счастье по-доспела амнистия. Так что конец этой истории был вполне счастливым — Николай позабо-тился, чтобы ее на работу устроить, выбить жилье, найти для ребенка место в детском саду.

Друзья иногда шутливо напоминали ему об этой истории, о том, как он своим участием довел женщину до слез, но Николай только отмахивался. Подумаешь, говорил он, один человек помог другому, который свалился в слабость, свалился в преступление.

Да, можно сказать, что преступление — это, помимо всего, еще и слабость, слабость ха-рактера, личности. Зыбкость убеждений, не-терпеливость в получении каких-то благ, пере-оценка собственных возможностей толкают такого человека на преступление. Оно кажется едва ли не самым легким способом до-биться того, чего он не может добиться тру-долобием, упорством, способностями в конце концов. Так что преступление — это в чем-то и признание собственной бездарности, наверно, можно и так сказать.

Рассказывает Николай Джежела, замести-тель начальника Ленинского РОВД:

— Не хотелось бы, чтобы о ребятах сло-жилась некое розовое представление: вот, мол, были люди, и нет им равных, на все руки мастера, и так далее. Они действительно многое умели в нашем деле, но умение это шло от увлеченности. Были преданность делу, интерес к работе. Как-то поступает сообще-ние: в Лузановке, в одной из квартир оруду-ют грабители. Павлик Кравцов оказывается рядом. Как быть? Вызывать опергруппу? Пре-ступники уже почувствовали неладное, начи-нают спешно сматывать удочки. Как быть? Их трое, а он один. Как быть? Этот вопрос тысячу раз себе задашь в поисках правильного реше-ния. Кравцов решает дать бой. Риск? Да. Но оправданный. Грабители, судя по всему, но-вички, шуму наделали, нервничать начали, явно струсили. Действие происходит средь бела дня. Тоже хорошо для Кравцова. Ограб-ление в многоквартирном доме — значит, можно надеяться на помощь жильцов. И Пав-лик дает бой. И выигрывает его. Он не ожи-данно врывается в квартиру, подавляет сопро-тивление и всех троих преступников приводит в отдел. Этот случай все наши ребята запо-нили. Не часто такое случается.

Павел Кравцов начинал с ремесленного училища. Получив специальность слесаря, ра-ботал на Одесском автосборочном заводе, включился в комсомольскую работу. Его старый друг Виктор Тарпан до сих пор, вот уже лет двадцать, помнит фразу, которую бросил Павел Кравцов на чье-то ироническое замечание, что, дескать, опять он идет на дежурство, опять вечер коту под хвост. И Кравцов, побелев от злости, сказал тогда, что если он идет дружинить, то знает наверняка —

хоть один поденок не сможет сегодня вече-ром напасть на людей, заткнется, увидев красные повязки на рукавах.

После армии он возвращается на автосбо-рочный завод. Его там хорошо помнят, и ре-шение Павла воспринимается всеми как не-что совершенно естественное. Одно только перечисление его комсомольских, обществен-ных обязанностей того времени дает пред-ставление об активности натуры, интересах, масштабе личности. Его избирают в районный штаб «Комсомольского прожектора», в обще-житии ему доверили быть председателем бытового совета. Кравцов — капитан завод-ской команды по морскому многоборью, при-чем далеко не формальный капитан. До того не блиставшая спортивными достижениями команда становится чемпионом района, на равных состязается с лучшими коллективами города. И еще — Павел Кравцов работает нештатным оперуполномоченным по делам несовершеннолетних отдела уголовного розы-ска. И еще — вечерняя школа. Без отрыва от производства он получает среднее образова-ние.

Нагрузка немыслимая, если считать ее на-грузкой. Но для Павла это было нормальное существование. Широта интересов, возмож-ность испытать себя в различных областях деятельности позволили ему сделать пра-вильный, обоснованный выбор в жизни, вы-брать ту единственную профессию, где он мог приложить все свои силы. Ему было из-чего выбирать: производство, комсомол, об-щественная деятельность, спорт, милиция...

Он выбрал милицию. Сознательно, продуманно, окончательно. Бюро Ленинского рай-кома комсомола единогласно рекомендует Павла Кравцова для работы в органах внут-ренних дел.

Ночь на восьмое июня.

Вооруженный обрезом, ножом, металличе-ской булавой Зиновий Кичук, заметив, что вокруг Дома культуры собираются люди, бро-сился наверх по лестнице.

— Там люди! — крикнул он.

— Ну и что? — ощерился Урсулов, оторвав-шись на секунду от сейфа.

— Бежать надо! Бежать!

— Успеем, — Урсулов был уверен, что, взяв деньги, они сумеют пробиться, сумеют уне-сти добычу, унести ноги. Он не знал, что у главного входа уже стоит милицмейская ма-шина, что внизу собрались не только рабочие совхоза, что вот-вот им придется встретиться лицом к лицу с оперативной группой. Уверен-ность в успехе ему придавало и то, что со-всем недалеко, в ближайшем переулке, стоя-ла его машина и для них главное было про-биться к «Москвичу», успеть захлопнуть за собой дверцу.

В это время Николай Плыгун и Павел Крав-цов поднимались по лестнице. Выбывающийся из-под двери свет, слабая светящаяся по-лоска подсказала, куда нужно идти. Рванув дверь на себя, распахнув ее, Николай чуть не до смерти испугал Кичука — тот бросился в темноту коридора поближе к вожаку, словно надеясь найти у него защиту.

В коридоре было почти темно. Только в са-мом конце с трудом различались несколько фигур. Кто это? Преступники? Или ребята из общежития успели пробраться?

Заметив какое-то движение у освещенной двери, Николай Плыгун поднял пистолет.

— Ложись! — крикнул он. — Ложись, стре-лять буду! — и он сделал выстрел вверх, в потолок. Эту дыру в потолке и сейчас можно увидеть. Во время недавнего ремонта ее не заделали, оставили напоминанием о трагиче-ских событиях той ночи. По направлению следа пули можно точно определить, где именно стоял Николай Плыгун в тот момент...

Зиновий Кичук, нанятый в качестве ударной силы, рванулся вперед. Увидев несущегося на него человека, Николай успел сделать выст-рел, ранил Кичука в плечо. Но уже в падении тот дотянулся до пистолета и ударил по нему. Случилось так, что удар пришелся как раз в момент выброса гильзы. И патрон заклинило. А Зиновий Кичук, промывгнув мимо Плыгуна, покотился по лестнице вниз, на улицу. Он уди-рал не только от милиции, он удирал и от

своих — был у них уговор, что в случае, если кто окажется раненым, добивать.

Урсулов и Баричкий бросились с ножами вперед. В этот момент Николай Плыгун, видимо, и позвал Павла Кравцова, этот его крик и услышал Берневега, стоявший у главного входа.

Когда Анатолий вбежал, запыхавшись, в коридор, его словно обожгло — Николай и Павлик лежали мертвые. Рассказывая об этом, он смотрел на меня с недоумением, словно сам не понимал, почему он, безоружный шофер-милиционер, устремился вперед, зная, что перед ним убийцы, что они, не задумываясь, уложат его тут же, зная, что ему ни за что не справиться с ними. Анатолий отнял у них две-три минуты, но и они не были лишними. Нож вошел в грудь как раз в момент сокращения сердца, в миллиметре от сердца. Последнее, что он запомнил перед тем, как потерять сознание, разговор преступников...

— Может, добить этого рыжего?

— Сам подохнет. У меня удар точный.

А первое, что услышал Анатолий, придя в себя, — это влажное хлопание собственных разрезанных легких. Теперь он знает ощущение смерти, она была совсем рядом, прошла в миллиметре от сердца.

— А я ведь уже собрался было уходить из милиции, — улыбается Анатолий. — Да. Точно. И жена говорит — уходи. И мать. А что —

самое главное для меня. И так, оказывается, бывает.

Есть у русских людей обычай ли, привычка ли, говорить о себе чуть с иронией, словно из боязни, как бы не подумали, не дай бог, что ты очень себя ценишь.

Анатолий Берневега припоминал случаи, отнюдь его не возвышающие, скорее потешные случаи. Рассказал, например, о том, как брали вора в продовольственном магазине, а тот, успев изрядно выпить, забаррикадировался в винном отделе и начал бутылками «отстреливаться».

— А бутылки дорогие, коньяк, между прочим! — шутиливо ужасается Берневега. — А тут еще одна незадача — взять охломона можно только со стороны витрины, а как зайдешь, если он эту витрину запросто расколотит! Там такое стекло! Десять квадратных метров!

Казалось бы, о том ли должен думать милиционер-шофер... Ведь взять преступника в им же разгромленном магазине куда как здорово!

А товарищи рассказали о другом случае. На окраине города в одном из домов обосновались преступники, которых уже давно разыскивали и в самой Одессе и в других городах. Оперативная группа прибыла на место, когда уже стемнело. Машину вел Берневега. Остановились за углом, осторожно подошли к дому. В окнах темно. Дверь оказалась запертой

Он ходил на экзамены больным, с температурой, проглотив полдюжины таблеток, сжав зубы от боли. И сдавал экзамены, и сдал их, и был принят на вечернее отделение.

Рассказывает начальник уголовного розыска Ленинского РОВД Александр Филиппович Кравчук:

— Чем определяется ценность человека? Мой ответ таков: ценность человека определяется наличием цели, преданностью этой цели, способностью прилагать усилия для ее достижения. Счастливы? За этим стоит вера в самого себя, готовность жертвовать второстепенным ради главного, зрелость личности, помогающая разобраться в себе, в своих желаниях и отсеять пустяки, приятные, соблазнительные пустяки. Мы говорим о наших ребятах, о Павлике и Николае. Давайте примерим сказанное к ним. В детстве Павлик делает самолеты. Хорошо. В детстве многие делают самолеты. Но только один из тысячи продолжает это дело с годами. Павел поступает в парашютную секцию. Время идти в армию — он оказывается в военно-воздушной части. Сначала курсантом, потом воздушным стрелком-радистом. Служит отлично. В запас увольняется командиром отделения. Возьмем Колю Плыгуна... Если вы мне позволите выразиться красиво, то могу сказать, что у него вся жизнь прошла под комсомольским знаменем. Вы знаете, что он поступал на юридический факультет Одесского университета? Но успел сдать только один экзамен. Николай Плыгун написал сочинение с таким эпиграфом: «Если тебе комсомолец имя, имя крепи делами своими!». И через день погиб... Разумеется, в той схватке они могли поступить иначе, они были хозяевами положения. У меня нет оснований в чем-либо упрекать ребят. Их решения правильны, мужественны. Их самоотверженность, готовность поставить на карту все, чтобы выполнить свой долг, спасти товарища, заслуживает восхищения. Что касается Анатолия Берневега, который вроде бы нарушил инструкцию, покинув машину, то по большому счету и он поступил правильно. Бывают случаи, когда нравственный долг человека оказывается выше и достойнее, нежели служебные требования. Жизнь разнообразна, и, естественно, никакая инструкция не в состоянии на все случаи дать указания.

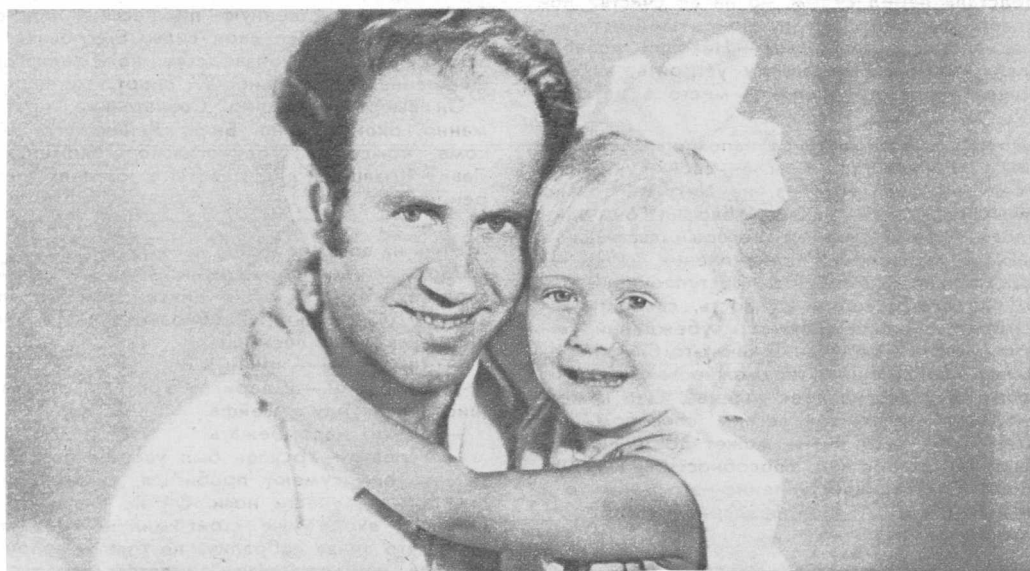
Как-то были получены сведения о том, что на окраине города, в одном из частных домов скрывается опасный преступник, бежавший из мест заключения. По этому адресу выехала оперативная группа, в составе которой был и Плыгун. Приехали. Домик как домик. Плыгун первым открыл калитку, вошел во двор. Вокруг никого. Он хотел пройти к двери, но тут еле слышный шорох заставил обернуться. На него с виллами наперевес несясь детина чуть ли не вдвое крупнее Николая. Чтобы принять решение, у него вряд ли была одна полновесная секунда. Можно было просто прыгнуть в сторону, уйти от столкновения. Но тут же рядом, за углом, товарищи, которые не знают о преступнике, и тот, проскочив вперед, налетит на них. А они не готовы к такой встрече...

И Николай бросился вперед. Преступник от неожиданности какое-то мгновение промедлил, и этого было достаточно — Николай перехватил вилы. Дальше все было проще, но успех дела решила та половинка секунды, которая была ему отпущена.

Случались и смешные происшествия. Однажды нынешний заместитель начальника уголовного розыска Николай Джежела и Плыгун были срочно вызваны к продуктовому магазину, где вроде бы совершалось ограбление.

Рассказывает Николай Джежела:

— Положение возникло странное — мы не знаем, сколько преступников, где они, да и есть ли они на самом деле. Потом одного засекли в самом магазине. Но двери заперты, на окнах решетки, и я полез на чердак, думаю, проникну сверху. А чердак, надо сказать, оказался настолько заваленным всевозможным хламом, что невозможно было без грохота сделать ни шагу. Какие-то ящики, каркасы старых диванов, отовсюду торчат гвозди, а в самом центре в полной темноте чуть светится дыра, через которую преступники попали в магазин. Начиная тихонько продвигаться к центру, к этой дыре, каждую секунду ожи-

Один из последних снимков Павла Кравцова с дочерью.

в уголовный розыск меня не брали, а шофером надсело. Ребята серьезным делом заняты, а ты баранку крути... Не очень мне это нравилось. Пошел к начальству, так, мол, и так, уйти хочу. В плавание. А что? Интересно! Опять же на флоте служил, не чужой человек, специальность флотская есть. И меня уже настроились брать. До чего дошло — документы начал оформлять. А тут эта история. Ребята погибли, я в больнице оказался... Начальник приходил проведывать. Как, спрашивает, с документами быть? А меня, понимаешь, заело! Как?! После всего, что случилось, — уйти?! Да ни за что! Получается, что, вроде, те типы заставили меня из милиции уйти, не сам я, а они вынудили. Ну, думаю, нет, тут уж другой разговор пошел, отсчет другой! Тут уже не в том дело, интересно ли тебе баранку крутить, много ли получаешь, сытно ли ешь... Все по большому счету пошло. Пришла жена в больницу, затеваю разговор, а она мне выкладывает — оставайся! Мать пришла, тоже говорит, что негоже уходить из милиции. Нельзя, говорит. Себя уронишь. Такие дела. Вроде, испытание прошел, тебе уважение оказали... В уголовный розыск хочешь — пожалуйся. Квартиру дали, медаль «За отвагу». Тут уж человеком надо оставаться. Это, как тогда, во время схватки: влетаю в коридор, а ребята убиты, у бандитов ножи окровавленные в руках — думаешь, не страшно было? Обмерло все. А уйти не могу. Выход вот он, поворачивай и катись по ступенькам. Не могу. И когда пошел на них — наверняка знал, что не справлюсь, куда там! Но такое ощущение было, что жизнь уже не

изнутри. Но почему погашен свет? Спят? Или ждут нападения, затаились? Было известно, что преступники вооружены, что так просто не сдадутся, пойдут на все...

Взламывать дверь? Безграмотно. Шум поднимется на всю округу. Решили проникнуть в дом через форточку. И тут выяснилось, что в форточку может пролезть только один человек — милиционер-шофер Анатолий Берневега. Сходили к оставленной машине, позвали Анатолия.

— Ну как, Толик? Полезешь? — спросил его начальник опергруппы. — Дело того... небезопасное. Подумай.

— Потом подумаю. Подсадите!

И он проскользнул в маленькую форточку, в полнейшую темноту, наполненную неизвестностью, опасностью.

Нагнувшись ногами пол, Анатолий перевел дыхание — ничего не упало, ни на что не наткнулся. Прислушался. И не мог сдержать улыбки — в доме раздавался разноголосый храп. Осторожно, буквально по миллиметру, он начал продвигаться в другую комнату, на слух обходя кровати, лежаки, стол, уставленный пустыми бутылками. Привыкнув к темноте, увидел темный квадрат двери, вышел в прихожую и открыл наружную дверь.

Преступников задержали, тут же, в доме, нашли оружие, нашли похищенные вещи.

А в то лето, когда погибли его товарищи, когда еще не затянулись швы на ранах и не миновала опасность заражения крови, а оно было, заражение, Анатолий поступил на юридический факультет Одесского университета.

дая нападения сверху, снизу! Чувствую — на чердаке еще кто-то есть. Взвожу пистолет. И вдруг слышу, недалеко от меня точно такой же щелчок — кто-то еще приготовился стрелять. Но я его не вижу, надеюсь, что и он меня не видит. Продолжаем сближение. И когда до тускло мерцающей дыры остается несколько метров, различаю еле слышный звук. Знаете, будто человек долго сдерживал дыхание, а потом осторожно делает выдох. И вот по этому выдоху понял — вроде Николай. На всякий случай прячусь за трубу и спрашиваю: Николай, ты? Точно, он. Подошли к дыре — что делать? Лестницы нет, веревки нет, высота приличная, метра четыре. Прыгать — значит на какое-то время оказаться беспомощным там, внизу. Пристраиваясь да прилаживаясь, я неожиданно проваливаюсь в эту дыру, с грохотом приземляюсь прямо на ящик с водкой. И тут же рядом со мной падает Николай. Падает и, не поднимаясь, ныряет за какое-то укрытие. И вдруг слышу жалобный мальчишеский голос: «Дяденька, не стреляйте!» А дяденька с ящика подняться не может, отбилось все у дяденьки об эти самые бутылочные горлышки. Но самое интересное в том, что водка эта оказалась в магазине неоприходованной! Левая водка! Вот так мы с Николаем Плыгуном без единого выстрела двух зайцев убили.

— Шутки шутками, но меня в Николае всегда поражаало его неизменно доброжелательное отношение к людям. Никто не сможет припомнить случая, чтобы Николай допустил даже по отношению к задержанному пренебрежение, вольность, издевку, хотя минуту назад этот человек, возможно, представлял для него смертельную опасность. В нем была несколько наивная уверенность, что и люди будут относиться к нему с добром. Для человека, незнакомого с нашей профессией, это качество может показаться странным, хотя встречается оно довольно часто. Знаете, как в деревне: вы идете по улице, а с вами здороваются встречные старухи, девчата, карапузы... «Здравствуйте вам!» — говорят. Желают здоровья, заранее принимая вас за хорошего человека. В этом, мне кажется, мудрость народа, его нравственность. И Николай Плыгун обладал ею в полной мере. Хотя, казалось бы, — уголовный розыск, одесит, пистолет на боку... А в душе — «Здравствуйте вам!»

Один из самых страшных итогов преступной деятельности Урсулова и компании мне довелось увидеть в квартире, где живет Надя Плыгун с двумя сынишками — Колей и Сережей. Квартира большая, новая, гулякая. Не все еще в ней подогнано, подкрашено, кое-где дуется. В пустой комнате перед стареньким телевизором сидели на одной табуретке двое молчаливых ребятишек. На одном — фуражка отца, на другом — форменная шапка. И фуражка и шапка почти лежат на плечах у детей, но они этого не замечают, сидят, уставившись в маленький экран. Там скачут обезьяны в передниках, крутят педали медведи, корчятся от хохота клоун — мальчишки на все это смотрят серьезно и как-то отрешенно.

— Год уже прошел, а они все спрашивали, когда отец вернется, — говорит Надя. — Ответила им, вот подрастаете, тогда и вернется. Так они каждый день начали подтягиваться, на цыпочках старались ходить — подрасти торопились... Однажды не сдержалась, ответила, что не вернется... Когда-нибудь надо это сказать. Расплакались. Теперь вот фуражку и шапку Николая не снимают, чуть не засыпают в них... Сколько с Николаем мечтали о квартире, и вот она... Пусто. И в квартире пусто и в душе. А ведь Николай удачливый был, все у него получалось, только уставал сильно. Но работу не хотел менять, работа ему нравилась. Сыновей очень любил, все свободное время с ними возился...

На семейном снимке Николай изображен с Надей и детьми. Солнечный день, густая листва деревьев, детский уголок парка. Николай чуть улыбается в усы, он отрастил себе пышные усы... Тихое, неброское счастье исходит от этого снимка. Такое ощущение, что жизнь только начинается и все впереди, столько еще впереди...

Окончание следует.

Сто лет тому назад, 7 октября 1879 года, в Швеции родился бессмертный американский борец за рабочее дело, поэт, композитор, певец, музыкант и профсоюзный организатор Йозель Эмануэль Хагглюнд, известный миру как Джо Хилл.

В конце ноября 1915 года по настоянию владельцев медных рудников в Солт-Лейк-Сити Джо Хилл, обвиненный в не совершенном им убийстве, был казнен за свои бунтарские песни, объединявшие разноязычных американских рабочих, поднимавшие их на забастовочную борьбу, помогавшие им побеждать.

Прошли годы, и память о Джо Хилле-человеке стала увядать, превращая его в мифическое существо, подобное Полю Баниану или Джонни — Яблочное семя, как говорила об этом Элизабет Гарли Флинн. Этому превращению человека в легенду способствовала волнующая песня Альфреда Хэйса и Эрла Робинсона «Джо Хилл», с которой познакомил советских людей Поль Робсон. В этой песне в ответ на недоуменное восклицание автора, увидевшего казненного Джо во сне: «Ведь ты же умер», — Джо отвечает: «Ай невер дайд» — «Я никогда не умирал». Эта строка песни подсадила название пьесы и записок Барри Стэвиса — «Человек, который никогда не умирал». Затратив более пяти лет на поиски и сбор по крохам разбросанных повсюду в США, Швеции, Мексике и Канаде произведений Джо Хилла и материалов о нем, Стэвис издал в 1951 году свою книгу, а в 1955 году — книгу впервые собранных вместе песен Джо Хилла. Этими изданиями Б. Стэвис в значительной мере содействовал возрождению памяти о Хилле-человеке и Хилле-поэте, его популяризации среди новых поколений американцев и людей труда во всем мире.

Прошло 64 года со дня казни Джо Хилла, а он продолжает владеть душами и умами миллионов людей труда, исследователей и писателей. О нем написано уже немало, но с каждым годом появляются все новые книги о его жизни и творчестве, пытающиеся выяснить причины его неослабевающего влияния на рабочее движение Америки. Джо Хиллу посвящены очерки, статьи, поэмы, песни, романы, пьесы (в том числе Джона Дос-Пассоса и Эптона Синклера), телевизионные и радиопостановки, художественные фильмы и опера. В городе, где его расстреляли, создан комитет по сооружению памятника на месте казни. В его родном Евле, в Швеции, в доме, в котором он родился, создан музей.

Большинство исследователей, даже самые недоброжелательные из них, признают его песни бессмертными, особенно две из них: «Кэйси Джонс — штрейкбрехер» и «Проповедник и раб» («Пирог в небесах»), утверждая, что они достигли высот истинно народных песен, стали американской классикой. Известный американский поэт Карл Сэндберг говорит, что Джо Хилл был королем поэтов-песенников ИРМ¹ и является единственным создателем песен, распеваемых повсеместно рабочими Америки. Поэт ИРМ тех времен, Ричард

¹ «Индустриальные рабочие мира» — самый боевой и революционный профсоюз Америки в начале века. — Б. З.

БЕССМЕРТИЕ

Борис ЗАВАДСКИЙ

Брэйзир, писал, что Джо Хилл был признан своими коллегами самым великим рабочим поэтом.

Особенно велика заслуга ИРМ в осознании огромной роли песен как орудия борьбы за освобождение, писали рабочие газеты Америки. Известный историк американского рабочего движения Ф. Фонер добавляет: «и никакому другому поэту-песеннику ИРМ рабочий класс не обязан так, как Джо Хиллу, самому прославленному и плодотворному творцу песен рабочего класса».

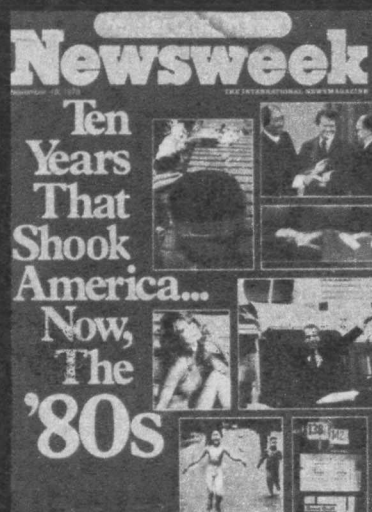
Вопреки некоторым невеждам, полагающим, что Джо Хилл давно забыт, жизнь доказывает противоположное. Его пример, его песни и сегодня поднимают рабочих Северной Америки на борьбу за свои права. В прошлом году, например, в Торонто Рэй Стивенсон, один из руководителей профсоюза рабочих металлургической промышленности Канады, рассказывал мне о забастовке в Нью-Брансуике, о том, как рабочие распевали там песни Джо Хилла, особенно «Пирог в небесах» и «Кэйси Джонс — штрейкбрехер», как эти песни помогли им выстоять.

По сообщению газеты «Лидер-Пост», выходящей в столице провинции Саскачеван городе Риджайне, по инициативе Федерации труда этой провинции впервые в Канаде в начале января этого года в местном театре «Глоб» осуществлена постановка пьесы «Человек, который никогда не умирал». Премьера, которой «Глоб» открыл свой сезон 1979 года, вызвала положительный отзыв газеты, исключительно высоко оценившей игру всей труппы и качество постановки. Благодаря этому, утверждает «Лидер-Пост», «Человек, который никогда не умирал» будет одной из сильнейших постановок «Глоба» в текущем сезоне. «Идеи Джо Хилла пережили Хилла-человека, его песни солидарности все так же звучат в профсоюзных залах и сегодня, — заявила газета, — вынужденная иногда признавать истину, дабы не отталкивать своих читателей из числа рабочих. — «Человек, который никогда не умирал» доносит до зрителей эти же убедительные мысли со сцены».

В СССР пьеса Барри Стэвиса под названием «Человек, который никогда не умрет» шла по телевидению в 1959 и 1965 годах с Ю. П. Пузыревым в главной роли и несколько раз по радио с Б. А. Бабочкиным в роли Джо Хилла.

Столетие Джо Хилла было широко отмечено в нашей стране. Юбилею отважного борца за рабочее дело были посвящены теле- и радиопередачи, ряд публикаций в советской печати. На вечере, организованном Союзом писателей СССР и ВГБИЛ, с рассказом о Джо Хилле выступил американский писатель Боноски. В заключение собравшимся был показан фильм «Джо Хилл».

В самих США день ото дня ширится движение за оправдание невинно казненного Джо Хилла. Хозяева Америки, убив Джо Хилла, не сумели убить его дух, его песни, которые своей неодолимой силой продолжают служить рабочему классу. Самой смертью своей, песнями своими Джо обрел бессмертие. Как и десятки лет тому назад, Джо, всегда живой, и теперь ведет рабочих Америки в их борьбе.

«НЬЮСУИК» ПОДВОДИТ ИТОГИ

В одном из последних номеров 1979 года американский журнал «Ньюсуик» сделал попытку подвести итоги завершившемуся десятилетии. Вот несколько снимков из этого номера, которые создают такую картину, которую вполне можно охарактеризовать известной формулой «комментарии излишни».

1. Шоу на Бродвее — рекламное лицо Америки.

2. Расстрел студенческой демонстрации в Кенте.

3. Американцы и их прислужники бегут из Вьетнама.

4. Жители Нью-Йорка против постоянного роста цен.

5. Очередь за бензином.

6. Полиция Филадельфии за «работой».

7. На плакате написано: «В случае ядерной катастрофы поцелуйте своих детей на прощание».

8. Это искусство!

9. Американки требуют остановить поток порнографии, отравляющей страну.

10. К портрету американского жандарма с 48-летним стажем Эдгара Гувера журнал дает такую подпись: «Эдгар Гувер имел в своих руках так много власти и так долго, как никто другой в истории США. В основном эта его власть держалась на страхе».

1

2

4

5

6

7

8

9

10

ПОСЛЕ СЕЗ

Сразу же после окончания чемпионата страны по футболу, который принес убедительную победу московскому «Спартаку», наш корреспондент встретился со старшим тренером команды, заслуженным мастером спорта, заслуженным тренером СССР Константином Ивановичем БЕСКОВЫМ и задал ему ряд вопросов.

— Константин Иванович, вы тренируете и «Спартак» и сборную СССР. Не возникнут ли перед вами дополнительные трудности от такого совмещения? Не пересекутся ли интересы «Спартака» и сборной? Не возникнут ли противоречия между стилем клуба и стилем олимпийской сборной?

— Да, задача передо мной стоит нелегкая, и я это понял в конце сезона, когда борьба за первенство страны предельно обострилась. Одни спартаковцы были включены в олимпийскую сборную, другие остались за ее пределами, и это, конечно, могло отрицательно сказаться на монолитности спартаковского клуба. Что же касается стиля... Стиль вообще-то диктуется всем ходом развития современного футбола. Стиль меняется с годами, но во все времена стиль игры зависит от исполнителей, и поэтому разница между стилем сборной и стилем любого клуба неизбежна. Ведь ни одна команда

не может располагать таким выбором высококлассных игроков, как сборная.

— Что вы испытываете после победы «Спартака»?

— Мои первые шаги на тренерском поприще были сделаны в 1956 году, в команде «Торпедо». И там же были достигнуты первые, на мой взгляд, успехи на этом пути. Может быть, скорее внутренние — для себя, — чем внешние. Хотя, если перелистать подшивки старых газет, то можно убедиться в том, что о «Торпедо» или ЦСКА журналисты писали немало. И вот что интересно: писали очень похоже на то, что пишут сейчас о «Спартаке». Команды, которыми я руководил, лидировали в чемпионатах, но удержать лидерство им не удавалось.

Тогда моя задача заключалась в том, чтобы в ходе чемпионатов реконструировать уже сложившиеся коллективы, но, по существу, создавать их заново. Уже тогда я понял, что большая реформа требует времени, и убедился в том, что у иных руководителей не хватает терпения дождаться положительных результатов. В прошлом у таких руководителей пропадала вера в меня как тренера прежде, чем я мог осуществить свои планы. Да что далеко ходить за примерами. Уже в 1977 году журналисты допытывались у меня после первого же поражения «Спартака» в турнире первой лиги, что будет с командой, как будто бы за месяц можно перестроить игру. Нет, это процесс долговременный, он требует кропотливой селекционной работы. А какое время требуется для формирования состава! Намечаешь определенную программу работы, и только летом начинают просматриваться

контуры нового футбольного коллектива, и лишь к середине второго круга, если все идет по плану, удается разглядеть облик команды, ее новые черты.

...В 1963 году, когда я впервые тренировал сборную, мы сперва с трудом обыгрывали датские и норвежские клубы. Но вот определился состав команды, частично была выполнена намеченная программа, сборная стала играть в том стиле, к которому мы стремились, и в конце концов завоевала серебряные медали Кубка Европы.

— После возвращения в высшую лигу «Спартак» тоже подстерегали вначале неудачи?

— Да. И реакция на поражения была мне знакома. Но в итоге, неожиданно для многих, мы оказались пятыми. Что же получается: художник может писать картину и год и два, выполнять к ней массу этюдов, а работу тренера оценивают по первым же наброскам.

— Можно ли считать, что вы удовлетворены в нынешнем сезоне своими результатами?

— Я, конечно, доволен, и не только победой, но и тем, что игроки «Спартака» повысили свое мастерство, радует меня и оценка нашей игры со стороны зрителей. Мы очень благодарны своим болельщикам за поддержку. Молодым игрокам было полезно увидеть заполненные трибуны. Но, несмотря на все это, я не могу не думать и об изъятиях. Не хватает нам атлетизма, не хватает еще исполнительского мастерства.

Самое сложное, конечно, не только выиграть, но и стабилизировать свою игру, а это удается далеко не всем, даже ведущим клубам. Когда мы дважды обыграли «Локомотив» со счетом 4:0 и 8:1, я невольно подумал:

вот так и должно выражаться преимущество в классе.

Вполне понятно, что волевой настрой имеет к стабильности игры прямое отношение. И это надо учитывать всегда, особенно лидерам, с которыми соперники пытаются сыграть в полную силу. Против нас команды сражались насмерть, особенно в конце сезона, и отнимали столь необходимые нам очки. Но «Спартак» при самых трудных обстоятельствах старался показывать свою игру, а наши соперники только разрушали ее. Они помышляли не о победе, а о том, чтобы любой ценой добиться ничьей. Такой футбол не мог принести, конечно, удовлетворения ни самим игрокам, ни зрителям.

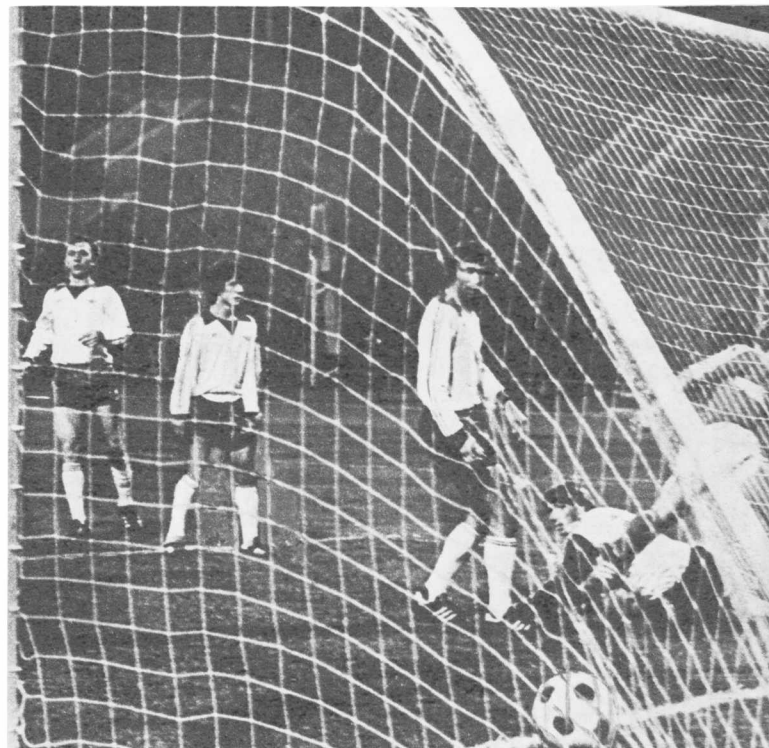
— С какими сильнейшими командами сравнили бы вы нынешний «Спартак»? Может быть, с московским «Динамо» или ЦСКА послевоенных лет или со «Спартаком» 1956 года?

— Может быть, мое утверждение покажется кому-нибудь нескромным, если я скажу, что лучшие, подчеркиваю, лучшие, свои матчи в нынешнем сезоне «Спартак» сыграл на уровне всех вышеперечисленных команд. Особенно считаю лестным сравнение со старым «Спартаком», ведь «Спартак» 1956 года дал олимпийской сборной, завоевавшей в Мельбурне золотые медали, восемь игроков.

Конечно, система игры с годами меняется. Сегодняшний футбол тотальный, универсальный, значительно более динамичен, чем вчерашний. Но основа футбольной игры все та же, и «Спартак», на мой взгляд, в лучших своих выступлениях показал себя сильной современной командой. Но вместе с тем не отрицаю, что сегодняшнему «Спартаку» еще трудно

Момент игры между командами «Спартак» — ЦСКА. На снимке слева Ю. Гаврилов и В. Никонов.

Фото А. БОЧИНИНА

ОНА

играть с первоклассными европейскими клубами на равных.

— Считаете ли вы себя удачливым тренером?

— Не скажу, чтобы мне особенно везло на тренерском поприще, хотя и неудачником себя не считаю. Все, чего я добился, — результат больших усилий. Мне не приходилось получать хорошо подготовленную команду. И я всегда считал, что настоящая удача — это плод больших трудовых усилий. Думаю, что без веры в свои силы я бы не смог взять на себя команды, покинувшей высшую лигу. Конечно, было большим риском с моей стороны, формируя команду, делать ставку на никому не известных футболистов, но я всегда считал, что тренер должен верить в свое чутье, умение видеть новобранцев такими, какими они станут в будущем. Мне удалось разглядеть возможности и Рената Дасаева из Астрахани, и Олега Романцева из Красноярска, и Сергея Шавло из Риги, и Георгия Ярцева из Костромы, и Александра Сорокина из Волжского. А разве Юрий Гаврилов, теперь единодушно замеченный всеми, не раскрыл всех своих возможностей только в «Спартаке»?

Конечно, трудно было работать в новой для меня команде, которая, потерпев сокрушительное поражение в высшей лиге, должна была начинать новый сезон в лиге первой и начала его с проигрыша. Многим это казалось закономерным, а когда мы стали побеждать, это было расценено как неожиданность. Но ничего неожиданного в этом не было. Просто новый «Спартак» стал набирать силу.

И вот мы завоевали первенство страны, но даже в нынешнем сезоне, столь успешно закончившемся для нас, были неудачи в начале чемпионата. Однако «Спартак» был уже командой закаленной и верящей в свои силы, и после первого круга мы всего на три очка отставали от лидера.

...Теперь я могу сказать, что тогда-то ребята и поняли, что могут рассчитывать на победу, и я всячески подогревал эту веру, убеждая их в том, что 17 оставшихся туров легче победно пройти, чем 34 в чемпионате 1980 года.

Но, конечно, одной веры недостаточно для победы. Надо было точно дозировать тренировочный процесс, привлечь к подготовке команды ученых, врачей, физиологов.

— Что вы думаете о лидере футбольной команды, каким вы представляете себе его облик?

— Лидер в футболе должен обладать не только высоким спортивным классом, но и высокими моральными качествами. Мы постепенно смиряемся с тем, что лидер в повседневной жизни не всегда является вожаком команды и не оказывает положительного влияния на своих товарищей. А с этим мириться нельзя.

— Имеется ли полновесный лидер в «Спартаке»?

— У нас в команде целая группа ведущих игроков — серьезных, добросовестных спортсменов. И в этом сила нашей команды. Это объясняет, почему многие спартаковцы стали кандидатами в олимпийскую команду СССР.

— В чем отличие футбола на Олимпиадах от футбола на других представительных турнирах?

— Прежде всего в психологической стороне игры. Уж очень велика ответственность футболистов не только за успех своей команды, но и за успех всей сборной олимпийской команды.

— Вы пришли в сборную, когда до московской Олимпиады остается меньше года. Не пугает ли вас столь короткий срок, которым вы располагаете для подготовки сборной?

— Год — понятие растяжимое. Этот срок может быть и не очень большим и очень малым. Смотря как готовиться. Не скрою, у нас теперь каждый день на счету, ведь олимпийскую команду приходится делать, начиная с нуля: те игроки, которые могли бы стать ведущими в ней, в олимпийскую команду не попадают, потому что, приняв участие в чемпионате мира, на Олимпиаде выступить не могут. Наши соперники готовились к Олимпиаде 4 года, у них и смена поколений прошла органично, а у нас в это время происходили очередные организационные перестановки. И сколько же игроков прошло через сборную! Но мы работаем, сетовать на обстоятельство не приходится. Наша задача одна: сделать все от нас зависящее для успеха.

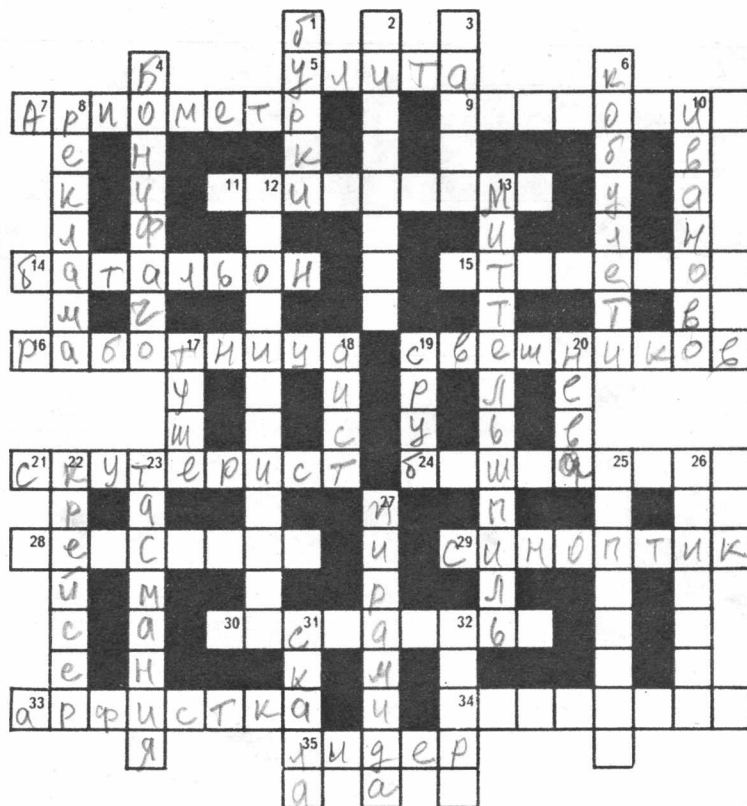
— Как вы представляете себе оптимальный вариант — тренер сборной и его штаб?

— Думаю, что в штаб сборной должны быть зачислены тренеры всех ведущих клубов. Несмотря на всю азбучность этой истины, не могу сказать, чтобы наши тренеры готовили кандидатов в сборную так же заинтересованно, как они готовят своих игроков к внутрисююзным соревнованиям. Что же касается тренерского штаба нашего спартаковского клуба, то я им очень доволен. Ну, например, Николай Петрович Старостин. Разве можно вместить его громадную роль в должность начальника команды? Как мне помог этот старейший спартаковец в том, чтобы я как можно быстрее освоился на новом месте. Да, Старостин — это Старостин. Вторым тренером работает в команде Федор Сергеевич Новиков. Он безгранично любит футбол, прошел футбольную школу высшей лиги как игрок куйбышевских «Крыльев Советов», получил спортивное образование, работал с рядом команд. Игроки относятся к нему с большим уважением.

— Не можете ли вы как тренер команды — чемпиона страны и сборной сказать, когда наш футбол завоеует у болельщиков свою прежнюю популярность?

— На этот вопрос ответить труднее, чем выиграть первенство страны. Почему, спросите вы. Да по одной причине: футбол вмещает в себя уж слишком большое число сложных проблем, которые мы, увы, до сих пор никак решить не можем. Перечислять их здесь, поверьте, задача утомительная. Поэтому ограничусь лишь одним утверждением: до тех пор, пока мы не научимся готовить высококлассных игроков не в командах мастеров, а в детских командах, до тех пор вопрос, который вы задали, не будет решен.

Беседу вел Леонид ТРАХТЕНБЕРГ

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Лес». 7. Прибор для определения плотности жидкости. 9. Наука о деформациях и текучести вещества. 11. Свадебная песня в античной поэзии и музыке. 14. Войсковое подразделение. 15. Картина В. Г. Перова. 16. Советский ежемесячный журнал. 19. Хоровой дирижер, народный артист СССР. 21. Гонщик на быстром спортивном судне. 24. Герой повести Н. В. Гоголя «Шинель». 28. Изделия из натуральных и химических волокон. 29. Специалист по составлению прогнозов погоды. 30. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 33. Музыкант, исполнительница на струнном инструменте. 34. Высокогорное озеро в Таджикистане. 35. Спортсмен, идущий в состязаниях впереди.

По вертикали: 1. Высокие сапоги из фетра или войлока. 2. Альпийская фиалка. 3. Опера немецкого композитора Ф. Флота. 4. Провал между островами Корсика и Сардиния. 6. Черноморский курорт в Аджарии. 8. Популяризация товаров, услуг, зрелищ. 10. Областной центр в РСФСР. 12. Комедия И. С. Тургенева. 13. Стадия шахматной партии. 17. Характер прикосновения к клавишам при игре на фортепиано. 18. Крупная перелетная птица. 19. Бревенчатые стены сооружения, избы. 20. Река, вытекающая из Ладожского озера. 22. Боевой корабль. 23. Остров у побережья Австралии. 25. Приток Волги. 26. Укрупненная заглавная буква. 27. Многогранный. 31. Утес, каменная глыба. 32. Старинный русский ударный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали: 5. Родонит. 7. Пластов. 8. Фельетон. 9. Трофимов. 12. Линотипист. 13. Барок. 15. Триоль. 16. «Отрочество». 18. Метеоролог. 20. Фреска. 22. Окаяма. 26. Зачинатель. 27. Михайлов. 28. «Свидание». 29. Пилотка. 30. Ренклод.

По вертикали: 1. Фенетика. 2. «Вольность». 3. Устинович. 4. Моноцикл. 6. Тропик. 7. Паруса. 10. Подсолнечник. 11. «Аппассионата». 14. Колыма. 15. Тобаго. 17. Эскалатор. 19. Балалайка. 21. Реквизит. 23. Максимов. 24. Пахота. 25. Клавир.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Тройка.

Фото И. Константинова (Москва, На фотоконкурс)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: И. Эндер — Портрет П. Д. Бутурлина * А. Брюллов — Портрет А. А. Бутурлина * И. Бешенцев — Из альбома карикатур * К. Брюллов — Портрет Е. Д. Сейсельденс ди Соммарива, урожденной Бутурлиной.

Публикация И. Бочарова, Ю. Гушаковой. (См. в номере материал «У потомков Бутурлина».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

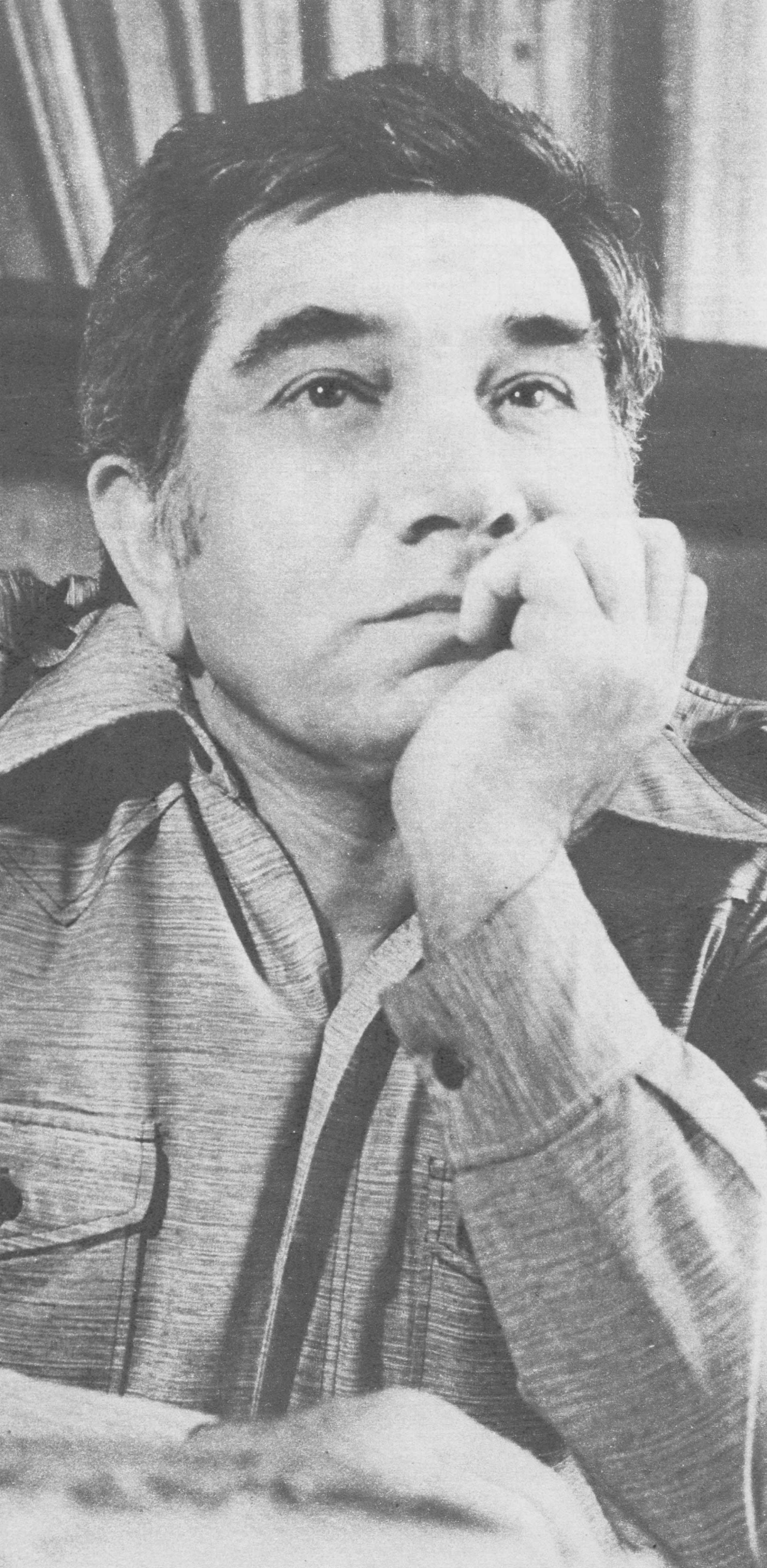
Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 212-20-19; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патристический — 250-15-33; Научи и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорт — 253-32-67; Фото — 250-56-88; Оформление — 212-15-77; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 26.11.79. Подписано к печати 11.12.79. А 00766.
Формат 70х108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 762 000 экз. Изд. № 3006. Заказ № 1537.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

интервью «огонька»

— Скажите, о чем вы думаете перед началом, Армен Борисович?.. Перед началом той новой жизни, которую вы, артист театра, кино, телевидения, дадите ничем на вас не похожему, иному, чем вы, другому человеку? Как начинается у вас «вхождение» в другой мир, в чужое, не твое существование?..

— Коротко не ответишь. Потому что именно тут секрет всякой актерской судьбы вообще. И всей актерской работы: ее сложности и трудности.

— Очевидно, они особенно дают себя знать, когда герои столь категорически разноплановы, как у вас? Ну, скажем, зрители только что видели на экранах ТВ Армена Джигархяна главарем бандитской шайки «Черная кошка», хладнокровным убийцей в картине «Место встречи изменить нельзя». А в другом телефильме, скажем, в «Аревинк», — тоже не так давно, — вы вместе с Софино Чинаурели раскрывали редкую силу доброты, человечности, побеждающей все препятствия...

— Да, это так. Но мне мои герои интересны со всеми их качествами. И как-то получается, что они не становятся для меня некими мало-знакомыми между собою «соседями», живущими по разным углам моей души. Все они в ней умещаются, если так можно выразиться. Живут где-то внутри тебя самого. Твоего актерского существа. И, возможно, по-своему даже взаимодействуют. Обогащают, что ли, друг друга. А меня заставляют постоянно искать новое. Иные черты. Иные тональности. Порой самые резкие, несхожие характеры. Мне они интересны все. Поэтому я не чужаюсь большой актерской нагрузки. Она заставляет думать. Тренирует воображение, фантазию. Всегда что-то подсказывает.

— Доброе начало, следовательно, помогает отчетливее выявлять природу зла, и наоборот?

— В общем-то, и этому можно свести задачу. Но и она много сложнее... Человек и его жизнь. Его обстоятельства. Все условия существования, в которые мой герой, да и вообще любой «герой», то есть всякий человек без исключения бывает поставлен жизнью. Из этого исходили Станиславский, Вахтангов... Найти в герое его способ справиться с обстоятельствами: бороться либо подлаживаться... Понять это — вот главное.

— Поэтому-то и самое «зло» у вас так разнолико. Я имею в виду и театральные ваши работы. Стэнли Ковальский в спектакле «Трамвай «Желание», и вот теперь Хлудов в булгаковском «Беге» на сцене Театра имени Маяковского. Казалось бы, основа образов одна — бесчеловечность. А как они различны, ваши «герои»!

— Так это и в самом деле облик бесчеловечности, порожденной обстоятельствами жизни. Но это и разные эпохи. Разное Время. Поступки, диктуемые жизнью, слабым в общем-то людям. Потому что жестокость всегда слабее добра! Вот тут пролегает моя тема. И она неисчерпаема. Хлудов — вешатель, маньяк, пытающийся противостоять народу, революции. Озлобившаяся, волчья натура. Враг страшный, но уже сломленный внутренне.

— Стэнли Ковальский совсем другой.

— Да, он другой. Так ведь и время жизни у него другое. Все обстоятельства совсем другие. Но и в нем живет убийца. Он трус, ничтожество. В своей низости, мерзости он страшнее Хлудова.

— В нем видишь сегодняшнее порождение типично американского «хватательного» насильнического инстинкта. Тут и бездуховность Стэнли, и его предельное самодовольство, наглость, жадность, тупость... Стэнли — «маленький» человек, но как же он масштабен социально в своей аморальности, безнравственности. В нем видишь тех американцев, которые убивали во Вьетнаме, и тех, которые будут убивать где и когда угодно. Хотят убивать.

КОРОТКИЙ

— Может, в других обстоятельствах Стэнли был бы другим... Вот в этом-то все и дело, вся суть образов в искусстве. Жизнь делает людей такими, какие они есть. И актер должен всегда исходить из жизни. Другого столь могучего учителя нет.

— Вероятно, вы очень устаете, Армен Борисович, отдавая себя всегда предельно щедро?

— Напротив! Уверен, что индивидуальность каждого артиста только так и шлифуется. В работе. Когда он не слишком «бережет» себя. Впрочем, это закон любой работы.

— Чувство постоянной готовности к своему делу?

— Именно так. Актер создается в непрерывном действии. При этом «маленьких» ролей, незначительных образов для актера нет. И это тоже закон большой сценической классики.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии Армянской ССР Армен Джигархянн.

Закончились съемки фильма «Полет начинается с земли» (режиссер Н. Оганесян). Юные поклонники встречаются с героем новой киноленты.

РАЗГОВОР С ДЖИГАРХАНЫЯНОМ

Семья: мама Елена Васильевна, дочь Елена и сын Степан.

«Бег». В роли Корзухиной — С. Немолева, Хлудов — А. Джигарханян.

